

Российская академия наук
Уфимский научный центр
Институт истории, языка и литературы

На правах рукописи

Хамидуллин Салават Ишмухаметович

**БУРДЖАНЫ: ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ,
ГИПОТЕЗЫ**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология, антропология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор географических наук профессор
Псянчин Айбулат Валиевич

Санкт-Петербург
2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. БУРДЖАНЫ В ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ ВОСТОКА	35
§ 1. Булгаро-бурджанская проблема	35
§ 2. Этногеография бурджан	43
ГЛАВА II. БУРДЖАН И БЕРЗИЛИЯ: ХРОНОЛОГИЯ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ АТТРИБУЦИЯ	55
§ 1. Хронология бурджан и берзилов	55
§ 2. Локализация Бурджана и Берзилии	64
§ 3. Этимология этнонимов и этническая атрибуция бурджан и берзилов	78
ГЛАВА III. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БУРДЖАН В III–XIII ВВ. Н. Э.	90
§ 1. Предки народа бурджан	90
§ 2. Царство Бурджан и Сасанидская империя	117
§ 3. Бурджаны в тюркское время	137
§ 4. Бурджаны на Балканах, Средней Волге и Южном Урале	177
ГЛАВА IV. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА БАШКИР КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНДОИРАНСКОЙ МИФОЛОГИИ	208
§ 1. Мифология древних ариев и эпос «Урал-батыр»	208
§ 2. Иранизмы в мировоззрении древних башкир	228
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	237
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	241
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	255
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	278
ПРИЛОЖЕНИЯ	279

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено происхождению и этнической истории *бурджан (бурзян)* – родового подразделения в составе башкир. Последние состоят из более чем 40 единиц таксономического порядка, которые, влившись в состав народа в разные периоды времени, сформировали его современное этническое лицо.

Бурджаны (бурзяне) являются одной из наиболее древних и этнообразующих групп башкирского народа. До и после присоединения Башкирии к Русскому государству они составляли отдельную этносоциальную единицу – Бурзянскую волость. В данном случае русское слово *волость* является эквивалентом терминов *улус, эль, аймак, ырыу (уруг)*, применяющихся для обозначения родоплеменных структур тюркских народов.

В настоящий момент башкиры-бурзяне компактно проживают в *Бурзянском* и *Баймакском* районах, дисперсно – на территории других муниципальных образований Республики Башкортостан, а также в ряде сел Оренбургской, Самарской и Саратовской областей¹.

Этникон *бурджан* мусульманские ученые средневековья применяли, с одной стороны, по отношению к одноименному племени, обитавшему в прикаспийских степях к востоку от Кавказского хребта на территории современного Дагестана. С другой стороны, у большого числа авторов данной традиции он стал экзонимом дунайских болгар. По причине неоднозначности применения данного термина в историографии возникла болгаро-бурджанская проблема, фокус которой направлен на вопрос соответствия друг другу этнонимов *болгар* и *бурджан*.

Актуальность темы исследования обусловлена слабой изученностью вопроса происхождения бурджан (бурзян), а также отсутствием специальных работ в отечественной и зарубежной историографии по данной

¹ *Асфандияров А. З.* История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. С. 43, 82, 681, 698 и др.

проблематике. Между тем, без решения вопросов, касающихся этнической истории, путей и времени миграций данной этнической группы, невозможно создать объективную картину этногенеза башкирского народа, а также адекватно объяснить ряд спорных моментов в истории хазар, северокавказских и дунайских булгар.

Объектом исследования являются средневековые бурджаны, предки современных башкир рода бурзян. Последнее название является русифицированной формой классического термина *бөржән* (بورجان), как они именуется в письменной традиции Урало-Поволжья. В арабо-персидской историко-географической литературе ему соответствует арабская графическая форма *بُرْجَان* (бурджан) и персидская *برچان* (бурчан). В русских источниках XVII-XVIII вв., как правило, упоминается Бурзенская волость, а в ряде случаев – «деревня», то есть аул (волость) Бурчан¹. Приведенная корреляция основана на мнении таких исследователей, как Мурад Рамзи, Ахмед-Заки Валиди Тоган, Р. Г. Кузеев, А. Б. Булатов и др., связывавших книжный термин *بُرْجَان* (бурджан) с живым носителем этнонима – бурзянами, субэтнической группой в составе башкирского народа².

Предметом исследования является происхождение и этническая история бурджан (бурзян), в проблемное поле которой входит также рассмотрение сложной историографической болгаро-бурджанской проблемы, не получившей исчерпывающего объяснения до сего дня. Другой аспект исследования касается этногенеза башкирского народа, одним из древнейших компонентов которого был туранский (сармато-аланский) субстрат в лице древних бурджан.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.-Л., 1936. С.124.

В русских источниках *аул* иногда соответствует понятию волости.

² *Рамзи М.* Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вакаи' Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар. Т. I. Оренбург, 1908. С. 241; *Togan Z. V.* Başkurtların Tarihi // Türksoy Yayınları. № 18. Ankara, 2003. С. 14; *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 139; *Булатов А. Б.* Восточные средневековые авторы о башкирах // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971. С. 323–324; и др.

Согласно иранской эпической традиции, отраженной в Авесте, среднеперсидских (пехлевийских) сочинениях, а также в поэме Фирдоуси «Шахнаме», Туран включал в себя весь массив преимущественно ираноязычных кочевников Средней Азии, Приаралья, Южного Урала и Прикаспия, изображаемых в качестве враждебной Ирану стихии. В диссертации во избежание терминологической путаницы намеренно разводятся понятия Иран и Туран, атрибуции *иранский* и *туранский*. Таким образом, *туранцы* – это северные ираноязычные кочевники (саки, скифы, сарматы, дахи, аланы и др.), а *иранцы* – жители исторического Ирана.

В диссертации также исследуется башкирская мифология и эпос, имеющие параллели с эпическими сказаниями Ирана и Индии, а также рассматривается политическая история названного племени.

Хронологические рамки исследования охватывают большой временной отрезок между III и XIII в. Однако основное внимание фокусируется на периоде III–VII вв., то есть времени существования на Северном Кавказе политического объединения Бурджан. Верхняя хронологическая граница диссертации обусловлена известиями армянских, арабских и сирийских источников, относящих появление на исторической арене племени берзил (барсил, берсула) и бурджан, между которыми в исследовании ставится знак равенства, к III в. Нижняя граница определяется временем исчезновения этнонима, хоронима и ойконима Бурджан/Берзилия на Северном Кавказе, что хронологически совпадает с опустошительными арабскими нашествиями на территорию Хазарии в VII в. и формированием в это же время турбаслинской культуры на Южном Урале.

Территориальные рамки исследования охватывают обширные пространства Евразии от Приаралья на востоке до Балканского полуострова на западе и от Уральских гор на севере до Ирана на юге. Однако основное внимание акцентировано на территории Кавказа (современный Дагестан и Закавказье) и Балканского полуострова.

Целью диссертационного исследования является описание этнической истории бурджан и, следовательно, доказательство их историчности, а также аргументация участия туранского компонента в этногенезе башкир на примере данного родового подразделения.

Задачи исследования:

- опровергнуть господствующее в историографии мнение о том, что термин бурджан, используемый арабо-персидской историко-географической традицией, является всего лишь вариантом написания этнонима булгар;

- объяснить историографическую проблему смешения этнонимов бурджан и булгар в арабо-персидской литературе;

- показать соответствие друг другу этногеографических понятий (хоронимов) Берзилия и Бурджан и, следовательно, этнонимов бурджан и берзил (барсил, берсула, бурдж-оглы, бурчевичи);

- установить причину перенесения хоронима (этнонима и ойконима) Бурджан, упоминаемого с эпохи поздней античности в качестве вассального владения Сасанидского Ирана, а затем Хазарского каганата, на одну из областей Балканского полуострова;

- провести сравнительный анализ индоиранской мифологии и башкирского эпоса «Урал-батыр».

Методологической основой диссертации являются принципы историзма, системности, объективности, опоры на исторические источники и историографическую традицию в понимании диалектики исторических и этнокультурных процессов, связанных с объектом исследования.

Сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный, историко-генетический, а также методы периодизации и диахронного анализа позволяют вычленить политическую историю бурджан из общего контекста событий, протекавших на фоне развития таких государственных образований, как империя гуннов, Тюркский и Хазарский каганаты.

Абстрактно-логический метод познания дал возможность по-новому взглянуть на некоторые аспекты истории Северного Кавказа III–VII вв., а также на происхождение и раннюю историю хазар, болгар и бурджан/берзилов. Для доказательства основных положений диссертации использовался междисциплинарный подход, в данном случае сочетавший в себе методологию и принципы таких наук, как история, археология, этнография, источниковедение, текстология, историческая география, мифология, лингвистика.

При определении методологических подходов исследования опора делалась на важнейшие положения отечественных исследователей в области теории и методологии этноса, например, на общепринятое понятие этногенеза, как совокупность исторических явлений и процессов, которые имеют место в ходе формирования того или иного народа и приводят к окончательному сложению его этнического лица¹.

Работа основана на достижениях отечественных и зарубежных ученых в области изучения прошлого тюркских и иранских народов. В теоретическом аспекте данная диссертация опиралась на концепции исторического развития евразийских степей, объясняющие основные моменты сложения современной этнической мозаики данного пространства, которые изложены в трудах таких исследователей, как В. В. Бартольд, М. И. Артамонов, С. П. Толстов, С. Г. Кляшторный, А. В. Гадло, Э. А. Грантовский, Г. М. Бонгард-Левин, Йозеф Маркварт, В. Ф. Минорский, Ахмед-Заки Валиди Тоган, Питер Голден, Л. Б. Гмыря, А. К. Салмин и др.

Степень изученности проблемы. В западноевропейской и отечественной литературе история бурджан как таковых не рассматривалась, поскольку этноним бурджан считался лишь экзонимом дунайских болгар. Внимание исследователей, как правило, фокусировалось лишь на объяснении загадочного для них термина бурджан, часто встречающегося в средневековых арабо-персидских сочинениях.

¹ Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986. С. 3.

Значение данного этнонима (топонима, хоронима, ойконима, эпонима, экзоэтнонима, автоэтнонима) рассматривалось исследователями на страницах многих публикаций на европейских, русском, арабском языках и урало-поволжском тюркí. Западные и российские авторы отождествляли бурджан с дунайскими булгарами. Башкирская письменная традиция XVII–XIX вв., а также башкирские авторы XIX – начала XX в. подразумевали под ними родовое подразделение в составе башкирского народа, пережившее в прошлом период существования в качестве самостоятельного этноса и имевшее собственную государственность.

В зарубежных публикациях, которые в XIX в. осуществили Этьенн-Марк Катрмер, Вильям Мак-Гакин де Слэн, Христиан Мартин Френ, Август Фердинанд Мерен и другие, было заявлено, что под Бурджаном средневековые арабы подразумевали Дунайскую Болгарию¹. Немецкий востоковед Йозеф Маркварт, подытоживая достижения европейской науки, пришел к выводу, что под бурджанами скрываются булгары дунайские и северокавказские, но не волжские, а также – в описании путешествия Харуна ибн Яхьи в Западную Европу – бургунды². Данной проблемы коснулся и В. Ф. Минорский, однако его точка зрения мало чем отличается от мнения его европейских коллег³.

В отечественной историографии одним из первых обратил внимание на термин *бурджан* А. Я. Гаркави. Он следовал авторитету своих предшественников, ставя знак равенства между ними и дунайскими булгарами. Замечая, что у некоторых арабских писателей первые не соответствуют вторым, он выражает некоторые сомнения относительно этой корреляции⁴. Однако дальше этого замечания он не пошел. В. В. Бартольд, не

¹ *Quatremère M.* Histoire des mongols de la Perse écrite en persan par Rashid-eldin. P., 1836. P. 405; *Les Prolegomenes D'Ibn Khaldoun.* P., 1863. P. 161; *Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui.* St-Petersbourg, 1866. P. XXV.

² *Marquart J.* Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. С. 204–206, 207, 491.

³ *Hudud al-'Alam : The Regions of the World : A Persian Geography,* 372 A. H. – 982 A. D. L., 1937. P. 423.

⁴ *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб, 1870. С. 20.

углубляясь в суть вопроса, повторял выводы Йозефа Маркварта¹. В работах Б. Н. Заходера, А. П. Новосельцева, В. Г. Крюкова и И. Г. Коноваловой также комментировалось значение данного названия². Все перечисленные авторы, как и их предшественники, считали данное название арабским наименованием дунайских болгар. Свою интерпретацию термина бурджан представили Тадеуш Левицкий, В. В. Полосин и О. Б. Фролова, однако, на наш взгляд, малоубедительную³.

Башкирская письменная традиция всегда рассматривала термин бурджан не как дубликат названия дунайских болгар, а либо как название отдельного народа, либо как родовое подразделение в составе башкир. В сочинении «Кысса-и Чингиз-хан» («Сказание о Чингиз-хане»), входившим в состав сборника XVII в. «Дафтар-и Чингиз-наме»⁴, бурджаны упоминаются как одно из башкирских племен, якобы, поддержавших Чингиз-хана в начале его восхождения к вершинам власти⁵. В родословных росписях (шежере) они фигурируют в числе ведущих элей (аймаков) башкирского народа⁶. Как считает Б.А. Азнабаев, данное сказание предназначалось «для оправдания специфической политической ситуации, сложившейся в Башкирии в XIII – XV веков»⁷.

¹ Бартольд В. В. Болгары // Соч. Т. V. М., 1968. С. 510.

² Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. М., 1962. С. 37; Крюков В. Г. Сообщения анонимного автора «Ахбар аз-заман» о народах Европы // Древнейшие государства на территории СССР : материалы и исследования, 1981 г. М., 1983. С. 205; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 77; Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 112.

³ Lewicki T. Zrodla arabskie do dziejow slowianszczyzny. Т. I. Wroclaw-Warszawa-Krakow, 1956. С. 24–27; Полосин В. В. Этноним «болгары» в арабских источниках // Краткие сообщения VII научной сессии ЛО ИВ АН СССР. Л., 1971. С. 145; Фролова О. Б. Об этническом названии «бурджан» у арабских географов // Ученые записки ЛГУ. № 395. Вып. 20. Л., 1977. С. 195.

⁴ Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972. С. 124.

⁵ Хальфин И. И. Жизнь Джингиз-хана и Аксак-Тимура. Казань, 1822. С. 53; Даль В. И. Жизнь Джингиз-хана : Татарская сказка // Сын Отечества. Т. 47. 1835. № 4. С. 195–230.

⁶ Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 71–80.

⁷ Азнабаев Б.А. Аплогия власти племенной знати в «Дафтар-и Чингиз-наме» // Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сборник статей / Ответ. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. Вып. 1. С.190.

Башкирский писатель, суфийский поэт и богослов Тадж ад-Дин Ялчигул аль-Башкурди (1768–1838 гг.) в составленном им легендарном родословии тюркских народов помещал и эпоним племени бурджан, название которого ему было знакомо не только по факту существования башкир-бурзян, но и по частным упоминаниям в восточной литературе, хорошо знакомой автору¹. Для древнего периода их истории имеется ценнейшее этногенетическое предание, опубликованное автором XIX в. Мухаммед-Салимом Уметбаевым².

Одним из первых вопроса происхождения, а также ранней истории башкирского народа и племени бурджан в частности, коснулся в своем очерке «Башкурды» знаток народных преданий Юлбарыс Бикбов: «Точных указаний, к какому роду принадлежат бурзянцы, не имеется, но сохранились два предания: по одному из них бурзянцы принадлежат не к башкирскому племени, а к какому-то другому, хотя тоже тюркскому; по другой же версии бурзянцы принадлежат к монгольскому племени... В истории муллы Шигабутдина Марзянского имеются сведения, что часть бурзянцев, составлявшая самостоятельный народ, в 600-х гг. жила за Днестром в соседстве со славянами»³. Упомянутый казанский историк Шихаб ад-дин Марджани следовал в русле современной ему европейской науки, отождествляя Бурджан с Дунайской Болгарией: «...Третий сын [Кубрата] Аспарух, переправившись с множеством племен через реку Днестр, подчинив себе некоторую часть славян, обосновался в государстве Бурджан»⁴.

Оригинальные идеи относительно бурджан высказывал башкирский автор начала XX в. Мурад Рамзи. Со ссылкой на арабского историка XIII в. Ибн аль-Асира он констатировал, что иранский шах Ануширван воевал с

¹ *Галяутдинов И. Г.* Тарих нама-и Булгар Таджетдина Ялсыгулова. Уфа, 1998. С. 130.

² *Уметбаев М.-С.* Ядкар. Казань, 1897. С. 39.

³ *Бикбов.* Башкурды (Материалы по истории башкирского народа) // Оренбургская газета, 1899. № 762, 765, 768, 771, 773, 777, 789.

⁴ *Марджани Ш.* Китаб мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар. Ч. 1. Казань, 1897. С. 74.

бурджанами, правда, не уточняя где именно. Уже одно это делает данное племя участником событий VI в., поэтому Мурад Рамзи попытался сопоставить его с народом *жуужань*, пик могущества которых, согласно китайским хроникам, падает именно на V–VI вв. На эту мысль его натолкнуло, по всей вероятности, знакомство с европейскими переводами китайских хроник и современными ему сочинениями западных историков. Он пишет: «Мы уже говорили ранее о возможности их (бурджан – С. Х.) существования [под именем] татар – “жужан аль-манкул” (т. е. моголов-жужаней – С. Х.), [известных нам] из историй аль-ифранджей (европейцев – С. Х.), что подтверждается фактом отсутствия у них названия Бурджан, употребляемого, согласно мусульманским историкам, для обозначения некоего могущественного народа»¹. Рассуждения Мурада Рамзи, по всей видимости, строились следующим образом: коль скоро, согласно многочисленным свидетельствам арабских авторов, этот народ обитал в Европе, то его не могли не знать европейские авторы. Тем не менее, они не употребляют названия бурджан. Следовательно, последние скрывались под другим именем. Эту роль Мурад Рамзи ошибочно отводил китайскому термину «жужан», основываясь, вероятно, лишь на сомнительном созвучии и внешней схожести написания: **جو جان** (жу-жан) – **بر جان** (бур-жан).

Ахмед-Заки Валиди использовал сводку сведений о бурджанах Мурада Рамзи при написании своей статьи «Среди бурзьянских башкир», опубликованной в журнале «Шура» в 1913 г. Он, в частности, писал: «Он (Мурад Рамзи – С. Х.) в первом томе «Талфик аль-ахбар» собрал сведения арабских авторов о бурджанах, начиная с V в. По их словам, бурджаны обитали возле нынешнего Хивинского ханства в районе Мангышлака. Ибн аль-Асир где-то нашел известие, что они воевали против Ануширвана»². О бурджанах на территории Мангышлака упоминал арабский энциклопедист XIV в. аль-‘Умари, но не Ибн аль-Асир, знавший их как врагов шаха

¹ Рамзи М. Указ. соч. С. 242.

² Валиди Ә.-З. Бөржән башкортлары арасында (بورجان باشقردلاري آراسنده)// Шура. № 20 (15 окт. 1913 г.). 617 б.

Ануширвана на территории Кавказа. Советский и российский этнограф Р. Г. Кузеев при написании своего исследования «Происхождение башкирского народа» опирался на перевод сведений Мурада Рамзи, сделанный в статье Ахмедом-Заки Валиди.

К сожалению, неверно истолкованный смысл названной статьи стал причиной целой череды ошибок, допущенных Р. Г. Кузеевым. Ссылаясь на своего предшественника, он писал: «В VI в. н. э. бурджаны, согласно Ибн аль-Асиру, участвовали в районе современной Хивы в борьбе против Ануширвана. Очевидно, имеются в виду события 60-х гг. VI в., когда государство эфталитов было разгромлено алтайскими тюрками... В конце VI в. (588 г.) бурджаны участвовали в крупном нашествии на иранские владения. Бурджаны могли участвовать в борьбе каганата против Сасанидского Ирана только в том случае, если они издавна обитали на Сырдарье или продвинулись сюда в середине VI в. в составе тюркской кочевой экспансии»¹. Таким образом, механическое соединение известий аль-Умари и Ибн аль-Асира, совершенное по ошибке, повело Р. Г. Кузеева по заведомо тупиковой цепи рассуждений, так как именно мнимая локализация бурджан Ибн аль-Асиром «в районе современной Хивы» стала главным аргументом в пользу их тюркского происхождения.

Арабский автор X в. аль-Мас'уди в качестве причины переселения печенегов на запад в конце IX в. называл столкновение, произошедшее между огузами, карлуками и кимаками с одной стороны, и племенами баджанак (печенеги), баджгурд (башкиры), наукерда и баджна с другой. Последние ассоциировались Р. Г. Кузеевым с бурджанами². Этот вывод опять же был сделан на основании неверного перевода отрывка сочинения Мурада Рамзи: коль скоро бурджаны обитали на Сырдарье, то, понятное дело, отправиться к пределам Византии, где их знает целый ряд арабских авторов, они могли только в составе печенежско-башкирского движения, начавшегося в конце IX

¹ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 140.

² Там же. С. 134–135.

в. от Восточного Приаралья. Справедливости ради нужно сказать, что Р. Г. Кузеев мог стать жертвой не только неверного перевода вышеприведенного отрывка сочинения Мурада Рамзи, но и ошибочных выводов последнего: «Ибн аль-Асир также рассказывает, что против них (бурджан – С. Х.) воевал римский кесарь в III в. хиджры (IX в. н. э. – С. Х.), почему высока вероятность их происхождения от аль-баджанак»¹.

Ахмед-Заки Валиди относил бурджан к древнейшему этническому компоненту башкирского народа: «В древности бурджаны находились вместе с башкирами или были одним из их племен, так как вплоть до XVI в. они обитали между Иртышем и к северу от Аральского моря в соседстве с печенегами и кимаками»².

Историк начала XX в. Риза ад-дин бен Фахреддин упоминает бурджан только в качестве одного из башкирских родовых подразделений³.

В турецкой историографии вопроса происхождения бурджан в работе «Истории башкир» («Başkurtların Tarihi») коснулся тот же Ахмед-Заки Валиди Тоган, связывавший их со скифо-сарматским миром, а конкретно, с *борусками* Клавдия Птолемея⁴.

Особого внимания заслуживает точка зрения А. Б. Булатова, высказавшего мнение о том, что этнонимы *бурджан* и *бурдж-оглы* являются названиями одного и того же племени, что, в свою очередь, открывает новые перспективы для решения сложнейшей болгаро-бурджанской проблемы⁵. Племя бурдж-оглы упомянуто рядом восточных авторов, в частности Шамс ад-дином Димашки, в числе подразделений Дешт-и Кыпчака⁶. В то же время Н. А. Баскаков и Питер Голден сопоставляли его с родовым подразделением берсула или берзил (барсил), зафиксированным в составе Волжской Болгарии

¹ Рамзи М. Указ. соч. С. 242.

² Валиди Э.-З. Указ. соч. 617 б.

³ Фахреддинев Р. Болгар в Казан төрекләре. Казань, 1993. 22 б.

⁴ Togan Z. V. Op. cit. С. 3.

⁵ Булатов А. Б. Указ. соч. С. 323.

⁶ Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui. P. 21.

и Хазарского каганата¹. Выводы названных ученых складываются в уравнение: бурджан = бурдж-оглы = берсула (берзил).

Таким образом, перечисленные исследователи, не касаясь напрямую данной проблемы, ограничивались лишь общими замечаниями относительно нее. Поэтому можно констатировать, что предшествующая историография не дала ответа на вопрос о происхождении бурджан и соотношении их этнонима с именем болгар.

Источниковая база. А) Арабо-персидские источники имеют первостепенное значение для темы данного исследования. Они представлены географическими и историческими сочинениями VIII–XV вв., критические тексты которых в разное время были изданы на языках оригиналов. Значительную часть работ арабоязычных авторов опубликовал Михаэль де Гье (M. De Goeje) в серии «*Bibliotheca Geographorum Arabicorum*» (Leiden, 1870–1894). К ним относятся сочинения Ибн Хордадбеха, аль-Истахри, Ибн аль-Факиха, Ибн Хаукаля, Ибн Русте, Кудама ибн Джафара, аль-Мукаддаси. Отдельно им были изданы знаменитые «*Annales*» ат-Табари (Leiden, 1879–1901). Публикации других арабских текстов авторства Абу-ль-Фиды (Paris, 1840), Казвини (Göttingen, 1848), Ибн Халдуна (Paris, 1858, 1863), Димашки (Saint-Petersbourg, 1866), Мас’уди (1861–1877), Я’куби (Leiden, 1883), Динавари (Leiden, 1888), Макдиси (Paris, 1907), Са’алиби (Paris, 1900), Бируни (London, 1934), Ибн Са’ида (Tetuan, 1958), аль-‘Умари (Wiesbaden, 1968) осуществили Жозеф Гуссен Рено (M. Reinaud), Фердинанд Вюстенфельд (F. Wüstenfeld), Этьенн-Марк Катрмер (E. M. Quatremère), Уильям Мак-Гакин де Слэн (M. De Slane), Христиан Мартин Френ (M. Fraehn), Шарль Барбье де Мейнард (B. Meunard), Мартин Теодор Хаутсма (M. Houtsma), В.Ф. Гиргас, Мари-Клеман Хюар (M. Huart), Герман Цотенберг (H. Zotenberg), Дэвид Роэлл (D. Roell), Хуан Вернет Хинес (J. Vernet Gines), Клаус Лех (K. Lech) соответственно. Такими издательствами Бейрута, Каира

¹ Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 35; Golden P. B. *Khazar Studies: A Historic-philological Inquiry into the Origins of the Khazars*. Vol. I. Budapest, 1980. P. 147.

и Эр-Рияда, как Dar al-fikr, Dar al-kutub al-'Ilmiyya, Dar Sadir, Mu'assasa al-Ma'arif, Maktaba al-Thaqafa al-diniyya, Al-Majlis al-A'la li-l-Thaqafa, Dar al-Thaqafiyya li-n-nashr, Dar al-Andalus, Дар Таййиба были опубликованы труды Балазури, Халифы бен Хаййата, аль-'Умари, Ибн Исфендияра, Ибн аль-Асира, Идриси, Йакута ар-Руми, Мас'уди, Мискавейха. Некоторая часть текстов перечисленных арабских авторов переведена на русский, французский и английский языки.

Что касается персоязычных сочинений, то среди них к теме данного исследования имеют отношение анонимный трактат «Худуд аль-'Алам» и «Тарих-е Табари», являющийся компендиумом «Истории пророков и царей» ат-Табари, выполненным в X в. саманидским визирем Мухаммедом Бал'ами. Оригинальный текст «Худуд аль-'Алам» (Тегеран, 1962) издан Манучехром Сотудэ. Однако имеются его арабский и английский переводы¹.

Одним из первых мусульманских историков арабского происхождения был Халифа ибн Хаййат (ум. 854/855 г. х.), автор сочинения «История» («Тарих»), в котором описываются политические события в период между 1-м и 847-м гг. хиджры Пророка, в частности, арабско-хазарские и арабско-византийские войны. При описании военных кампаний мусульман он упоминает о народе бурджан, с которым арабам пришлось столкнуться на Кавказе и Балканах².

Самым ранним дошедшим до наших дней текстов по описательной географии является труд Мухаммеда аль-Хорезми (аль-Хваризми) «Китаб сурат аль-ард» («Книга картины Земли»). Он был написан между 836 и 847 г. и представляет собой переработку «Географического руководства» александрийского ученого II в. н. э. Клавдия Птолемея. Аль-Хорезми работал в «Доме мудрости» (Бейт аль-Хикмат), созданном в Багдаде по инициативе халифа аль-Мамуна. В этой академии мусульманского Востока проводились

¹ Худуд аль-'Алам мин аль-машрик иля-ль-магриб / Изд. Юсуф аль-Хади. Каир : ад-Дар ас-Сакафийа ли-н-нашр, 1999. – 109 с.; Hudud al-'Alam : The Regions of the World : a Persian Geography, 372 A. H. – 982 A. D. / Trans. and expl. by V. Minorsky. L., 1937. – 524 p.

² Тарих Халифа бен Хаййат. Эр-Рияд, 1985. С. 261, 315.

работы по переводу трудов греческих и сирийских авторов на арабский язык по астрономии, географии, математике, медицине и другим наукам. Астрономические и географические воззрения Птолемея оказали огромное влияние на развитие арабской науки, и одним из пионеров освоения древнегреческого научного наследия в Халифате был аль-Хорезми. Книга «Китаб сурат аль-ард» составлена в виде таблиц с указанием широт и долгот пунктов, сгруппированных по 7 климатам, хотя сам Птолемей делил обитаемую землю на 21 климат. Эта система, получившая несколько иное содержание, затем господствовала во всей мусульманской географии вплоть до Нового времени. В тексте аль-Хорезми есть упоминание о «земля Бурджан»¹.

Современник и коллега Мухаммеда аль-Хорезми по службе в «Доме мудрости», затем работавший при дворе халифа аль-Мутаваккиля (833–861 гг.), Ахмед аль-Фергани, сыграл выдающуюся роль в становлении как мусульманской, так и европейской науки. Взяв за основу «Альмагест» Клавдия Птолемея, он составил свой трактат «Книга о небесных движениях и свод науки о звездах», которым европейцы пользовались вплоть до XVI в.² Как и аль-Хорезми, он делит населенную часть земли на 7 климатов. Описывая два последние из них, аль-Фергани упоминает Бурджан: «Шестой климат начинается с востока и идет через страну Йаджудж, затем через страну хазар, пересекает центр моря Джурджана к стране Рум, идет через Джурзан, Амазею, Гераклею, Халкедон, Константинополь, страну Бурджан и доходит до Западного моря. Седьмой климат начинается с востока от севера страны Йаджудж, затем идет через страну тюрков, затем по побережью моря Джурджана [с той стороны], что примыкает к северу. Затем пересекает море Рума, идет в страну Бурджан и славян и примыкает к Западному морю»³.

¹ *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата: Тексты, переводы, комментарии. М., 1988. С. 48.

² *Она же.* Спорный этноним в астрономическом трактате ал-Фергани // Древнейшие государства на территории СССР : материалы и исследования, 1987. М., 1989. С. 238–239.

³ *Она же.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. С. 130.

Джурзан – арабское название Грузии; Амазея, Геркалея, Халкидон – города Византии;

Здесь под бурджанами, как считает большинство исследователей, подразумеваются дунайские болгары. Данное описание VI и VII климатов аль-Фергани, ставшее хрестоматийным, затем многократно повторялось в сочинениях последующих арабских географов.

Важным источником для исследуемого вопроса является сочинение «Китаб аль-масалик ва-ль-мамалик» («Книга путей и государств»), которое в 80-х гг. IX в. написал Ибн Хурдазбих (*ابن خردادبه*), обычно именуемый Ибн Хордадбехом. Он был человеком весьма осведомленным, так как занимал должность начальника почты провинции Джибаль и одно время пребывал при дворе халифа аль-Му'тамида (870–892 гг.), где имел неограниченный доступ к государственным архивам. «Китаб аль-масалик ва-ль-мамалик» дошел до нас лишь в сокращенной редакции. Однако многие последующие авторы использовали не сохранившийся полный список сочинения. Труд Ибн Хордадбега имеет принципиальное значение для хронологии бурджан. Его данные о провинциях Византийской империи и странах Балканского полуострова восходят к утраченному сочинению Муслима аль-Джарми. Последний писал свой труд на основании личных наблюдений, приобретенных в византийском плену, из которого был выкуплен в 845 г. Его сочинение «явилось важным и, быть может, основным источником о Византии» для арабской географической литературы¹. Сведения о Византии, почерпнутые у аль-Джарми, вошли в труды Ибн Хордадбега, аль-Мас'уди, Ибн аль-Факиха, Кудама ибн Джа'фара и других². Что касается Бурджана, то Ибн Хордадбех, как и Халифа ибн Хайят, знает две страны с таким названием – на Кавказе и на Балканах, которые для удобства автор диссертации именуется Бурджаном-на-Кавказе и Бурджаном-на-Балканах³.

море Джурджана, море Рума, Западное море – Каспийское, Средиземное моря и Атлантика соответственно.

¹ *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература. М., 2004. С. 132.

² *Marquart J.* Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. S. 28.

³ *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 61, 98; *Kitab al-masalik wa'l-mamalik auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Khordadbeh et excerpta e Kitab al-kharadj auctore Kodama ibn Dja'far // BGA. Pars VI. Leiden, 1889. P. 17, 18, 105.*

«История» аль-Я'куби, написанная около 891 г., содержит сведения о родословии народов Кавказа и Закавказья. Историк некоторое время проживал в этом регионе, где мог почерпнуть сведения местной традиции о странах севера. Генеалогия или *'ильм аль-ансаб* (علم الانساب), как жанр арабской литературы, предшествовала историческим сочинениям и в свое время пользовалась большой популярностью. По мере расширения Халифата мусульманские писатели, например, Хишам аль-Калби (VIII в.), пытались с позиций библейской (семитической) традиции, то есть от Адама и Евы, объяснить происхождение различных народов. Отрывки этих генеалогических трудов, по большей части утраченных, были включены в сочинения позднейших арабских историков, географов и энциклопедистов, в том числе в «Историю» аль-Я'куби. В главе *аль-Джарби*, т. е. «страны Севера», посвященной племенам Кавказа и Закавказья, автор упоминает царство Бурджан¹.

Историческое сочинение «Китаб футух аль-булдан» («Книга завоевания стран») аль-Балазури, написанная незадолго до смерти последнего в 892 г., передает рассказ о встрече иранского шаха Ануширвана с «царем турок» в местности аль-Баршалия в связи с сюжетом о постройке Дербента и его знаменитых стен². И. Ю. Крачковский писал: «Ал-Балазури тщательно собирал местные сведения о населении, миграциях, постройке важных зданий»³. Его рассказ о постройке Хосроем Ануширваном Дербентских укреплений, помещенный в главе «Завоевание Армении», по всей видимости, был заимствован из персидских преданий. Ссылки на *ахбар аль-фурс* (اخبار الفرس), то есть «предания персов», и *сийар аль-мулюк мин аль-а'аджим* (سير الملوك من الاعاجم), то есть «биографии персидских царей», имеются в сочинениях многих авторов. Сведения аль-Балазури приобретают особую значимость при сравнении с данными, приводимыми в сочинениях ат-Табари (838–932 гг.) и Ибн аль-Асира (1160–1234 гг.).

¹ *Ibn-Wadhih qui dicitur al-Ja'qubi. Historiae. Pars I. Lugduni Batavorum, 1883. P. 203.*

² *Балазури. Футух аль-булдан. Бейрут, 1987. С. 275.*

³ *Крачковский И. Ю. Указ. соч. С. 156.*

Абу Джа'фар Мухаммед ибн Джарир ат-Табари является одним из крупнейших арабских историков и автором фундаментального исторического труда «Тарих ар-русуль ва-ль-мулюк» («История посланников Божьих и царей») или «Тарих аль-уам ва-ль-мулюк» («История народов и царей»). Как пишет Хамильтон Гибб, в его сочинении арабская «классическая историческая традиция достигла своего апогея»¹. При его написании автор использовал не только письменные источники арабского периода, но и сасанидские (пехлевийские) тексты, возможно, даже на языке оригинала. Будучи по происхождению персом, ат-Табари подробно излагает историю иранских царей, в том числе Хосроя Ануширвана, в связи с деятельностью которого упоминается Бурджан². В качестве источника информации о последнем он называет Хишама аль-Калби (ок. 738–821 гг.), видного историка и генеалога раннего периода мусульманской историографии. Источники называют его автором 140 сочинений по истории пророков, доисламской Аравии, «дням арабов» (т. е. о времени арабских завоеваний), истории исламизированных стран (Иран, Йемен и др.) и Ислама³. Какие из них использовал ат-Табари сказать затруднительно. Однако, ясно, что при описании доисламской истории Ирана он имел под рукой арабские переводы «Хвадай намаг», «предания персов», «биографии персидских царей» и пехлевийские документы и сочинения. Его рассказ начинается от сотворения мира, но ат-Табари излагает как библейскую, так и иранскую версии истории человечества, сопоставляя их и стараясь примирить между собой. Библейский Адам у него соответствует иранскому Джиумарту (Гайомарту), первому человеку иранских сказаний. А. П. Новосельцев пишет: «Ат-Табари не только дает библейские варианты древнейшей истории человечества, но и, постоянно сравнивая их с иранскими сказаниями, дополняет все это устными

¹ Гибб Х. А. Р. Арабская литература : Классический период. М., 1960. С. 130.

² Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Prima series. Pars II. Lugduni Batavorum, 1881–1882. P. 900.

³ Прозоров С. М. Арабская историческая литература в Ираке, Иране и Средней Азии в VII – середине X в. (шиитская историография). М., 1980. С. 70–73.

семитскими преданиями, далеко не всегда тождественными с Библией»¹. Нужно сказать, что иранские предания, еще бытовавшие тогда в устной форме, были также в распоряжении историка. Например, рассказывая о правлении в Иране мифического царя-змея Ажи-Дахака, он ссылается на авторитет *ахль аль-ахбар мин аль-‘араб ва-ль-‘аджам* (*اهل الاخبار من العرب والعمم*), то есть знатоков арабских и персидских преданий. Сведения о нашествии на Иран федератов Тюркского каганата – кавказских племен *б.ндж.р*, *б.л.ндж.р*, *абх.з*, по всей вероятности, были записаны именно со слов этих хранителей персидской старины.

Ахмед ибн аль-Факих аль-Хамадани составил свой труд «Китаб аль-булдан» («Книга стран») в 903 г. Его сведения относительно Бурджана-на-Балканах перекликаются с данными Ибн Хордадбега². В то же время он упоминает Бурджан-на-Кавказе. Сочинение является компиляцией, вобравшей в себя различные сюжеты, хадисы, легенды и анекдоты из жизни Халифата. Одним из главных его источников является «Китаб аль-масалик ва-ль-мамалик» Ибн Хордадбега. Кроме того, автор ссылается на «ахбар аль-фурс», когда рассказывает о строительстве Ануширваном «преграды в проходе Баланджара»³. Это лишний раз доказывает, что весь цикл историй о строительстве Дербентских укреплений восходят к персидским источникам.

Кудама ибн Джа’фар, написавший свой труд «Китаб аль-харадж ва сан’ат аль-китаба» («Книга о харадже и искусстве секретаря») в 20-х гг. X в., включил в него упомянутый выше рассказ аль-Балазури о строительстве Дербентских укреплений в области аль-Баршалийя, а также сведения, взятые у Ибн Хордадбега или аль-Джарми, о Бурджане-на-Балканах. Рассказывая о византийской провинции Фракия, он сообщает: «С востока с ней граничит упомянутая выше стена⁴, с юга – владение Македония, с запада – страна

¹ Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 25.

² *Ibn al-Fakih al-Hamadani. Kitab al-boldan // BGA. Pars V. Leiden, 1885. P. 92.*

³ *Ibid.* P. 289.

⁴ Стена Анастасия, закрывавшая Константинополь с запада, т. е. со стороны Балканского полуострова.

Бурджан»¹. Таким образом, географические сведения Кудама также носят компилятивный характер.

Автор многотомной энциклопедии «Китаб аль-а'лак ан-нафиса» («Книга драгоценных ожерелий»), из которой до наших дней дошел только седьмой том, Абу 'Али Ахмад бен 'Умар ибн Русте, писал между 903 и 913 г. По мнению Йозефа Маркварта, главным его источником, равно как и для автора анонимного сочинения «Худуд аль-'Алам» («Границы мира»), аль-Гардизи и аль-Бакри, был давно утраченный труд визиря Саманидов Мухаммеда аль-Джейхани, составленный в самом начале X в.² При описании стран Балканского полуострова и Византии Ибн Русте, по всей вероятности, опирался также на сведения Муслима аль-Джарми или пространную редакцию трактата Ибн Хордадбеха. Термин Бурджан использован им в двух значениях – применительно к стране на Балканском полуострове и к Бургундии, сведения о которой почерпнуты из отчета другого византийского пленника по имени Харун ибн Яхья³.

Определенное значение для вопроса о значении названия Бурджан имеет, по определению А. П. Новосельцева, «самый оригинальный арабский источник о Восточной Европе» – «Рисале» («Записка») Ахмеда ибн Фадлана, написанная по итогам его путешествия в 921–922 гг. в Волжскую Болгарию. Автор «Записки» зафиксировал, пусть не в полной мере, родовой состав населения этого государства, что помогает уточнить значение одного из этнических названий Северного Кавказа – *б.л.ндж.р*⁴. До открытия А.-З. Валиди Тоганом в 1923 г. в г. Мешхед единственного списка «Записки» Ибн Фадлана в распоряжении науки было лишь переложение текста, сделанное Йакутом ар-Руми⁵.

¹ Kitab al-masalik wa'l-mamalik. P. 257.

² Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. S. 26.

³ Ibn Rosteh. Kitab al-a'lak an-nafisa // BGA. Pars VII. Leiden, 1891. P. 130.

⁴ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.- Л., 1939. С. 74.

⁵ В «Словаре стран» Йакута ар-Руми «Рисале» Ибн Фадлана приведена не единым текстом, а отрывками в статьях «Башгурд», «Булгар», «Хазар», «Хорезм», «Итиль» и др.

Самый большой объем информации о странах и народах Восточной Европы сохранил в своих сочинениях автор первой половины X в. 'Али бен Хусейн аль-Мас'уди, который заслуженно считается самым оригинальным арабским историком и «арабским Геродотом»¹. Он был прекрасным знатоком предшествующей литературы и много путешествовал по странам Халифата от Магриба (Марокко) до Индии, а также посетил южное побережье Каспия, где, по всей видимости, почерпнул сведения о хазарах и бурджанах. Его информация имеет огромное значение для дифференциации дунайских болгар и балканских бурджан, а также для хронологии последних. Мас'уди проводит четкую линию раздела между ними, хотя имеет о них весьма смутные представления. Например, он не в состоянии отличить дунайских болгар от волжских. Для Балкан его основным источником, безусловно, был утраченный труд Муслима аль-Джарми, но многое он добавил из современных ему известий². Кроме того, для истории Ирана он широко использовал источники эпохи Сасанидов. Один из его пассажей начинается так: «И отыскал я в биографиях персидских царей...»³.

Чрезвычайно интересные сведения, отсутствующие в сочинениях арабской географической науки, содержит персидский трактат «Худуд аль-'Алам» («Границы мира»), написанный неизвестным автором в 982/983 г. Аноним приводит довольно подробный рассказ о балканских странах, упоминая по отдельности Бурджан и Болгарию⁴. Он был сугубо «кабинетным» ученым, а сам его труд является сложной компиляцией, соединившей в себе опыт различных географических школ. Одним из главных источников «Худуд аль-'Алама», по мнению В. В. Бартольда, было сочинение аль-Балхи, которое положило начало целому направлению географической мысли Халифата⁵. Продолжателями последнего стали аль-

¹ *Абу-л-Хасан 'Али ибн ал-Хусайн ибн 'Али ал-Масуди*. Золотые копи и россыпи самоцветов (История Аббасидской династии 749–947 гг.). М., 2002. С. 43.

² *Mas'udi*. *Kitab at-tanbih va-l-ishraf* // BGA. Pars VIII. Leiden, 1894. P. 191.

³ *Maçoudi*. *Les prairies d'or*. T. VI. P., 1871. P. 124–125.

⁴ *Худуд аль-'Алам*. Тегеран, 1962. С.185–186.

⁵ *Бартольд В. В.* Введение к изданию *Худуд ал-'Алам* // Соч. Т. VIII. М., 1973. С. 521.

Истахри, Ибн Хаукаль и аль-Мукаддаси. Однако в сочинениях перечисленных авторов почти отсутствует информация о немусульманских странах, в частности, о Балканах. Поэтому для темы нашего исследования они бесполезны. В отличие от них «Худуд аль-‘Алам» содержит довольно объемную информацию о европейских провинциях Византии. Как утверждал В. Ф. Минорский, источниками персидского трактата о Европе было сочинение Ибн Хордадбега, а также неизвестная нам работа, которую обычно отождествляют с утраченной «Китаб аль-масалик ва-ль-мамалик» Мухаммеда аль-Джейхани. По словам аль-Мукаддаси, последний «собирал иностранцев, расспрашивал их о царствах, доходах, дорогах, ведущих к ним»¹.

Абу ‘Али Ахмед ибн Мухаммед ибн Я’куб Мискавейх (936–1030 гг.), удостоившийся эпитета «Третий учитель»² за вклад в развитие исламской философии, был также выдающимся историком. Он является автором семитомного труда «Таджариб аль-уам ва та’акиб аль-химам» («Испытания народов и последовательность героев»), первые части которого базируются на «Тарих аль-уам ва-ль-мулюк» ат-Табари. Однако Мискавейх не только компилирует сюжеты своего предшественника, но и добавляет собственные материалы, в частности, «автобиографию» иранского шаха Хосроя Ануширвана, отсутствующую у других средневековых мусульманских авторов. В довольно обширных цитатах из этого источника упоминается область Бурджан-на-Кавказе³.

Один из величайших ученых средневековья Абу Райхан Мухаммад ибн Ахмад аль-Бируни (973–1048 гг.) написал несколько трудов по астрологии и астрономии, в которых, помимо знаний о движении небесных светил, приводит современные ему данные по этногеографии. В сочинении «Китаб ат-тахфим ли-ава’ил сина’ат ат-танджим» («Книга вразумления начаткам

¹ *Mokaddasi. Descriptio imperii moslemici // BGA. Pars III. Leiden, 1877. P. 3–4.*

² После Аристотеля («Первый учитель») и аль-Фараби («Второй учитель»).

³ *Абу ‘Али Ахмад бен Мухаммад бен Я’куб Мискавайх. Таджариб аль-уам ва та’акуб аль-химам. Т. I. Бейрут, 2003. С. 129–130, 136–137.*

искусства астрологии») аль-Бируни приводится описание семи климатов, которое значительно расходится с аналогичным описанием аль-Фергани. В перечне стран VI климата упоминается Бурджан¹.

Информацию независимых от аль-Калби и аль-Джарми источников передает арабский энциклопедист XIII в. Шихаб ад-дин Йакут ар-Руми аль-Хамави. На основе изученных им географических и исторических сочинений в лучших библиотеках мусульманского Востока, документов, личных наблюдений, почерпнутых во время многолетних путешествий, расспросных речей, он создал свой знаменитый «Му'джам аль-булдан» («Словарь стран»). Как пишет М. И. Артамонов, «критически отбирая для него наиболее достоверные сведения, он сохранил многие данные из недошедших до нас сочинений, ввиду чего его труд в ряде случаев имеет значение первоисточника»². Это в полной мере касается его рассказа об «области Бурджан»³.

Итоги почти всей предшествующей мусульманской географии нашли свое отражение в трактате «Нузхат аль-муштак фи-хтирак аль-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям») сицилийского ученого XII в. Мухаммеда аль-Идриси. Однако для нашей темы его сведения не представляют большого интереса. Он именует дунайских болгар бурджанами, хотя прекрасно знает их подлинное название⁴. Подмена понятий у него носит сознательный характер, дабы отделить дунайских болгар от волжских.

Ибн аль-Асир (1160–1234 гг.) был продолжателем ат-Табари: он сократил и переработал труд своего предшественника, а также дополнил его новыми сведениями, доведя повествование своего сочинения «Тарих аль-камиль» или «Аль-камиль фи-т-тарих» («Всеобщая история») до 1231 г.

¹ The book of instruction in the elements of the art of astrology by Abu'l-Rayhan Muhammad ibn Ahmed al-Biruni written in Ghaznah, 1029 A.D. L., 1934. P. 145.

² Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 23.

³ Йакут ар-Руми. Му'джам аль-булдан. Бейрут, 1977. Т. I. С. 373.

⁴ Idrisi. Nuzhat al-mushtaq fi-ikhtiraq al-afaaq. Vol. II. Cairo, 2010. P. 905, 918.

Сведения о Бурджане, содержащиеся в его сочинении, восходят к недошедшему до нас сочинению Хишама аль-Калби, причем, не только через посредство ат-Табари. Ибн аль-Асир рассказывает об обстоятельствах строительства Дербентских укреплений, в связи с которыми им упоминается область Бурджан¹.

Оригинальные сведения о Бурджане, как отдельном от Дунайской Болгарии владении, приводит испано-арабский географ XIII в. Ибн Са'ид аль-Магриби. Он учился в Севилье, а затем много путешествовал, пройдя путь от Атлантического океана до Персидского залива. Свои знания он черпал в библиотеках Багдада. Его основные материалы, изложенные в книге «Джуграфия» («География») или «Китаб баст аль-ард фи-т-тул ва-ль-'ард» («Книга распространения земли по ее долготе и широте») восходят к сочинению аль-Идриси. Однако они были значительно дополнены современными ему сведениями².

Интересное описание VI и VII климатов имеется у Шамс ад-Дина ад-Димашки (1256–1327 гг.). Он упоминает кавказских бурджан, «булгар-мусульман» (волжских булгар) и «неверных булгар» (дунайских булгар) как отдельные народы³.

Ибн Халдун (1332–1406 гг.) знает Бурджан только как наименование Дунайской Болгарии⁴.

Бурджан упоминают также Закарийя аль-Казвини (1203–1283 гг.), Абу-ль Фида (1273–1331 гг.), Ибн аль-Варди (ум. 1457 г.) и ряд других поздних авторов. Однако их сведения носят фантастический характер. Что вполне объяснимо: к моменту составления их сочинений Бурджан был анахронизмом и появление этого топонима на страницах их работ было лишь данью традиции.

¹ *Ибн аль-Асир*. Аль-камил фи-т-тарих. Т. I. Бейрут, 1987. С. 337–340.

² *Ibn Sa'id al-Magribi*. Libro de la extension de la tierra en longitud y latitud. Tetuan, 1958. С. 117–118.

³ *Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui*. P. 21–22.

⁴ *Les Prolegomenes D'Ibn Khaldoun*. P. 161; *Ибн Халдун*. Мукаддима. Т. 2. Бейрут, 2001. С. 98.

В целом, нужно признать справедливым мнение некоторых исследователей о преимущественно «книжном» характере арабо-мусульманской географии. Большинство авторов представляло собой «кабинетных» ученых, которые на основе накопленных традицией материалов составляли свои компиляции. Однако критическое отношение к восточной науке ни в коей мере не умаляет ее возможностей объективного изучения политических, этнических и географических реалий прошлого. В основе сочинений арабо-персидских географов и историков лежит подлинная информация, почерпнутая из реляций путешественников и шпионов, архивных документов и местных преданий, фольклора и рассказов послов. С течением времени она устаревала, но сила письменной традиции продолжала воспроизводить сюжеты, давно не соответствовавшие текущему моменту. Причем, некоторые авторы, синтезируя информацию без учета географии и хронологии, делали парадоксальные выводы. Так, например, Закарийя аль-Казвини писал: «Бурджан: Обширная страна в стороне севера. Краткость дня там достигает 4 часов, а долгота ночи – 20 часов и наоборот. Ее жители придерживаются религии общины магов и язычества. Они воюют против асаклабов (славян – С. X.). Они подобны [народу] аль-ифрандж (франкам – С. X.) по многим своим обстоятельствам. Они искусны в ремеслах и мореплавании»¹. Если попытаться выяснить источники этого сообщения, то окажется, что сведения о краткости дня на севере в зимнее время почерпнуты им у аль-Гарнати, побывавшего в Волжской Болгарии². Пассаж о язычестве бурджан и их войнах со славянами взят из анонимного сочинения «Ахбар аз-заман» («Известия времен»), приписываемого аль-Мас'уди³. Таким образом, он обобщает данные о волжских булгарах и бурджанах, чем вызывает недоумение у ряда исследователей по поводу размещения Дунайской

¹ Zakarija Ben Muhammed Mahmud el-Cazwini's Kosmographie : Zweiter Theil كتاب أثر البلاد. Göttingen, 1848. S. 412.

² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971. С. 30.

³ Крюков В. Г. Указ. соч. С. 206.

Болгарии на севере и язычестве православных болгар. Подобных примеров немало. Большинство авторов дошедших до наших дней средневековых арабо-персидских сочинений не имели собственных представлений ни о Бурджане-на-Кавказе, ни о Бурджане-на-Балканах, ни о соотношении последнего с Дунайской Болгарией, не говоря уже о том, чтобы объяснить причину смешения этих географических понятий. Некоторые из них, например, вышеупомянутый аль-Казвини, не находя на современной ему карте мира страны Бурджан, «творчески» обрабатывали предшествующий материал, внося еще большую путаницу в этот и без того запутанный вопрос.

Несмотря на это, историко-географическая традиция мусульманского Востока несет в себе известную долю достоверных сведений, которые приобретают историзм лишь в применении к соответствующим эпохам и ситуациям. В этом плане для предмета нашего исследования безусловную ценность имеют отрывки из утраченных сочинений Хишама аль-Калби, Муслима аль-Джарми, аль-Джейхани, сведения Йакута и других, а также «предания персов», вошедшие в тексты многих авторов. «Кабинетные» ученые беспристрастно фиксировали данные предшествующей традиции, не волнуясь о том, что они нередко противоречат друг другу. Например, ат-Табари, нисколько не смущаясь явными несоответствиями между данными своих источников, упоминает Бурджан в качестве кавказской провинции Тюркского каганата, и в то же время рассказывает о бурджанах как народе, обитающем на Балканском полуострове. Кажущийся изъясн стилия изложения оборачивается преимуществом, если принять во внимание заслугу ат-Табари в передаче этих сведений без авторской редакции и приведения их в соответствие с господствующей конъюнктурой. Таким образом, сочинения многих авторов приобретают значение первоисточника. Важно лишь понимать, на каком отрезке времени их сведения сохраняют аутентичность, а когда теряют достоверность, становясь анахронизмом, важно отличать вымысел и фантастику, свойственную средневековым жанрам, от истории.

Б) Армянские, византийские, сирийские, хазарские и еврейские источники, переведенные в разное время на русский и французский языки, имеют большое значение для предмета данного исследования. Сопоставление сведений этих письменных традиций с арабскими источниками очень продуктивно для выяснения тех или иных аспектов этнической и политической истории бурджан, привлекая во внимание их отождествление с берзилами, предложенное А. Б. Булатовым.

Самой информативной в этой группе источников является армянская средневековая литература. Закавказье издавна имело непосредственные контакты с северокавказскими кочевниками. Неудивительно, что армянские авторы довольно подробно описывают не только исторические события, происходившие по обе стороны Кавказского хребта, но и сообщают ценную информацию этнографического характера.

«Отец армянской истории» Мовсес Хоренаци, или Моисей Хоренский, в своей «Истории Армении» со ссылкой на сирийского писателя II–III в. н. э. Бардацана (Бардесана) (154–222 гг.) проливает свет на раннюю историю берзилов. Он сообщает, что они вместе с хазарами напали на Армению в правление царя Вагаршака (193–213 гг.)¹.

В конце VII в. была составлена «Армянская География» («Ашхарацуйц»), автором которой был Анания Ширакаци. В «Географию» вошли сведения, восходящие к сочинениям Клавдия Птолемея и Марина Тирского, извлечениям из пехлевийских (среднеперсидских) географических сочинений, а также местным кавказским материалам. Трактат Ширакаци ценен тем, что в нем описана территория проживания берзилов, дан ряд важных сведений об этом племени². Он упоминает город «Царства гуннов» Вараджан, название которого, по мнению В. Ф. Минорского и М. И. Артамонова, связано с названием Берзилии³.

¹ История Армении Моисей Хоренского. М., 1893. С. 113.

² Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. Ч. ССХХVI. СПб., 1883. С. 27–28.

³ Minorsky V. A new book on the Khazars // Oriens. Vol. XI, № 1–2. Leiden, 1958. P. 125; Артамонов М. И. Указ. соч. С. 184.

Среди других армянских авторов выделяется Мовсес Каганкатваци или Моисей Каланкатуйский (VII в.). Написанную им «Историю страны Алуанк (Албании)», А. П. Новосельцев считает основным источником о хазарах¹. М. И. Артамонов так характеризует это сочинение: «В настоящем своем виде – это бесхитростная компиляция, в которую включены материалы предшествующих авторов, частично уже не сохранившиеся. Моисею Каланкатуйскому, имя которого присвоено всему сочинению, по-видимому, принадлежат основные части I и II книги “Истории”, написанные в VII в. современником и даже участником некоторых изложенных в ней событий. В X в. труд этого автора был переработан и дополнен данными, относящимися к VIII–X вв.»². Мовсес Каганкатваци приводит такие сведения о берзилах, которых нет у Мовсеса Хоренаци, несмотря на то, что «отец армянской истории» был его главным источником для ранней истории Армении. Особенно интересны приводимые им сведения этнографического характера о так называемом «Царстве гуннов» в Северном Дагестане³, сопоставляемом некоторыми исследователями с Берзилией⁴.

Византийская историография ценна тем, что она вводит в оборот топоним Берзилия и дает его локализацию. Народ барсельт упоминает на Северном Кавказе византийский историк VII в. Феофилакт Симокатта⁵. Берзилию, как страну Азиатской Сарматии, знают византийские писатели IX в. Феофан и Никифор⁶. Помимо этого, Феофан упоминает на территории Балкан княжество Берзития⁷.

¹ Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 31.

² Артамонов М. И. Указ. соч. С.18.

³ История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. СПб., 1861. С. 192.

⁴ Артамонов М. И. Указ. соч. С. 184; *Minorsky V.* Op. cit. P. 125.

⁵ Феофилакт Симокатта. История. М., 1957. С. 160.

⁶ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора : Тексты, перевод, комментарии. М., 1980. С. 61, 162.

⁷ Летопись византийца Феофана до царей Михаила и его сына Феофилакта // ЧМОИДР. Кн. 1. М., 1884. С. 326.

Большое значение для решения проблемы происхождения берзилов имеет «Хроника» Михаила Сирийца (1126–1199 гг.), содержащая интереснейшее этногенетическое предание о происхождении хазар и болгар¹.

Немного для истории бурджан дают хазарские источники, например, переписка хазарского царя Иосифа с сановником Кордовского халифата Хасдаем ибн Шафрутом². Однако, ценность сведений письма состоит в том, что информация о географии Хазарского каганата исходит из уст его обитателя, то есть имеет аутогенный характер.

В книге «Иосиппон», написанной анонимным еврейским автором в X в., приводится «Таблица народов», которая имеет определенное значение для реконструкции этнографии Северного Кавказа в период раннего средневековья. В ней упоминается страна Бурсан, которую, как полагает автор этих строк, можно соотносить с Бурджаном-на-Кавказе³.

Особняком стоят башкирские источники о бурджанах, представленные этногенетическими преданиями, которые упоминают их и как отдельный народ, и как одно из племен башкирского народа. Они в некоторой степени проливают свет на их происхождение⁴.

В) Эпические памятники имеют огромное значение для восстановления картины этногеографии древнего Турана, а также для изучения мифологии башкирского народа. Данная группа текстов представлена Авестой⁵ и пехлевийскими (среднеперсидскими) зороастрийскими религиозными канонами (Денкард, Бундахишн и др.) в английском и русском переводах, интерес к которым обусловлен наличием в них общих черт, характерных для

¹ Chronique de Michel Syrien. T. II. P., 1901. P. 363–364; *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории народов СССР // Труды института востоковедения. Т. XLI. М.-Л., 1941. С. 106.

² *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 91, 86.

³ *Гаркави А. Я.* Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. Вып. I. СПб., 1874. С. 41.

⁴ Башкирские шежере. С. 71–80; *Уметбаев М.-С.* Указ. соч. С. 39; *Бикбов.* Указ. соч.

⁵ Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата. М., 1993; Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат). СПб., 2008; *The Zend-Avesta : the Yasts // The Sacred Books of East. Vol. XXIII. Part II. Oxford, 1883.*

мифологии древних ариев¹. В свою очередь, башкирский эпос «Урал-батыр» обнаруживает множество сходжений с индоиранскими мифами, что является веским аргументом в пользу участия туранского компонента в этногенезе башкир². Для предмета данного исследования определенное значение имеют авестийские гимны (яшты) в честь божеств арийского пантеона, в которых фиксируется этногеография ираноязычного мира.

Отдельно следует упомянуть такие произведения средне- и новоперсидской словесности, как «Книга деяний Ардашира сына Папака», «Предание о сыне Зарера», «Шахнаме» и другие, содержащие сведения исторического, географического и этнографического характера³. Помимо этого, в них отразились древние этногенетические предания, объясняющие происхождение тех или иных народов. Все названные сочинения переведены на европейские языки.

Особое место в этой группе источников принадлежит поэме Фирдоуси «Шахнаме», которая является стихотворным переложением официального эпоса Сасанидского государства «Хвадай намаг» («Худай наме» или «Книга владык»). Он вобрала в себя мифологию Авесты и сказания об иранских шахах трех династий – Ахеменидах, Аршакидах и Сасанидах. К сожалению, Фирдоуси использовал не оригинальный текст эпоса, а его арабские переводы, сделанные в первые века ислама различными лицами. Первым и основным переводчиком был новообращенный перс-зороастриец ‘Абдаллах ибн аль-Мукаффа’ (VIII в.), который сделал полный перевод эпического свода. Другие авторы делали лишь частичные переводы, вольные обработки, «но, возможно, они базировались и на иных пехлевийских оригиналах, чем

¹ Denkart. B. 3. Vol. 6. Bomday, 1876; Bundahis or the original creation : Pahlavi texts // The Sacred Books of East. Vol. V. Part I. Oxford, 1880; Dinkard : Pahlavi texts. B. 8 // The Sacred Books of East. Vol. XXXVII . Part IV. Oxford, 1892.

² Урал-батыр // Башкирский народный эпос. М., 1977. С. 265–372; Урал-батыр // Башкирское народное творчество. Т. I : Эпос. Уфа, 1987. С. 35–134; Хамидуллин С. И. Башкирская мифология и этногенез башкир // Проблемы региональной культуры. Чебоксары, 2010. С. 108–113.

³ Фирдоуси. Шахнаме. Т. I. М., 1957; Книга деяний Ардашира сына Папака. М., 1987; Предание о сыне Зарера (Аййдгар-и Зареран) // Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе и другие тексты. М., 2001.

собственно “Хватай-намак”, переведенный Ибн-аль-Мокаффа’»¹. Так или иначе, ни один из семи арабских переводов эпоса не дошел до наших дней, но все они были использованы позднейшими арабскими и персидскими писателями, историками и географами – Табари, Я’куби, Балазури, Динавари, Ма’суди, Са’алиби, Ибн аль-Асиром и другими. Таким образом, в «Шахнаме» и в сочинениях названных авторов часто приводятся схожие, но далеко не идентичные сведения о древней истории Ирана.

Научная новизна исследования определяется, в первую очередь, отходом от доминирующих представлений, согласно которым часто упоминаемый в средневековой мусульманской литературе термин *бурджан* является всего лишь арабским названием дунайских болгар. На основании этого тезиса племя бурджан не могло быть объектом исследования по определению, поскольку в представлении большинства исследователей его просто не существовало.

В диссертации сформулирована и рассмотрена болгаро-бурджанская историографическая проблема. На основании анализа арабских и персидских сочинений была объяснена причина смешения названий болгар и бурджан.

Кроме того, в исследовании оспорено мнение ряда башкирских ученых о тюркском происхождении исследуемого племени. Одно то, что бурджаны не имеют аналогов в родовом составе других тюркских, а также монгольских и угорских народов, представляя собой эксклюзивное «башкирское» явление, заставляет предполагать нетипичность их этнической атрибуции. В диссертации на обширном нарративном материале арабо-персидских, армянских, византийских, сирийских, хазарских, еврейских, русских и западноевропейских источников, а также данных иранских эпических сказаний показывается, что они являются потомками сармато-аланских племен евразийских степей.

¹ *Стариков А. А.* Фирдоуси и его поэма «Шахнаме» // Фирдоуси. Шахнаме. Т. I. М., 1957. С. 466.

Слабой стороной всех работ по этногенезу башкирского народа является то, что, соглашаясь в принципе с участием в нем иранского компонента, они не находят ему места в родоплеменной номенклатуре данного этноса. Ему, как правило, отводится роль древнего субстрата, не оставившего следов своего присутствия в башкирской этнонимии, хотя таковым, как следует из результатов исследования, является племя бурзян (бурджан). Следовательно, научная новизна исследования обусловлена оригинальностью подхода к проблеме этногенеза башкир, а именно – выявлением их туранских корней.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении научных представлений об изучаемом предмете. Фактический материал, основные научные положения и выводы позволяют внести коррективы в существующую концепцию происхождения башкирского народа, а также могут быть использованы при написании научных работ по истории ряда регионов Евразии (Северный Кавказ, Средняя Азия, Балканы). Результаты данного исследования могут быть полезными при общем анализе этнических процессов в евразийских степях, протекавших в I тысячелетии н. э. и приведших к смене этнической доминанты с туранской на тюркскую.

Практическая значимость работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования могут использоваться при подготовке курсов и спецкурсов по дисциплинам этнологического и исторического направления, а также при создании учебных и методических пособий для вузов Республики Башкортостан.

Положения, выносимые на защиту:

1. Башкирский род бурзян (бурджан) восходит своим происхождением к сармато-аланским племенам.
2. Вызревание бурзян (бурджан) происходило в недрах Кангюя (Кангар), Яньцая (Аорсия) и Алании в I тысячелетии до н. э.

3. Во II–III в. н. э. в общем потоке аланского движения на запад бурзьяне (бурджан) оказались на территории Северного Кавказа, где к северу от Дербентского прохода возникло их политическое объединение.

4. Название аланского племени берзилов (барсилов) армянских и греческих источников соответствует этнониму бурджан, бурсул (берсула) и аль-Баршалия арабской письменной традиции.

5. Термин бурджан арабской литературы является не только и не столько экзонимом дунайских болгар, сколько названием самостоятельного этноса. Смешение данных этнонимов носило «книжный» или историографический характер.

6. После гибели «Царства гуннов», территориально совпадавшего с владением Бурджан (Берзилией) на Северном Кавказе, часть племени бурджан мигрировала на Южный Урал, материальным подтверждением чего являются материалы турбаслинской археологической культуры.

7. Эпос «Урал-батыр» и другие реликты мировоззрения древних башкир несут в себе отголоски индоиранских мифов.

Апробация исследования. Рабочие гипотезы и промежуточные результаты исследования в виде докладов и сообщений вошли в материалы республиканских, межрегиональных, всероссийских и международных конференций: II Международный конгресс этнографов и антропологов (Уфа, 1–5 июня 1997 г.); «Научное наследие А.-З. Валиди Тогана и современные проблемы федерализма в России» (Уфа, 2005 г.); «Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа» (Уфа, 2006 г.); «Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии» (Карачаевск, 2010 г.); «Проблемы региональной культуры» (Чебоксары, 2010 г.); «Актуальные проблемы истории и этнологии» (Уфа, 2011 г.). По теме диссертации опубликовано 11 работ, 3 из которых – в изданиях, рекомендованных Всероссийской аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ.

Структура диссертации: работа имеет объем в 274 страницы машинописного текста и состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников (*141 наименование – предлагаю убрать!*) и литературы (*257 наименований*), списка сокращений и приложения.

ГЛАВА I. БУРДЖАНЫ В ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ ВОСТОКА

§ 1. Булгаро-бурджанская проблема

В современной отечественной историографии, воспринявшей положения европейской науки XIX в., тезис о тождестве носителей этнонима бурджан и дунайских болгар является господствующим и аксиоматичным, не нуждающимся в доказательствах, даже если имеются источники, которые прямо противоречат ему¹. Название *бурджан* в арабской письменной традиции имеет давнюю историю. Т. М. Калинина пишет, что «арабы называли имя бурджан, начиная с IX в. ... Бурджан как придунайских болгар (а иногда смешивая их с волжскими булгарами) знал целый ряд арабо-персидских авторов»². В дореволюционной отечественной литературе дунайские болгары впервые были отождествлены с бурджанами в известной публикации А. Я. Гаркави: «Под Бурджан арабы разумели дунайских болгар»³.

Его вывод вполне логичен, так как арабские авторы помещают это название к западу от Черного моря. Приведем выдержку из сочинения Мутаххара ибн Тахира аль-Мукаддаси: «Шестой климат начинается на востоке и тянется к стране Йаджудж и Маджудж (Гог и Магог – С. Х.), затем к стране аль-Хазар, затем проходит по середине моря Джурджан (Каспий – С. Х.) к стране ар-Рум, проходит через Джурзан (Грузия – С. Х.), Хираклу (Гераклея – С. Х.), Кустантинийа (Константинополь – С. Х.) и страну Бурджан к Западному морю... Что касается того, что позади этих климатов и до тех мест, где кончаются населенные местности, то, как известно нам, эти

¹ *Хамидуллин С. И.* Булгаро-бурджанская проблема в свете арабо-персидских, армянских и византийских источников // Научное наследие А.-З. Валиди Тогана и современные проблемы федерализма в России. Уфа, 2005. С. 241–244.

² *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. С. 93. (Автор допустил ряд неточностей. Во-первых, арабы писали о бурджанах в сочинениях по генеалогии и истории уже в VIII в., например, Ибн Калби, а также начиная с самого момента зарождения у них в конце VIII в. математической географии (аль-Фазари). Во-вторых, географы Халифата никогда не путали их с волжскими булгарами.)

³ *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. 20.

земли тянутся от востока, то есть от страны Йаджудж и Маджудж, к стране ат-Тугузугуз и земле ат-Турк, затем к стране Алан, затем к стране Бурджан, затем на север – к ас-сакалиба»¹.

Как следует из приведенного описания 6-го и 7-го климатов, заимствованного у географа IX в. аль-Фергани, Бурджан локализуется к западу от Черного моря. В качестве главного звена в цепочке отождествления Бурджана с Дунайской Болгарией Этьенн-Марк Катрмер приводит следующий аргумент². Мас'уди в сочинении «Китаб танбих ва-ль-ишраф» рассказывает, что свергнутый византийский император Юстиниан II Ринотмет (годы правления: 685–695, 705–711) искал убежища у хазар, а затем у «Т.р.ф.ла, царя Бурджан» (طرفلا ملك برجان)³. В имени последнего безошибочно угадывается хан дунайских болгар Тервель, который помог Юстиниану вторично воссесть на трон. Таким образом, по мнению А. Я. Гаркави, тождество Бурджана и Дунайской Болгарии очевидно. Пытаясь объяснить причину именованья дунайских болгар бурджанами, названный ученый писал: «Почему эти болгаре носили у западных писателей [название] Burgiani, Burgani и у восточных Бурджан – хорошо указано Шафариком»⁴.

Однако обращение к названному автору не оправдывает обещанных надежд, так как Павел Шафарик просто констатировал, что в античных и средневековых источниках болгары фигурируют под именами «Bulgari, Bulgares, Bulgarkh, Burgari, Burgian, Borgian, Burgan, Borgan, Borgal, Borgar, Burugundi, Wurugundi, Wurgari, Vulgari, Vulgares»⁵. Никаких разъяснений относительно взаимосвязи вышеприведенных имен и арабского термина Бурджан он не приводил. Шафарик говорил лишь о соответствии болгарам названий *Vurgundaib* или *Wurgonthaib* в сочинении Павла Диякона (720-800

¹ Le livre de la creation et de l'histoire de Motahhar ben Tahir el-Maqdisi. Т. 4. Р., 1907. Р. 53. Море Джурджан – Каспийское море; ар-Рум – Византийская империя; Джурзан – Грузия; Хиракла – Гераклея; Кустантинийа – Константинополь; ас-Сакалиба – славяне.

² *Quatremère M.* Op. cit. Р. 405.

³ *Mas'udi.* Kitab at-tanbih va-l-ishraf. Р. 164–165.

⁴ *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. 11.

⁵ *Шафарик П.* Славянские древности. М., 1847. Т. 2. Кн. 1. С. 273.

гг.), а также *Burugundi* Агафия Миринейского (536–582 гг.)¹. При этом он отмечал, что под данными именами обычно понимают бургунов, «но лучше и основательнее, [разуметь]... болгаров»². Агафий, перечисляя «гуннские» народы, называет *кутригуров*, *утигуров*, *ультизуров* и *вуругундов*, которых, учитывая их «гуннское» происхождение, по мнению Шафарика, следует отождествлять с булгарами. В названии *вуругундов*, действительно, могли слиться этнонимы *бур<гар>* и *<унно>гундуры*, относящиеся к булгарам, так как Агафий отдельно от вуругундов упоминает собственно бургунов.

Что касается *Vurgundaib*, то его вторая часть возникла из старонемецкого *eiba*, то есть ‘край’, ‘страна’³. Значит, данное название переводится как «страна Вургунд», под которой нужно подразумевать Бургундию, а не болгар. Основываясь на мнении Шафарика, А. Я. Гаркави ошибочно поставил знак равенства между этнонимами *Бурджан* и *Vurgund*. Последний, по его мнению, в арабском языке приобрел форму Бурджан. Следовательно, как считает он, бурджаны – это и есть дунайские болгары. Как и когда арабские авторы VIII–IX вв. могли усвоить книжные западноевропейские термины *Vurgundaib* и *Burugundi*, применявшиеся, по мнению Шафарика, к булгарам, а затем сопоставить их с бурджанами, остается загадкой.

Объясняя рассматриваемую проблему, В. Ф. Минорский сделал предположение, что дунайские болгары были разделены арабскими географами на собственно болгар и бурджан искусственно. На самом деле, «эти народы отличаются друг от друга не более чем спартанцы от лакедемонян», поскольку «оба названия относятся к дунайским болгарам»⁴. Однако он не объясняет причину удвоения названия одного и того же народа.

Не предлагает удовлетворительного объяснения и Р. Г. Кузеев, который

¹ Pauli Historia Langobardorum // Scriptores Rerum Germanicarum. Hannoverae, 1878. S. 61; Агафий. О царствовании Юстиниана. М.-Л., 1953. С. 147.

² Шафарик П. Славянские древности. М., 1847. Т. 1. Кн. 1. С. 218–219.

³ Там же.

⁴ Hudud al-‘Alam. P. 423.

удостоил эту сложнейшую проблему туманной фразой: «Этническое отождествление бурджан с дунайскими болгарами является, как прослеживается по источникам, результатом исторического развития»¹. Тем не менее, он замечает, что «бурджаны и болгары были разными, хотя и родственными этническими образованиями»². Таким образом, названный ученый при анализе восточных источников установил главное: бурджан – это не дубликат названия дунайских болгар, а этноним отдельного народа.

Ближе всех к разгадке болгаро-бурджанской проблемы подошел А. Б. Булатов, отождествивший бурджан с племенем *берсула* (позднейшие *бурдж-оглы*)³. Византийские и арабские авторы помещают их на Северном Кавказе с VI в., а армянские сочинения упоминают данное племя в контексте событий III в. Автор X в. Ибн Русте фиксирует *берсула* как одно из трех подразделений волжских болгар. Тем самым предположение А.Б. Булатова как будто примиряет между собой разноречивые свидетельства арабской традиции. Коль скоро *берсула* были в составе волжских болгар, они могли быть и среди болгар дунайских. А далее процесс закрепления за последними этнонима *бурджан* мог пойти по известной схеме, когда название одного из племен распространяется на весь народ в качестве экзоэтнонима. Так, поляки именуют немцев *швабами*, а французы *алеманами* по названию тех германских племен, в соседстве с которыми протекала их история. По этой логике болгары со стороны некоторых народов также могли получить экзоэтноним бурджан, если принять тождество последних с *берсула*. Данный ход рассуждений, возможно, приобрел бы вид гипотезы, если бы А. Б. Булатов сумел развить свои предположения.

Важнейший вопрос болгаро-бурджанской проблемы состоит в объяснении причин, по которым одни арабо-персидские авторы отождествляли бурджан с дунайскими болгарами, а другие считали их отдельными народами. К примеру, Ибн Русте сначала приводит

¹ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 139.

² Там же. С. 148.

³ Булатов А. Б. Указ. соч. С. 323.

хрестоматийный перечень стран 6-го и 7-го климатов, взятый у аль-Фергани, в котором дунайские болгары именуются бурджанами, а затем рассказывает о болгарях под их собственным именем: «А в аль-Кустантинийа (Константинополе – С. X.) есть водная протока, входящая в город из страны Булгар... А обитатели Булгара воюют ар-Рум и ар-Рум воюет их»¹. Под водной протокой, входящей в Константинополь из «страны Булгар» со стороны моря, по всей видимости, имеется в виду пролив Босфор. Нетрудно заметить, что перечень стран 6-го и 7-го климатов Ибн Русте приводит лишь как дань предшествующей традиции, тогда как его сведения о болгарях несут на себе печать собственных представлений.

Не менее важным аспектом болгаро-бурджанской проблемы является то, что значительная часть мусульманских писателей упоминает Бурджан не только на Балканах, но и на Северном Кавказе. Уже А. Я. Гаркави подмечал ряд несоответствий между устоявшимся мнением и данными ряда источников: «Правда, что у некоторых арабских географов есть путаница на счет бурджан, так, например, Йакут в Большом Словаре говорит, что это область Хазарии и что мусульмане нападали на нее во времена Османа»². Суть его рассуждений сводилась к следующему: коль скоро Бурджан является хазарской провинцией, то бурджаны не могли обитать на Балканах, а это противоречит господствующей точке зрения о соответствии их дунайским болгарам. Недоумение, вызванное сообщением Йакута ар-Руми, усиливается, если учесть, что халифат 'Усмана длился с 644 по 656 г., то есть в тот период, когда Дунайской Болгарии еще не существовало, а, значит, Бурджан Йакута не мог соответствовать ей не только географически, но и хронологически. Поэтому А. Я. Гаркави относит слова вышеназванного автора к числу недоразумений, полагая, что локализация Бурджана на Балканах исключает его бытие на Северном Кавказе в качестве провинции Хазарии.

Не представляя возможным игнорировать сведения Йакута, Я'куби,

¹ *Ibn Rosteh*. Op. cit. P. 98, 126.

² *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. 11.

Табари и ряда других авторов, относивших Бурджан к территории Кавказа, Йозеф Маркварт заявил, что бурджаны идентичны также и северокавказским булгарам¹. Аналогичного мнения был и В. В. Бартольд². Данная точка зрения, как будет показано далее, не соответствует действительности. Б. Н. Заходер, принимая эти отождествления, только недоумекает по поводу местоположения бурджан (читай: дунайских булгар) по данным аль-Казвини на крайнем севере³. Поэтому О. Б. Фролова выдвинула гипотезу о тождестве бурджан и норманнов-викингов, предлагая читать *бурджан* (برجان) как *лурман* (لرمان), «что соответствует названию северных захватчиков в ряде латинских хроник – *Iormanes*»⁴. То есть она предлагает считать этноним бурджан результатом описки. Известный хазаровед А. П. Новосельцев писал: «Необычен в данном случае этноним “бурджан”, который в мусульманской литературе применялся к Дунайской Болгарии, тогда как северокавказские и волжские булгары названы булгар»⁵. Точка зрения этого исследователя была близкой к истине, но отнюдь не отражающей всю полноту картины.

Не находя возможности примирить между собой содержания терминов *булгар* и *бурджан* арабо-персидской традиции, Тадеуш Левицкий склонился к признанию последнего следствием *lapsus calami*⁶. В. В. Полосин перевел проблему в иную плоскость, предположив, что *булгар*, *бургар*, *бургаз* и *бурджан* представляют собой четыре варианта написания этнонима булгар в арабской литературе, где третья согласная (дж) ج в слове *برجان* (бурджан) передает звук -г-. Это кажется вероятным допущением: в египетском диалекте арабского языка буква *джим* (ج) передает звук -г-, например, пишется *джаухар* (جوهر ‘драгоценность’), а читается *гаухар*. Да и в его классическом варианте инородные, например, персидские названия, начинающиеся на букву -г-, нередко передаются через -дж-: *Гурган* ~ *Джурджан*, *Гурзан* ~ *Джурзан*, *Гайомард* ~ *Джиумарт*. Следовательно, по

¹ Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. С. 204–206, 207, 491.

² Бартольд В. В. Булгары. С. 510.

³ Заходер Б. Н. Указ. соч. Т. II. С. 36.

⁴ Фролова О. Б. Указ. соч. С. 195.

⁵ Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 97.

⁶ Lewicki T. Op. cit. S. 24–27.

мнению В. В. Полосина, правильнее будет читать не *бурджан*, а *برغان* *бурган*. Но на этом он не останавливается, и делает второе допущение, предлагая изменить еще и последнюю букву ن (-н-) в слове *бурган* на ر (-р-) и читать уже *برغار* *бургар*, а это является часто употребляющейся формой этнонима *булгар*¹. Словом, названный исследователь произвольными допущениями свел историческую булгаро-бурджанскую проблему к вопросу лингвистики. Причем, его мнение было поддержано Т. М. Калининой: «В. В. Полосин высказал справедливое предположение, что чтение “бурджан” является ошибочным»². Исходя из этих точек зрения, народа-носителя этнонима *бурджан* вообще никогда не существовало, и сам этот этноним был лишь результатом либо *lapsus calami* (по Тадеушу Левицки и О. Б. Фроловой), либо фонетических метаморфоз (по В. В. Полосину). Однако весь комплекс исторических данных говорит об аутентичности этнонима *бурджан*.

Ошибочность переноса булгаро-бурджанской проблемы в область правописания очевидна уже потому, что в составе башкирского народа и поныне существует родовое подразделение бурзян, являющееся живым доказательством историчности «книжных» бурджан. И если сегодня их самоназвание в результате определенных закономерностей башкирского языка произносится как *бөрйән* (*бурьян*)³, то средневековая литературная традиция зафиксировала изначальную форму этого этнонима: башкирское средневековое сочинение «Кысса-и Чингиз-хан», башкирские шежере и этногенетические предания знают лишь форму *بورجان* (*Бөржән*)⁴. Причем, эту форму знают и русские документы XVIII века: «Деревни Бурчан Ярлогай Кулуков знак (т. е. тамгу – С. Х.) приложил...»⁵.

Аутентичность данного термина была очевидна еще В. В. Бартольд,у,

¹ Полосин В. В. Указ. соч. С. 145.

² Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. С. 92.

³ В современном башкирском языке, для которого характерно огузское «еканье» вместо кипчакского «джеканья», этноним *бурджан* ныне произносится как *бурьян*, что является следствием последовательной замены звука «дж» звуком «й» в словах арабского или персидского происхождения (араб. *джумхурият* ~ йөмһөрият ‘республика’; перс. *джан* ~ йән ‘душа’). Однако в письменной традиции башкирского народа употреблялась именно форма «бөржән» как дань древнему произношению.

⁴ Хальфин И.И. Указ. соч. С. 53; Башкирские шежере. С. 254.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.-Л., 1936. С. 124.

который писал, что «чтение бурджан... подтверждается стихом, который приводит Йакут»¹. Словом, этноним *бурджан* не мог быть следствием *lapsus calami*. Если термин *бурджан* не был результатом описки или намеренного его использования арабами в качестве экзонима дунайских болгар для того, чтобы отличать их от болгар волжских, то единственным способом примирить между собой сведения арабских авторов является признание реального существования племени бурджан.

Мусульманских писателей по принципу локализации исследуемого этнопонима можно условно разделить на пять групп: 1) тех, кто знает только Бурджан-на-Кавказе; 2) тех, кто знает только Бурджан-на-Балканах; 3) тех, кто упоминает Бурджан и на Кавказе, и на Балканах; 4) тех, кто фиксирует владение Бурджан в Северном Причерноморье; 5) тех, кто употребляет это название применительно к мифической стране, расположенной на крайнем севере. К первой категории относятся Я'куби, Ибн Хайят, Йакут, Ибн аль-Асир, ад-Димашки; ко второй – аль-Фергани, Ибн Русте, аль-Масуди, автор Худуд аль-'Алама, аль-Бируни, аль-Идриси, Ибн Са'ид, Ибн Халдун; к третьей – Ибн Хордадбех, ат-Табари, Ибн аль-Факих, Мискавейх; к четвертой – аль-Фазари, аль-Хорезми; к пятой – Казвини, Абу-ль-Фида, Ибн аль-Варди.

Таким образом, для решения болгаро-бурджанской проблемы необходимо ответить на следующие вопросы: 1) почему в арабско-мусульманской литературе дунайские болгары в некоторых случаях именовались бурджанами? 2) почему в ряде источников болгары и бурджаны упоминаются как отдельные этносы? 3) какая связь между Бурджаном-на-Кавказе и Бурджаном-на-Балканах?

¹ *Бартольд В. В.* Болгары. С. 510.

§ 2. Этногеография бурджан

Одним из первых арабских ученых, занимавшихся космографией, был Мухаммед ибн Ибрагим аль-Фазари, написавший около 786 г. свою недошедшую до наших дней «Книгу Зидж», составленную по так называемой системе «Синдхинд». Она была заимствована у индийских астрономов, прибывших ко двору халифа аль-Мансура в 771 г. Отрывки «Книги Зидж» включил в свой труд аль-Мас'уди. Перечисляя известные ему страны с востока на запад, а именно владения ас-Син (Китай), аль-Хинд (Индия), ат-Туббат (Тибет), Тугуз-огуз (Уйгурия), ат-Турк (тюрки Средней Азии), аль-Фазари помещает Бурджан между славянами и хазарами: «владение Хазар и Алан – 700 на 500 фарсахов; владение Бурджан – 1500 на 300 фарсахов; владение Сакалиба – 3500 на 420 фарсахов; владение Рума в Кустантинийи – 5000 на 420 фарсахов»¹. Как видно из «Зиджа», Бурджан располагался в Северном Причерноморье, и его размеры составляли 1500 фарсахов в длину и 300 в ширину².

Аль-Хорезми, автор самого раннего сохранившегося до наших дней арабского географического сочинения «Китаб сурат аль-ард», написанного между 836 и 847 г., сообщает: «Страна Сарматийа, а она – земля Бурджан, центр ее – около д. 45 градусов, ш. 52 градусов. Страна Сарматийа, а она – земля алан, центр ее – около д. 78 градусов, ш. 59 градусов 30 минут. Страна 'Ирманийа, а она – земля сакалиба, центр ее – около д. 36 градусов 40 минут, ш. 52 градуса 20 минут»³. Сарматия Птолемея обнимала огромную территорию Восточной Европы – от Сарматского океана (видимо Балтийского моря) на севере до Карпат на юге, и от реки Вислы, за которой начинается Германия, до реки Танаис (Дон) и Рипейских (Уральских) гор на

¹ *Maçoudi*. Op. cit. T. VI. P. 37–38.

² Фарсах (парасанг, фарасанг) – персидская миля, равная расстоянию, которое можно пройти пешком за один час, то есть примерно 5 км. Следовательно, владение Бурджан должно было иметь фантастические размеры – 7500 км в длину и 1500 км в ширину, поэтому в данном случае нужно обращать внимание лишь на факт соседства Бурджан с Аланией.

³ *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. С. 48.

востоке. У Птолемея было две Сарматии – Европейская и Азиатская. Арабский географ помещал бурджан в первой, а алан – во второй. Если обратить внимание на координаты названных народов, то бурджаны аль-Хорезми должны были населять северное побережье Черного моря. А это значит, что «земля Бурджан» в описаниях аль-Фазари и аль-Хорезми, по всей видимости, соответствовала державе хана Кубрата, то есть так называемой Великой Болгарии, располагавшейся от Западного Предкавказья до Крыма. Этнографическая карта Восточной Европы у названных арабских географов, по всей видимости, создавалась на основе одного источника, имевшего, скорее всего, византийское происхождение и отражавшего ситуацию середины VII в.

Совсем иная картина наблюдается в сочинении арабского географа Ибн Хордадбега (80-е гг. IX в.). Описывая европейские провинции Византийской империи, он пишет: «Третья провинция – Макадунийя (Македония – С. X.). Ее границы: на востоке стена¹, на юге – море аш-Шам (Сирийское, то есть Средиземное море – С. X.), на западе страна ас-Сакалиба (страна славян – С. X.), на севере — [страна] Бурджан»². Однако, в начальной части своего сочинения он помещает Бурджан совсем в другом месте. Он и, как ни странно, поздние арабские писатели приводят сведения, восходящие к более раннему периоду, чем их предшественники, и вводят в научный оборот эксклюзивную информацию, так как при написании своих работ используют источники первых веков ислама, а также тексты времен Сасанидов.

Ибн Хордадбех, служа начальником почты области Джибаль, а затем придворным халифа аль-Му'тамида, имел доступ к архивохранилищам Багдадского халифата. Именно он включил отчет об экспедиции Салама Тарджумана к «стене Зу-ль-Карнайна» в свою «Книгу путей и царств»³. Что

¹ Имеется в виду так называемая «Долгая стена», воздвигнутая около 512 г. императором Анастасием (491–518 гг.). Она тянулась от Силимврии на Мраморном море до Деркоса на Черном, т. е. пересекала полуостров Пашаэли с юга на север, и, тем самым, закрывала подступы к Константинополю с запада.

² *Ибн Хордадбех*. Указ. соч. С. 97; *Kitab al-masalik wa'l-mamalik*. P. 105.

³ Салам Тарджуман – арабский путешественник, отправившийся по заданию халифа аль-

касается информации о Бурджане, то она определенно была взята им из сасанидских источников. Перечисляя титулы вассальных царей, которых Ардашир I Папакан (224–241 гг.) «называл шахами», Ибн Хордадбех упоминает «Бурджан-шаха»¹. Как можно заключить, основатель империи Сасанидов считал его правителем отдельного владения, наряду с царями Йемена (Йаман-шах), Армении (Арманийан-шах), Азербайджана (Азарбазкан-шах), Албании (Аллан-шах), Кушана (Кушан-шах), и Турана (Туран-шах) и других стран, окружавших Сасанидскую империю. Вопрос только в том, где находилось царство Бурджан. Говоря о нем, Ибн Хордадбех именует его правителя шахом, то есть номинальным или фактическим вассалом шаханшаха («шаха шахов») Ардашира Папакана. Из чего ясно, что Бурджан находился в непосредственной близости от Ирана. В то же время, упоминая эту же самую область в качестве пограничного с Македонией владения, Ибн Хордадбех не пытается объяснить возникшую коллизию. То есть, оставляя на совести сасанидских источников достоверность сообщаемых ими о пограничном с Ираном царстве Бурджан сведений, он приводит информацию и об области Бурджан-на-Балканах, почерпнутую им из утраченного сочинения Муслима аль-Джарми.

Одними из первых дошедших до наших дней арабских исторических сочинений являются «Книга завоеваний стран» аль-Балазури (ум. в 892 г.) и «История» Я'куби (ум. в 897 г.). Коснемся последней. Я'куби совершенно определенно помещает Бурджан на Кавказе. Его локализация становится еще более ценной, если учитывать, что предок историка, Вадих, был правителем провинции Армения, да и сам он долгое время проживал в этой области². Словом, Я'куби был довольно хорошо знаком с историей и преданиями кавказского региона. В главе «Царства Севера», посвященной генеалогии

Васика Биллахи (842–846 гг.) к Великой Китайской стене и первым из арабских авторов упомянувший башкир, степи которых в это время заканчивались к северу от Аральского моря.

¹ Kitab al-masalik wa'l-mamalik. P. 17–18.

² Крачковский И. Ю. Указ. соч. С. 151.

народов Северного Кавказа и Закавказья, он пишет: «Разделил Фалаг¹ бен ‘Абир бен Арфахшад бен Сам бен Нух землю между детьми [пророка] Нуха (Ноя), которые ушли по левую сторону востока. И отделилось от них племя – дети На’умы – в направлении севера. И распространились они по той стране, и стало несколько царств, и это – Бурджан, Дейлем, Табар, Тилсан, Джилян, Филан, Алан, Хазар, Дуданийя, Арман»². Как можно заметить, он перечисляет страны, расположенные вдоль южного, западного и северного берега Каспийского моря.

Писатель начала X в. Ибн аль-Факих аль-Хамадани упоминает Бурджан применительно к Балканам и Кавказу. В одном случае он пишет: «Бурджан, страны ас-сакалиба, аль-Абар находятся севернее аль-Андалуса»³. Этот отрывок явно позаимствован им у аль-Джарми. В другом случае, говоря о Хорасане, Ираке, Джурджане и Табаристане, Ибн аль-Факих сообщает, что в этих странах «есть товары из Армении, Азербайджана, аль-Хазара и страны Бурджан, так как морские купцы путешествуют с востока на запад и с запада на восток»⁴. Как можно заметить, в данном пассаже речь идет о маршрутах каспийской торговли. Следовательно, упомянутая здесь страна Бурджан могла находиться только в кавказском регионе.

Интересно то, как реагировала восточная традиция на этнополитические процессы, происходившие в мире. Например, автор X в. ат-Табари в одном случае упоминает бурджан как обитателей Северного Кавказа, а в другом – в связи с событиями на Балканском полуострове. Факт их переселения на Балканы нашел свое отражение в генеалогической науке.

¹ Библейский Фалек, сын Евера сына Арфаксада сына Сима сына Ноя.

² *Ibn-Wadhih*. Op. cit. P. 203.

Дейлем, Табар (Табаристан) и Джилян (Гилян) – территория современных иранских провинций Гилян и Мазендеран, расположенных вдоль южного берега Каспия. Филан – княжество, располагавшееся в западной части современного Дагестана, Дуданийя – земля дидойцев, проживающих в Цунтинском района этой республики.

³ *Ibn al-Fakih*. Op. cit. P. 83.

Данный пассаж не следует понимать буквально. «Севернее Андалуса» значит, что Бурджан и Аварский каганат находятся севернее Испании в широтном отношении, но безотносительно к долготе их расположения.

⁴ *Ibn al-Fakih*. Op. cit. P. 270.

Табари, основываясь, как можно думать, на данных Хишама аль-Калби, пишет: «От потомства Ювана происходят ас-Сакалиба, Бурджан и аль-Ишбан. И были они на земле ар-Рум в древности прежде, чем пришли сюда те, кто происходит из потомства аль-‘Иса и другие»¹. Согласно семитической традиции, упомянутый ‘Ис бен Исхак (Исаак) бен Ибрахим (Авраам) был отцом ар-Рума, родоначальника византийцев и римлян вообще: «‘Ис бен Исхак женился на дочери своего дяди, которую звали Басма. Она была дочерью Исма’ила бен Ибрахима. И родился у нее ар-Рум бен ‘Ис»². Таким образом, приведенная легенда выводит происхождение бурджан от греков-ионийцев и делает их более древними обитателями ар-Рума (т. е. территории Малой Азии и Балкан), чем сами ромеи (византийцы). Этой генеалогии вторят сведения Я’куби: «И были обиталищем Саклаба и Бурджана земля ар-Рум до появления самого ар-Рума, а они – потомство Яфета»³.

Будучи персом по происхождению, ат-Табари не забывает и эпическую традицию Ирана. Согласно древним дастанам, древнеиранский царь Феридун (авестийский Траэтаона) разделил весь круг земель между своими сыновьями, которых звали Тур, Салм и Айрик⁴. Ат-Табари пишет: «Поистине, он (Феридун) разделил землю между своими тремя сыновьями, которых звали Тудж (Тур), Салм, Ирадж (Айрик). И отдал он во владение Туджу страны ат-Турк, ал-Хазар и ас-Син... И отдал во владение Салму, своему второму сыну, ар-Рум, ас-Сакалиба и аль-Бурджан, а также то, что находится в пределах этого. И назначил центр земли и ее населенную часть, а

¹ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Prima series. Pars I. Lugduni Batavorum, 1879–1881. P. 217–218.*

Юва или *Яван* – древневосточное наименование греков, упоминаемое в древнееврейских, арамейских, египетских и вавилонских текстах. Этимологически восходит к самоназванию ионических греков **Ἴωνες** (Ионес). Современные турки, арабы и персы именуют греков словом *юна*». *Сакалиба* – славяне или вообще светловолосые северяне. *Ишбан* – испанцы.

² *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Prima series. Pars I. P. 354.*

³ *Ibn-Wadhih. Op. cit. P. 14.*

⁴ Тур считался родоначальником туранцев – восточноиранских кочевников, а позднее, в связи с изменением этнической доминанты в Средней Азии, тюрков. Удел Тура носил название Туран. Салм, или Сарм, как считают современные исследователи, был эпонимом сарматов. Айрик считался родоначальником арийцев, т. е. иранцев.

это – область Бабил (Вавилон), именуемая *Hunarath* (خُنَارَتْ)¹, после того, как присоединил к ней то, что примыкает со стороны ас-Синда, ал-Хинда и ал-Хиджаза и других территорий, – Ираджу. Он был младшим из его трех сыновей и был самым любимым среди них. По этой причине область Бабил получила название Ираншахр»².

Соответствующий стих в «Шахнаме» звучит так:

Постигнув сокрытую тайну светил,
Мир натрое царь Феридун разлепил:
Часть – Запад и Рум, часть – Китай и Туран,
А третья – пустыня бойцов и Иран.
Сначала на первенца он поглядел,
Рум с Западом Сельму назначил в удел...
А храброму Туру седой властелин
Туран во владение отдал и Чин...
Когда же Иреджа черед наступил,
Ему во владенье отец уступил
Иран и страну копьеносных бойцов,
Престол и венец миродержных отцов³.

Нет необходимости говорить об искусственности семитической генеалогии, составленной ат-Табари и пытающейся свести происхождение всех народов к библейским патриархам, а через них – к Адаму и Еве. Что же касается иранской эпической традиции, то ее сведения не столь фантастичны. Салм (Сармат), согласно Фирдоуси, получил Рум, то есть Малую Азию, и Запад. По ат-Табари ему были отданы Рум, ас-Сакалиба и Бурджан. То есть Запад в поэме Фирдоси соответствует тому, чем является ас-Сакалиба и Бурджан у ат-Табари. Очевидно, что историк и поэт использовали в качестве

¹ Согласно Авесте, наиболее населенный и благоустроенный каршвар (область) Древнего Ирана носил название Хванирата.

² *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Prima series. Pars I. P. 229.* Название Ираншахр переводится как ‘царство Иран’.

³ *Фирдоуси. Шахнаме. Т. I. С. 99–100.*

источника различные переводы «Хвадай намаг». Коль скоро этот эпический свод составлялся в III–VI вв., а сам Иран пал под ударами арабов в середине VII в., то и упоминавшийся у ат-Табари Бурджан в качестве провинции удела Салма не мог соответствовать Дунайской Болгарии, возникшей после 670 г. Следовательно, здесь имелся в виду Бурджан-на-Кавказе.

Что касается *ас-сакалиба* (мн. ч. от *саклаб*), то этот термин не обязательно обозначал славян¹. Он был более широким понятием, обозначавшим племена севера Евразии, а иногда просто светловолосых людей². Вспомним, что Ибн Фадлан именовал болгарского эльтебера Алмуша «малик ас-сакалиба», то есть «царем саклабов»³. Персидский автор XI в. Гардизи называет саклабами енисейских кыргызов⁴. Фирдоуси упоминает страну Саклаб, откуда был родом «известный храбрец» Кундур, союзник и родственник туранского царя Афрасиаба⁵. Можно предположить, что понятие *ас-сакалиба*, упомянутое в качестве одной из частей удела Салма, соответствовало булгарам, обитавшим на Северном Кавказе с IV в. Таким образом, иранская эпическая традиция, отраженная в сочинении ат-Табари назначает в удел Салму (Сармату) северокавказских бурджан и болгар. Здесь уместно вспомнить, что аль-Хорезми считал Бурджан провинцией Сарматии. Что касается Рима, якобы являвшегося частью того же удела, то это не более чем воспоминание о временах Ахеменидов, когда Малая Азия, то есть ар-Рум арабо-персидской традиции, принадлежала персам.

¹ Термин *саклаб* – арабского происхождения, а потому неизвестно, какое персидское название он заместил в источнике, который использовал ат-Табари.

² Golden P. B. Sakaliba // Encyclopaedia of Islam. Vol. VIII. Leiden, 1995. P. 872.

³ *Йакут ар-Руми*. Указ. соч. Т. I. С. 486.

⁴ Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбār» : Приложение к Отчету о научной поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893–1894 гг. // Записки Императорской Академии наук по Историко-филологическому отделению (VIII серия). Т. I, № 4. СПб., 1897. С. 109; Golden P. B. Sakaliba. P. 873.

Согласно китайским источникам, енисейские кыргызы были светловолосыми европеоидами.

⁵ Фирдоуси. Указ. соч. Т. II. М., 1960. С. 513.

И совсем уже конкретные сведения о царстве Бурджан-на-Кавказе приводит Йакут ар-Руми. В его энциклопедическом лексиконе «Словарь стран» имеется статья «Бурджан». Приведем ее полностью: «Бурджан: через букву “джим”: страна из числа областей [страны] аль-Хазар. Астрологи утверждают, что [страна Бурджан] находится в шестом климате, и ее местоположение – сорок градусов долготы и сорок пять градусов широты; мусульмане нападали на [Бурджан] в дни ‘Усмана – да будет доволен им Аллах! Абу Нуджайд ат-Тамими сказал:

Мы начали [наступление] в Джиляне, и содрогнулся их трон.

Отряды стремительно идут в бой верхом на лошадях.

И мы вернулись в Ашйан подобно тому, как пришли они туда накануне,

И они отступили пешими между Румом и Бурджаном»¹.

Статья Йакута не оставляет места для двояких толкований относительно местоположения Бурджана, так как мусульмане «в дни ‘Усмана» (644–656 гг.) воевали с хазарами на территории современного Дагестана. Мало того, Йакут приводит четверостишие некоего Абу Нуджайда ат-Тамими, по всей видимости, касающееся одного из эпизодов арабско-хазарских войн (VII–VIII вв.). Оно определенно указывает, что под Бурджаном здесь подразумевается территория, расположенная севернее области Джилян или Гилян (северо-западная провинция Ирана, граничащая с Азербайджаном), а не Дунайская Болгария, как предполагал А. Я. Гаркави. Под Румом данного стиха нужно подразумевать территорию Кавказской Албании, которая после падения в середине VII в. империи Сасанидов временно оказалось под властью Восточно-Римской (Византийской) империи. Таким образом, отступающие хазарские отряды прошли мимо закавказских владений Византии (ар-Румом) к Каспийскому проходу и вернулись в Хазарию «между Румом и Бурджаном».

¹ Йакут ар-Руми. Указ. соч. Т. I. С. 373.

Слова Йакута о том, что мусульмане «в дни ‘Усмана» нападали на Бурджан, по всей видимости, касаются большого похода арабов под руководством братьев Раби’а. В 32 г.х. (652/653 гг.) полководец ‘Абд ар-Рахман ибн Раби’а и его брат Салман вторглись на территорию Хазарии. Аль-Куфи пишет: «Он (то есть Салман) достиг одного из хазарских городов, который назывался Йаргу»¹. Город Йаргу (يارغو), как уже доказано, является искаженным при переписке топонимом Таргу (تارغو), то есть селением Тарки близ современной Махачкалы. После взятия города мусульманские войска двинулись в Баланджар, однако там они были разбиты и уничтожены. Итак, судя по арабским сочинениям, царство Бурджан находилось на территории современного Дагестана севернее Дербента.

Шамс ад-дин ад-Димашки (1256–1327 гг.) в своей космографии «Нухбат ад-дахр фи ‘аджа’иб аль-барр ва-ль-бахр» («Выборка времени о диковинках суши и моря») также пишет о Бурджане-на-Кавказе: «Шестой климат: Он – от 43-го до 50-го с половиной градуса. Начинается на востоке с местонахождения горных тюрок, а это – аль-хирхиз, киркир, кимак, тогуз-огуз, и далее тянется к стране болгар-мусульман, стране хазар к северу от их моря, земле алан и сарир², земле бурджан и аль-курдж³, морю Крыма и Сардака⁴. Седьмой климат: Он тот, в котором нет большой плотности населения, так как он находится на востоке лесов и гор, в которых укрываются дикие тюрки. Он пересекает страны печенегов, неверных болгар, саклабов, [б]асхурт и доходит до пределов варанков»⁵. Как следует из источника, 6-й климат космографии ад-Димашки тянулся от тюркских степей до Хазарии, проходил к северу от Каспийского моря, поворачивал на Кавказ («земля алан и сарир», «земля бурджан и аль-курдж»), а далее, пересекая

¹ *Абу Мухаммад ибн А’сам ал-Куфи*. Книга завоеваний. Баку, 1981. С. 11.

² Сарир – арабское название Аварского княжества в Дагестане.

³ В тексте написано الكرخ (аль-курх), что, без сомнения, описка. Правильно: الكرج (аль-курдж), то есть один из вариантов названия грузин у восточных народов. Современное иранское и турецкое название Грузии – Гюрджистан.

⁴ Выражение «море Крыма и Сардака» обозначает Черное море. Сардак – тюркское название крымского города Судак, именовавшегося также Сугдея и Солдайя.

⁵ *Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui*. P. 21–22.

Черное море (море Крыма и Сардака), доходил до малоазиатских провинций Византии. В отличие от аль-Фергани и цитировавших его авторов, например, Ибн Мутаххара, удостоивших кавказский отрезок 6-го климата краткой констатацией, что он проходит к Руму через Джурзан (Грузию), ад-Димашки более подробно перечисляет страны Кавказа и Закавказья, входившие в его состав. Таким образом, «земля бурджан» и Грузия (аль-Курдж), согласно его описанию, находятся по соседству.

Отдельно стоит отметить интересный факт, что данный автор называет по отдельности бурджан, болгар-мусульман и «неверных болгар», то есть он отчетливо различает между собой кавказских бурджан, волжских и дунайских болгар. В другом месте своего сочинения, описывая северный берег Черного моря, он перечисляет следующие страны: «страна аль-‘Аманийа (العامانية), страна аль-Азкашийа (الأزكشية), страна ат-Туркашийа (التركشية), страна Бурджан, страна аль-Лан»¹. Первое название, скорее всего, есть искаженное аль-Куманийа (القمانية), то есть Половецкое поле. Что касается следующего этнонима, то оно, по всей видимости, возникло в результате описки из Саркашийа (ساركشية), то есть названия Черкесии. На это указывает, что ниже по тексту в числе народов, населяющих побережье моря ар-Рус (Черное море), ад-Димашки называет «Аллан, [С]аркаш (أركش), ар-Рус, аль-Хункар, Башкурд, Кибджак»². Таким образом, бурджаны помещены на Кавказе рядом с грузинами, черкесами и аланами.

Для полноты картины необходимо сравнить эти сведения с независимой от арабской историографии письменной традицией. А таковой для изучаемого региона являются армянские, византийские и хазарские источники, которые на севере Дагестана единодушно упоминают берсилов/берзилов. В арабской литературе им соответствует область аль-Баршалийа, упомянутая в сочинении аль-Балазури³. Следовательно, Бурджан арабских сочинений территориально совпадает с Берзилией византийских и

¹ *Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui*. P. 145.

² *Ibid.* P. 189.

³ *Балазури*. Указ. соч. С. 275.

армянских источников. О соответствии этих топонимов друг другу, возможно, свидетельствует еврейский источник «Книга Иосиппон». Касаясь вопроса библейской генеалогии, автор пишет: «Мадай – это Азарлос, живущие в стране Бурсан»¹. Мадай, сын Яфета и внук Ноя, считается предком мидян, которые, по сведениям Диодора Сицилийского и Плиния Старшего, в свою очередь, являются предками савроматов и сарматов². Один из первых комментаторов этого предания Самуэль Бошар восстанавливал еврейское название *Азарлос* как *Arzali* и видел в них иранцев Хорасана³. С ним не соглашался А. Я. Гаркави, связывавший Бурсан с хазарским гидронимом *В.р.шан*⁴. Весьма заманчиво было бы видеть в *Arzali* этноним *Barzali* (берзилы) с пропуском первой буквы. Если принять мнение А. Я. Гаркави о взаимосвязи между страной *Бурсан*⁵ и рекой *В.р.шан*, протекавшей по территории Северного Дагестана, то можно сделать вывод, что *Arzali* жили в Бурджане.

О присутствии бурджан на Кавказе свидетельствует также ономастический материал. Среди грузинских фамилий можно найти немало таких, которые содержат этнонимическую основу. Например, Картвелишвили («потомок картвела»), Мегрешвили («потомок менгрела»), Черкезишвили («потомок черкеса»), Татаришвили («потомок татарина»), Абхазишвили («потомок абхазца»), Сванидзе («сын свана»), Кахидзе («сын кахетинца»), Осадзе («сын оса/осетина»), Прангишвили («потомок франка»), Ногаидели («ногаец»)⁶, Кушанашвили («потомок кушана»), Бурджанадзе («сын бурджана») и другие. Таким образом, можно констатировать, что этноним бурджан имел хождение в живой грузинской речи и, следовательно, не был

¹ Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. С. 41.

² Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Ч. 1. СПб., 1890. С. 459; *Pliny. Natural history. Vol. II. Book VI. Cambridge-Massachusetts-L., 1961. P. 351.*

³ *Vocharti S. Geographia Sacra. Pars prior. Francofurti ad Moenum, 1674. P. 227.*

⁴ Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. С. 54.

⁵ Форма «Бурсан» как вариант названия *Бурджан* также зафиксирована автором XIII в. Ибн Са'идом (См.: *Ibn Sa'id al-Magribi. Op. cit. P. 117–118.*)

⁶ Этноним *ногай* + суффикс происхождения *-ели-*.

исключительно книжным термином.

Таким образом, неоднозначное употребление в арабской литературе термина *бурджан*, применявшегося в одних случаях по отношению к Дунайской Болгарии, в других случаях – к некоей кавказской или причерноморской области, породило в европейской историографии болгаро-бурджанскую проблему. Большинство исследователей считало Бурджан арабским названием Дунайской Болгарии. Данное положение стало господствующим и даже аксиомой, не оспариваемой никем, хотя многие известия арабских и персидских авторов прямо противоречат данной точке зрения.

Проанализированные в первой главе источники фиксируют, во-первых, Бурджан-на-Кавказе; во-вторых, Бурджан в Северном Причерноморье; в-третьих, Бурджан-на-Балканах. Однако, только первое владение из трех соответствовало подлинным бурджанам, обитавшим на Северном Кавказе, о чем однозначно свидетельствуют Я'куби, Ибн Хаййат, Йакут, Ибн аль-Асир, ад-Димашки и менее уверенно Ибн Хордадбех, ат-Табари, Ибн аль-Факих. Второе и третье названия покрывали собой болгар – кубратовых и дунайских. Забегая вперед, следует сказать, что далеко не во всех случаях Бурджан-на-Балканах обозначал только Дунайскую Болгарию. В некоторых случаях данное название, предположительно, соответствовало своему настоящему содержанию.

ГЛАВА II. БУРДЖАН И БЕРЗИЛИЯ: ХРОНОЛОГИЯ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ АТТРИБУЦИЯ

§ 1. Хронология бурджан и берзилов

Данные византийских и армянских источников свидетельствуют о том, что берзиловы с самого момента появления на исторической арене были тесно связаны политически с хазарами. Однако первые никогда не играли той выдающейся роли в международной политике, каковая досталась вторым, поэтому фигура умолчания относительно участия берзилов в тех или иных событиях в истории Кавказа вполне объяснима. При реконструкции их хронологии нужно учитывать, что византийская историография признавала их старшинство перед хазарами. Византийский автор IX в. Феофан писал: «Из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар»¹. Таким образом, сначала в «Азиатской» (Первой) Сарматии, располагавшейся между Азовским и Каспийским морями, возникает Берзилия, а затем из ее недр «выходят» хазары. Из этого следует, что упоминание в письменных источниках хазар по умолчанию подразумевает существование в этот период и берзилов.

В данном вопросе важное значение имеют армянские источники, особенно сочинение Моисея Хоренского (Мовсеса Хоренаци), вокруг имени которого до сих пор не утихают споры. По мнению Л. М. Меликсет-Бека, хазарская хронология «упирается в злополучную проблему армянской историографии, касающуюся Моисея Хоренского» и его «Истории Армении»². Согласно традиции, «отец армянской истории» родился в 370 г. и умер около 487 г. Свой труд он начал писать по предложению Сасанидского наместника Армении марзбана Саака Багратуни в 460 г. и закончил его, видимо, незадолго до своей смерти. Однако это, освященное веками

¹ Чичуров И. С. Указ. соч. С. 61.

² Меликсет-Бек Л. М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского // Исследования по истории культуры народов Востока. М.-Л., 1960. С. 112.

положение, уже давно является предметом дискуссии. В известном пассаже своей «Истории», вызвавшем бурную полемику в научной литературе, Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский) утверждал, что в годы правления армянского царя Вагаршака (193–213 гг.) «массы горцев – я разумею – хазар и басилов, соединившись, прошли через врата Чора (Дербентский проход – С. Х.) под предводительством царя своего Внасепа Сурхапа». И далее: «Перейдя через реку Кур (Кура – С. Х.), они рассыпались по сую сторону ее. Им навстречу выступил Вахарш,...преследуя их перед собою, прошел через ущелье Чора. Здесь...Вахарш падает от рук мощных стрелков»¹. Следовательно, поход берзилов и хазар в Армению состоялся в 213 г., в год гибели Вагаршака.

Однако отнесение хазар и берзилов в III в. у большинства исследователей вызывает недоверие. Оно основано на следующих доводах. Армянские историки V в., то есть современники Мовсеса Хоренаци – Корюн, Фауст Византийский (Фавст Бузанд), Лазарь Парбский (Газар Парпеци), Елисей (Егише или Елише) – не знают ни берзилов, ни хазар. На этом фоне контрастно выглядит единодушие армянских и византийских авторов VII в.: если Анания Ширакаци знает хазар и берзилов применительно ко второй половине VII в., то Феофилакт Симокатта относит народ барсельт (берзилов) к середине VI в. Византийские писатели IX в. Феофан и Никифор упоминают хазар и Берзилию в контексте событий VII в. В качестве решения создавшейся коллизии Л. М. Меликсет-Бек предлагает следующую альтернативу: 1) приняв Мовсес Хоренаци за автора V в., нужно признать, что хазары существовали во II–III вв.; 2) согласившись с установившимся положением относительно появления хазар на сцене истории не ранее VI–VII вв., нужно «отодвинуть» Мовсес Хоренаци также к VI–VII в.² При этом данный автор не исключает и третий вариант, примиряющей первые два, а именно вероятность позднейших интерполяций со стороны редакторов и

¹ История Армении Моисей Хоренского. С. 113.

² Меликсет-Бек Л. М. Указ. соч. С. 117.

переписчиков VI–VII вв., введших в текст «Истории Армении» современных им хазар и берзилов. Этой точки зрения, в частности, придерживался А. П. Новосельцев¹.

Что касается ведущего отечественного хазароведа М. И. Артамонова, то он предположил, что если «История Армении» Мовсеса Хоренаци действительно написана в V в., то «в ней содержится первое упоминание о хазарах под их собственным именем, хотя и с явно анахронистическим отнесением их выступления ко II в.»². Его мысль развил А. В. Гадло, считавший, что «отец армянской истории» на самом деле жил, как и утверждает традиция, в V в., а текст его сочинения дошел до нас в первоначальном виде. Тем не менее, упоминание хазар и берзилов в событиях II–III вв. исследователь относил к анахронизмам. Источником информации по этому периоду времени для Мовсеса Хоренаци, по его собственному признанию, была утраченная хроника сирийского писателя II–III вв. Бардацана (Бардесан). По всей видимости, именно у него был заимствован сюжет о вторжении в Армению северных кочевников. «Сам факт борьбы царей Армении на рубеже II–III вв. с северными племенами, прорывавшимися в Закавказье через Каспийский проход, не содержит ничего невероятного, – писал А. В. Гадло. – Невероятно здесь лишь указание в качестве их врагов хазиров и басилов, но, как следует из текста, хазирами и басылами этих врагов считал только сам Мовсес Хоренаци (“...я понимаю...”)³. Однако, коль скоро хазары и берзиловы ему были известны, то остается признать, что названные племена в V в. уже действовали на исторической арене.

Если обратиться к сочинениям старших и младших современников Мовсеса Хоренаци, то в них хазары и берзиловы действительно не

¹ Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 29.

² Артамонов М. И. Указ. соч. С. 17.

³ История Армении Моисей Хоренского. С. 131; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 42.

упоминаются. Получается, что «отец армянской истории» был единственным, кто отметил появление на исторической арене этих народов. Однако этому можно найти объяснение. Первые историки Армении Агафангел (конец III – начало IV в.) и Фавст Бузанд (конец IV – V в.), как справедливо отмечал А. А. Гадло, писали не о настоящем, а о прошлом. В основе их сочинений лежат армянские предания и эпос, так что они представляют собой по большей части «не историю, а поэзию»¹. Рассказывая о событиях III в., Агафангел (Агатангелос) упоминает гуннов (οὐννοί), которые были призваны армянским царем Хосровом Великим для борьбы с персами². Фавст Бузанд (Фауст Византийский) перечисляет племена Кавказа, которых повел с собой маскутский (массагетский) царь Санесан в набег на Армению. Среди них также упомянуты гунны³. Лазарь Парбский (Газар Парпеци) в своей «Истории Армении», написанной в 490–495 гг., сообщает об участии героя своей повести, полководца Вардана Мамиконяна, в походе персидской армии против эфталитов⁴. Названный автор упоминает «страну гуннов (хонов)», которая отделена от Албании стеной⁵. Нужно сказать, что внимание названных авторов обращено на отношения Армении с Ираном и Византией. Северные степи остаются для них *terra incognita*. Поэтому для обозначения кочевников Северного Кавказа они довольствуются собирательным термином «гунны». Единственное исключение в этом отношении представляет собой сочинение вардапета Елише (Елисея) «О Вардане и войне армянской», в котором тот использует не только традиционное собирательное название «гунны», но дает им конкретное обозначение – *хайландуры*⁶. Они обитают за пограничной крепостью Джор (Дербент) и постоянно грозят Армении набегам. Елише писал между 458 г. и 464 г. и являлся современником описываемых событий. Его труд – «не

¹ Абегян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. С. 108.

² Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie. Т. I. P., 1867. P. 115–116.

³ Ibid. P. 215.

⁴ Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie. Т. II. P., 1869. P. 350.

⁵ Ibid. P. 294.

⁶ Ibid. P. 186.

компиляция, а историческая монография, написанная по собственным впечатлениям и рассказам других участников событий»¹. Хайландуры, по мнению А. А. Гадло, являются одной из ранних тюркоязычных племенных группировок Северного Кавказа и связываются им с булгарами². Фигура умолчания армянских авторов V в. относительно хазар и берзилов не исключает их существования в этот период, так как, по всей вероятности, их покрывал либо собирательный термин «гунны», либо название наиболее могущественной группировки хайландуров.

Немногое дает в вопросе хронологии берзилов и хазар грузинская историография. Со свойственной ей тенденцией относить появление хазар в незапамятную древность один из составителей сборника летописей «Картлис цховреба» историк XI в. Леонти Мровели относит появление хазар в эпические времена, делая их современниками легендарных авестийских царей Феридуна и Кей-Кавуса³. Что касается Джуаншера Джуаншеряни (XI в.), автора сочинения «Жизнь Вахтанга Горгасала», во многом зависящего от армянской историографии, особенно в тех частях, где мы видим явные реминисценции сюжетов «Истории Армении» Мовсес Хоренаци, то он описывает набег хазар и осов (осетин) на Грузию, против которых выступает царь Вахтанг Горгасал (465–499 гг.)⁴. Таким образом, Джуаншер относит появление хазар к V в., что соответствует хронологии А. В. Гадло.

Обратимся к арабо-персидской историко-географической традиции, которая, как и армянская, выводит хазар на историческую арену в III в. н. э. Мас'уди пишет, что Ширавайх⁵ сын Абарвиза в разговоре с кем-то сказал: «Я подумал о предании, [связанном] с дедом нашим Ардаширом сыном Бабака – когда он сражался с царем хазар». Причем, Мас'уди делает важное уточнение, что запись слов шаха Кавада II он нашел «в биографиях

¹ Гадло А. В. Указ. соч. С. 28.

² Там же. С. 56–58.

³ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 25–27.

⁴ Джуаншер Джуаншеряни. Жизнь Вахтанга Горгасала. Тбилиси, 1986. С. 67.

⁵ Шаханшах Кавад II Шируйе (правил в 628 г.).

персидских царей»¹. Как видим, «арабский Геродот» привел сведения, относящие появление хазар к эпохе Ардашира Папакана (220–240 гг.), т. е. к III в. Данный пассаж проливает свет на документальную базу его сочинения. Под «биографиями персидских царей» нужно иметь в виду либо арабские переводы «Хвадай намаг», легшие в основу поэмы Фирдоуси «Шахнаме», либо сочинения беллетристического жанра типа «Карнамак-и Артахшир-и Папакан» («Книга деяний Ардашира Папакана»). Эти произведения являются скорее эпическими сказаниями, чем историческими хрониками. Рассказывая о реальных событиях, они содержат множество анахронизмов. Поэтому в вопросах восстановления хронологии к ним нужно относиться с большой осторожностью.

Другой выдающийся арабский историограф ат-Табари также относит появление хазар в период античности: «И воцарился в ар-Руме человек из рода Константина, которого звали Лильянус (Юлианус – С. Х.)... Он собрал толпы из числа ромеев, хазар и арабов, входивших в состав его государства, для того, чтобы сразиться с Шапуром и персидскими войсками»². Данное упоминание о хазарах, по всей видимости, также не соответствуют действительности, так как в византийских источниках, касающихся римского императора Юлиана II «Отступника» (331–363 гг.), они не значатся. Таким образом, можно констатировать, что появление этого народа, относимое армянскими и арабскими авторами к III в., скорее всего, не имеет под собой реальных оснований. Поэтому наиболее обоснованной является точка зрения М. И. Артамонова, датировавшего хазар V в.³

Арабский историк IX в. Балазури рассказывает, что во времена иранского шаха Кавада I (449–531 гг.) «Джурзан (Грузия – С. Х.) и Арран (Кавказская Албания – С. Х.) были в руках хазар». Как пишет автор, хазары в своих набегах достигали Динавара⁴, поэтому шах отправил на север 20-

¹ Maçoudi. Op. cit. T. VI. P., 1871. P. 124–125.

² Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari Prima series. Pars II. P. 840.

³ Артамонов М. И. Указ. соч. С. 116.

⁴ Город в современной провинции Керманшах, расположенной в северо-западной части

тысячное войско, которое очистило от них Арран¹. Схожие сведения приводит и другой арабский историк IX в. Я'куби, согласно которым упомянутый персидский шах отвоевал у хазар Баб аль-Абваб и даже захватил Баланджар: «И покорил персидский царь Баб аль-Абваб, Табаристан, Баланджар, а также построил город Каликалу и много других городов. И поселил в них людей из числа персов. Затем одержали победу хазары, также как [до этого] победили их персы»². Таким образом, по данным названных арабских историков, опиравшихся, по всей видимости, на Сасанидские архивы, Иран столкнулся на своих северных границах с хазарами во второй половине V в. На этот же хронологический рубеж, как было сказано выше, указывает анализ сочинения «отца армянской истории» Хоренаци, сделанный А. В. Гадло.

Что касается непосредственно берзилов, то, выбирая между хазарами и берзилами, упомянутыми Мовсесом Хоренаци в контексте событий III в., М. И. Артамонов отмечает, что «менее очевидно анахронистическое употребление названия барсилы»³. Это замечание касается одного из сюжетов «Истории Армении», автор которой, приводя родословную армянского рода Арухеанов, происходившего от родственников аланской царевны Сатиник (I в. н. э.), рассказывает, что в правление Хосрова Великого (211–259 гг.) названная фамилия вступила в родство с неким могущественным барсилом⁴. Следовательно, в этом месте своего сочинения Мовсес Хоренаци приводит источники, относящие появление берзилов к III в. н. э. Это уже вряд ли является результатом авторской интерпретации, как в случае с заимствованным у Бардесана сюжетом, ибо здесь армянский историк использует родословную (возможно, письменную) известного

Ирана на границе с Ираком.

¹ *Балазури*. Указ. соч. С. 283.

Арран или *Аллан* – арабское название Кавказской Албании.

² *Ibn Rosteh*. Op. cit. P. 203.

Баланджар – хазарский город, располагавшийся на левом берегу реки Сулак в Дагестане.

³ *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 131.

⁴ *История Армении Моисей Хоренского*. С. 105.

армянского рода. На этом основании М. И. Артамонов пускается в рассуждение: «Конечно, можно допустить, что барсилы – древнее северокавказское племя, существовавшее здесь еще до гуннского нашествия»¹. Однако, принять это предположение ему мешает убежденность в том, что берзилы были тюрками: племя берсула в X в. упоминается Ибн Русте в составе волжских болгар, а, значит, оно было тюркским по происхождению и не могло появиться на Северном Кавказе ранее «великого переселения народов», то есть ранее IV в.

Несколько иначе вопрос берзилской хронологии рассматривал А. В. Гадло. Он полагал, что племя берсула, входившее в состав болгар, отличалось от последних своим происхождением². Анализ письменных источников и северокавказского фольклора привел его к выводу, что барсилы «представляли собой одну из трех ираноязычных групп, которые в эпоху, последовавшую за гуннским вторжением, сумели сохранить свое положение и даже на какой-то период возвыситься над другими группами степняков»³. Под тремя группами иранских кочевников А. А. Гадло подразумевал маскутов (кавказских массагетов), алан и берзилов. Следовательно, он допускал существование на Северном Кавказе последних и в период, предшествовавший нашествию гуннов. Мовсес Хоренаци приводит имя царя берзилов, вторгшихся в начале III в. в Армению. Его звали Внасеп Сурхап, которое А.В. Гадло реконструировал как Гушнасп Сухраб. Как можно заметить, оно является иранским.

Что касается сирийских источников, то они однозначно называют берзилов автохтонами Северного Кавказа: якобитский патриарх Михаил Сирийский (XII в.), со ссылкой на автора VI в. Иоанна Эфесского, писал, что болгары прикочевали с востока из района Имеонских гор (Тяньшань) в страну «алан, называемую Берсалия»⁴. Таким образом, если считать

¹ Артамонов М. И. Указ. соч. С. 131.

² Гадло А. В. Указ. соч. С. 64.

³ Там же. С. 68.

⁴ Chronique de Michel Syrien. P. 364.

временем появления на исторической арене болгар IV в., как это делает анонимный Латинский Хронограф 354 г., то Берсалия существовала ранее указанной даты¹.

Рассмотрим еще один спорный момент, косвенно касающийся хронологии берзилов. Мовсес Хоренаци со ссылкой на самого раннего армянского историка Мар Абаса Катину пишет: «Во дни его (Аршака) возникли большие смуты в цепи великой Кавказской горы, в земле болгаров»². Это сообщение является едва ли не главным аргументом у критиков сочинения «отца армянской истории». Это вполне понятно, так как упомянутый армянский царь Аршак I правил во II в. до н. э., то есть тогда, когда болгар определенно еще не было на Кавказе. Однако В. Т. Сиротенко указывает на одно важное обстоятельство, меняющее суть дела: оказывается, Мовсес Хоренаци считал Мар Абаса автором II в. до н. э. ошибочно, тогда как тот жил в IV в. Именно поэтому армянский историк относил появление болгар во II в. до н. э., хотя это событие имело место при жизни Мар Абаса, то есть в IV в.³ Данное замечание В. Т. Сиротенко подтверждают данные Латинского Хронографа о появлении болгар в IV в.

Таким образом, с учетом сведений родословной Аруехеанов, предания Иоанна Эфесского о появлении болгар в Берзилии и данных Латинского Хронографа 354 г. начало хронологии берзилов нужно относить к III в., тем более, что это согласуется с данными арабских источников. Как говорилось выше, Ибн Хордадбех упоминает бурджан как современников шаха Ардашира Папакана (224–241 гг.)⁴. В этом случае рассказ о вторжении в годы правления царя Вагаршака (193–213 гг.) «масс горцев», которых Мовсес Хоренаци считает хазарами и берзилами, выглядит не столь фантастично, по крайней мере, по отношению к последним.

¹ Chronographus anni CCCLIII // Monumenta Germaniae Historica. T. 9. Vol. I. Berlin, 1892. P. 105.

² История Армении Моисей Хоренского. С. 62.

³ Сиротенко В. Т. Письменные свидетельства о булгарах IV–VII вв. в свете современных им событий // Славяно-Балканские исследования. М., 1972. С. 195.

⁴ Kitab al-masalik wa'l-mamalik. P. 17–18; Ибн Хордадбех. Указ. соч. С. 61.

§ 2. Локализация Бурджана и Берзилии

Византийская историография в лице Феофана дает лишь общий ориентир Берзилии: «Из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар»¹. В другом переводе данный пассаж звучит несколько иначе: «Хазары, великий народ, вышедший из Верзилии самой дальней страны первой Сарматии»². Очевидно, что Феофан использовал систему античного географа Клавдия Птолемея (II в. н. э.), различавшего две Сарматии – Азиатскую и Европейскую: последняя включала в себя пространство Восточной Европы от Вислы до Дона, а первая – от Дона до Волги и Гипербореи (Урала). Армянская традиция дает нам довольно ясные сведения как о том, что под «Первой Сарматией» понимали средневековые эпигоны Птолемея, так и о том, где обитали берзилы. Автор «Армянской географии» («Ашхарацуйц») Анания Ширакаци, писавший в конце VII в., сообщает: «Сарматия (азиатская) отделяется от своей [европейской] половины восточными оконечностями горы Рипия (т. е. Рифейскими, Уральскими горами – С. Х.), рекою Тонавис (Дон – С. Х.), морем Меотис (Азовское море – С. Х.), и простирается вдоль Кавказских гор у Грузии и Албании до Каспийского моря. В Сарматии...много рек, в числе которых Этиль с 70 рукавами, на котором защищается народ Басилы»³. Таким образом, «Первая Сарматия» Феофана соответствует «Азиатской Сарматии» Анании Ширакаци, а барсилы в VII в., по сообщению Анании Ширакаци, обитали в низовьях Этиля, т. е. Волги.

Сопоставим данные «Армянской географии» с летописью Никифора. Для описания событий он использовал тот же источник, что и Феофан, зафиксировавший для Северного Кавказа и Нижнего Поволжья реалии конца VII в., когда болгары были разгромлены, и основная их часть уже покинула земли бывшей державы Кубрата: «Аспарух, переправившись через реки

¹ Чичуров И. С. Указ. соч. С. 61.

² Летопись византийца Феофана до царей Михаила и его сына Феофилакта. С. 263.

³ Патканов К. Указ. соч. С. 27–28.

Днепр и Днестр, поселился у Истра (Дуная – С. Х.)... И так как этот народ разделился и рассеялся, племя хазар, поскольку оно поселилось поблизости от сарматов, из глубин страны, называемой Вер[з]илия, стало с тех пор безнаказанно совершать набеги»¹. Ко времени описываемых событий относятся и данные «Армянской географии», согласно которой «Аспар-Хрук, сын Хубраата, бежавший от хазар из гор Булгарских» уже живет на одном из островов «Дануба», т. е. Дуная². Если учесть, что армянский и византийские авторы, вернее, источник Феофана и Никифора, датируемый VII в., следовали системе Птолемея, то не трудно сделать вывод, что под «самой дальней страной Первой Сарматии» и «глубинами Берзилии» Феофана нужно понимать просторы правобережья Нижней Волги и Предкавказья, ибо за Волгой уже начиналась птолемеевская Скифия. Однако это несколько противоречит данным арабской историографии.

О местоположении Берзилии довольно ясно сообщает Балазури. Он рассказывает о встрече, состоявшейся между персидским шахом Хосровом Ануширваном и тюркским каганом в местности *аль-Баршалия*³. Из контекста сюжета следует, что она находилась недалеко от Дербента. Некоторые исследователи локализуют ее к северу от этого города в долинах Терека и Сулака, при этом название аль-Баршалия сопоставляется с местечком Баршли⁴. Итак, Берзилия/Баршалия по арабским источникам локализуется в Дагестане к северу от Дербента, но не в нижневолжских степях, где ее упоминают армянские и византийские источники VII в.

Басилы и хазары, согласно армянской историографии в лице Мовсеса Хоренаци, врываются в Закавказье «через врата Чора»⁵. Армянский царь

¹ Летопись византийца Феофана до царей Михаила и его сына Феофилакта. С. 162.

² Патканов К. Указ. соч. С. 27–28.

³ Балазури. Указ. соч. С. 275.

⁴ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 128–129; Артамонов М. И. Указ. соч. С. 45–49; Федоров А. Я., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. С. 70.

⁵ Басилы – армянская форма наименования *берзили*; Чор – армянское название Каспийского прохода, где позднее будет построен Дербент, произошедшее, по всей видимости, от персидского *джор*, т. е. ‘ущелье’.

Тиридат III (287–343 гг.), отражая очередной набег берзилов, преследует их до так называемой «земли гуннов». Ее ориентиры, по всей видимости, даются в «Армянской географии», написанной через два века после «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци: «К северу [от Чора] близ моря находится Царство гуннов»¹. В исторической литературе сложилось мнение о тождестве этого царства армянских источников с Берзилией/Баршалией византийской и арабской традиций. Тому есть определенные причины. В «Армянской географии» упоминаются города «Царства гуннов»: «На западе [от Каспийского моря] у Кавказа (т. е. в предгорьях Кавказа – С. Х.) город гуннов Вараджан, а затем города гуннов Чунгарс и Мсндр»². В «Истории Албании» Моисея Каланкатвази есть упоминание о «великолепном городе Варачане» севернее Дербента, в котором жил «великий князь гуннов»³. Основываясь на сходстве названий Берзилия и Вараджан/Варачан, М. И. Артамонов пишет: «...Местность Баршалия в сообщениях арабских географов, названию которой, мне кажется, отвечает имя города Варачан у армянских авторов, дает достаточно определенные указания относительно местонахождения племени барсилов, страны Берзилия и первоначального местожительства хазар»⁴. Стало быть, по мнению названного исследователя, Берзилия/Баршалия тождественна «Царству гуннов».

Собственно хазарские источники также упоминают местность со схожим названием. Ежегодно по весне хазарский царь выезжал из Итиля, столицы каганата, и двигался к реке *В.ршан*, расположенной в 20 фарсах от места отправления, где, по словам царя Иосифа, было «место нашего отдыха»⁵. Расстояние 20 фарсахов составляет 100–120 км, что будет примерно равно расстоянию от низовьев Волги, где стоял Итиль, до реки Кумы. Поэтому П. К. Коковцев склонялся к отождествлению реки *В.ршан* с

¹ Патканов К. Указ. соч. С. 31.

² Там же.

³ История агван Моисея Каганкатвази, писателя X века. С. 192.

⁴ Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936. С. 89.

⁵ Коковцев П. К. Указ. соч. С. 86, 91.

Кумой. Как можно предполагать, данная река носила название страны, по которой протекала. Коль скоро город Варачан и река В.ршан, несмотря на географическую отдаленность друг от друга, носили одно и то же название, то, следовательно, территория между этими топонимами принадлежала одноименному этнополитическому объединению. М. И. Артамонов заключал, что город Вараджан, где проживал гуннский князь, является столицей «царства гуннов», то есть столицей Берзилии. «Это имя (т. е. Вараджан – С. Х.) в различных вариантах упоминается не только в армянских, – пишет он, – но и в византийских, и в арабских, и в еврейских источниках и, очевидно, связывается с названием страны Берсилия и подразделения болгар – берсилиев, барсилов и берсула»¹.

В то же время А. В. Гадло писал: «Отождествление Барсилии с Варачаном, а вслед за этим помещение прародины хазар в область Прикаспийского Дагестана приводят к целому ряду противоречий»². С одной стороны, «Армянская география» помещает берзилов в Сарматии, более конкретно – на Нижней Волге. С другой стороны, арабские авторы знают страну аль-Баршалийя в Северном Дагестане. Поэтому он локализует Берзилию в междуречье Кумы и Волги. Это мнение основывается на сведениях «Армянской географии» о реке с «семьюдесятью рукавами, которую турки называют Атль», то есть о Волге: «Среди этой реки находится остров, на котором укрывается народ баслов от сильных народов хазар и бушхов, приходящих на зимние пастбища и располагающихся на востоке и на западе от реки». Остров этот, по утверждению Анании Ширакаци, называется «Черным, потому он кажется черным от множества баслов, населяющих его вместе со своими стадами»³. А. В. Гадло утверждал, что в VII в. устье Волги находилось значительно западнее, чем теперь, и реки Восточный Маныч, который ассоциируется им с рекой В.ршан царя Иосифа, и Кума впадали в море, образуя с низовьем Волги единую систему протоков.

¹ Артамонов М. И. История хазар. С. 184.

² Гадло А. В. Указ. соч. С. 65.

³ Патканов К. Указ. соч. С. 29–30.

Поэтому, «островом» берзилов следует считать междуречье Волги и Кумы, между которыми, в свою очередь, протекал Восточный Маныч – В.ршан¹.

Даже если согласиться с мнением А. В. Гадло, утверждение «Армянской Географии» о том, что берзилы укрываются на острове посередине «реки Атль» (читай: в междуречье Волги и Кумы), причем со всеми своими стадами, вовсе не значит, что там и было место обитания целого народа. Следовательно, очерчивать территорию Берзилии конкретными границами, будь то Северный Дагестан или Нижнее Поволжье, опираясь лишь на один круг источников, вряд ли правомерно. Берзилы были довольно многочисленным народом и должны были владеть гораздо более обширными землями, чем междуречье Кумы и Волги, обладание которыми при их скотоводческом хозяйстве было жизненной необходимостью.

Говоря о так называемом «Царстве гуннов» или «земли гуннов» нужно понимать, что это всего лишь внешнее обозначение, введенное в оборот армянскими авторами. На протяжении веков население этой территории неоднократно менялось. Например, автор VI в. Захарий Ритор (Псевдо-Захарий) называет тринадцать племен, обитающих к северу от Каспийских ворот: «Авнагур – народ, живущий в палатках. Авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сиругур, баграсик, кулас, абдел, ефталит – эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием»². Как можно заметить, не все перечисленные племена жили на Северном Кавказе в непосредственной близости от Дербентских укреплений, а локализация других этнических групп довольно затруднительна. Л. Б. Гмыря рассматривает вопрос этнической атрибуции населения «земли гуннов» во временной динамике³. В одной из последних работ названный исследователь пишет, что в VII в. его территория была населена гунно-савирами, а Берзилия помещается к югу от «Царства гуннов»:

¹ Гадло А. В. Указ. соч.

² Пигулевская Н. Указ. соч. С. 165.

³ Гмыря Л. Б. Страна гуннов у Каспийских ворот : Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1995. С. 91–100.

«Возможно, Баршалия арабских авторов находилась в Прикаспии, южнее Дербента»¹.

Михаил Сириец называет Берзилию страной алан, «в которой римлянами были построены города Каспия, называвшиеся вратами *Turaye*», локализуя ее, тем самым, в районе Дербента, так как слово *Turaye*, по мнению исследователей, является авторской передачей древнего ирано-армянского названия Дербента – Чор. Поэтому более справедливым представляется вывод А. П. Новосельцева о том, что «пределы Берсии следует расширить, отнеся к ней значительную территорию Восточного Предкавказья, часть Центрального Предкавказья и низовья Волги, хотя в узком смысле так могла именоваться (особенно в позднее время – VIII–IX вв.) и более ограниченная территория в пределах Северного (Приморского) Дагестана»². Из Берсии, «самой дальней страны первой Сарматии» вышел «великий народ хазар», изгнал болгар и создал державу во главе с каганами тюркской династии Ашина.

Таким образом, Хазарский каганат, возникший в конце VII в., поглотил Берзилию. Последняя географически совпадала со страной базилов или «Царством гуннов», а также областью Бурджан сочинения Йакута ар-Руми. Следовательно, греческое название Берзилия и армянское Вараджан соответствуют арабскому термину Бурджан и, следовательно, речь идет об одной и той же стране. Окончательную точку в этом вопросе ставит сюжет о возведении знаменитых укреплений Дербента и предшествовавшей этому событию встрече иранского шаха Хосроя Ануширвана с тюркским каганом Синджибу (Истеми-каганом) в изложении ряда арабских авторов.

В арабской историографии был весьма популярным рассказ о причинах строительства стен и укреплений Дербента иранским шахом Хосроем Ануширваном, который попал в арабоязычные сочинения из пехлевийской

¹ Гмыря Л. Б. Хазары на Кавказе // История татар с древнейших времен. Т. I. Казань, 2002. С. 279.

² Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 79.

(среднеиранской) литературной традиции. Он существует в нескольких авторских версиях – аль-Балазури, Кудама ибн Джа'фара, ат-Табари, Ибн аль-Асира и других. Вкратце его фабула сводится к следующему. Интересы растущего Тюркского каганата и достигшей апогея могущества Персидской державы пересеклись на Кавказе и в Средней Азии, где им противостоял давний враг Ирана в лице державы эфталитов. Победа над столь грозным противником было делом затруднительным, поэтому было решено объединить силы в борьбе с ним. По аль-Балазури, для заключения союза «царь царей» шаханшах Ануширван и «хан ханов» каган Истеми¹, встретились в области аль-Баршалийя (البرشالية)². Чтобы расположить к себе «царя турок», Ануширван попросил себе в жены его дочь, пообещав взамен отдать ему свою. Кудама ибн Джа'фар почти слово в слово воспроизводит рассказ Балазури, также упоминая местность аль-Баршалийя в качестве места встречи двух государей, только вместо «царя турок» у него фигурирует «царь хазар»³. Шах и каган, встретившись в условленном месте, пировали несколько дней, отмечая заключенный союз.

Однако затем Ануширван пускается на хитрость, желая выпроводить тюркского кагана с территории Восточного Предкавказья, а конкретно, из аль-Баршалийя, которую, по-видимому, считал зоной влияния Сасанидского государства. Ибн аль-Асир в схожих выражениях пересказывает историю аль-Балазури: «Ануширван приказал собрать верных людей, чтобы они подобрались к войску турок с краев и совершили там поджог. И они исполнили это повеление. Когда наступило утро, царь турок посетовал относительно происшедшего. Но Ануширван отрицал, что он знает что-либо об этом. Затем шах приказал совершить подобное же следующей ночью.

¹ В сочинении ат-Табари правитель Западно-Тюркского каганата именуется Синджибу-каганом, что соответствует имени Истеми-кагана, зафиксированному в орхонских надписях. В пехлевийском сочинении VII в. «Шахрестаниха-и Ираншахр» он назван Синджебик-хаганом (см.: Šahrestānīhā ī Ērānšahr: a Middle Persian text on late antique geography, epic, and history. Costa Mesa, 2002. P. 17). Следовательно, имя Синджибу обязано своим происхождением среднеперсидской литературе.

² Балазури. Указ. соч. С. 275.

³ Kitāb al-masalik wa'l-mamalik. P. 259–260.

Турок снова поднял шум, но Ануширван отнесся к этому снисходительно и извинился перед ним. Затем шах приказал устроить пожар в расположении своего войска, а там были лишь лачуги из сена. Когда наступило утро, он пожаловался на это турку. Тот ответил: «Как ты можешь подозревать меня?» И поклялся турок в том, что ни о чем не ведает. И сказал ему Ануширван: «Воистину, нашим войскам не понравилось то, что мы заключили мир, так как они лишились добычи и возможности грабежа. Я боюсь, как бы они не наделали чего-нибудь такого, что могло бы расстроить наши сердца и вернуть нас к вражде. Мне кажется, ты должен разрешить мне построить стену между мною и тобою, в которой мы сделаем ворота. Таким образом, никто не войдет к тебе без твоего соизволения. Также и ко мне не войдет никто, кроме того, кого я пожелаю впустить». И турок согласился с ним. И построил Ануширван стену от моря до вершин гор. И сделал в ней железные ворота и поставил охрану. После этого Синджибу-кагану сообщили: «Воистину, тебя обманули, так как твоя жена не дочь Ануширвана, а он уже укрепился против тебя». И не мог каган найти какую-либо хитрость против него»¹. Таким образом, иранский шах построил знаменитую твердыню Дербента, которую арабы называли Баб аль-Абваб, то есть «Ворота ворот».

В отличие от аль-Балазури и Ибн аль-Асира, ат-Табари обходится краткой констатацией: «...Он (Ануширван – С. Х.) выступил в поход против хайталов (эфталитов – С. Х.), жаждая мести за своего деда Фируза². Еще до этого Ануширван породнился с каганом и написал ему перед своим выступлением, сообщая о своем намерении и побуждая его также выступить против хайталов»³. По ат-Табари выходит, что каган и шах породнились до начала войны с эфталитами. Но если считать строительство Дербентской стены и женитьбу царей синхронными событиями, как утверждают аль-

¹ *Ибн аль-Асир*. Указ. соч. С. 337–340.

² Шаханшах Фируз (459–484 гг.), был убит в ходе войны с эфталитами в 484 г. Причиной войны, приведшей к гибели Фируза, было то, что последний обманул царя эфталитов, выдав за него вместо обещанной сестры свою рабыню. Схожая история произошла и с его внуком Хосроем Аунширваном.

³ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari Prima series. Pars II. P. 899.*

Балазури, Кудама ибн Джафар и Ибн аль-Асир, и связывать эти события со встречей обоих государей в аль-Баршалия, то получается, что Дербентская стена была воздвигнута до начала военных действий против эфталитов. В таком случае продолжение тюрко-иранского союза вряд ли имело бы продолжение, так как Ануширван обманул Истеми-кагана, выдав за него приемную дочь вместо родной. Ибн аль-Асир пишет: «Что касается Хосроя, то он отправил к кагану, царю турок, девушку, которая была удочерена какой-то из его жен, и он также называл ее своей дочерью»¹. Кроме того, шах обманным путем воздвиг Дербентские укрепления. Поэтому, история аль-Балазури, воспроизведенная затем Кудамой ибн Джа'фаром и Ибн аль-Асиром, является всего лишь персидским анекдотом о хитрости шаха и глупости кагана, то есть фольклорной версией реальных исторических событий.

Вероятнее всего, обмен дочерьми и заключение союза состоялось в местности аль-Баршалия до войны с эфталитами, ибо тюрко-иранский альянс против эфталитов существовал еще многие годы. Ханскую дочь звали Каен, тогда как имя приемной дочери шаха неизвестно². Абу Ханифа Ахмад бен Дауд ад-Динавари пишет: «И было у Хосроя Ануширвана несколько сыновей, и все они были простыми людьми, кроме его сына Хормизда бен Хосроя, который стал царем после него (Ануширвана – С. Х.), так как его матерью была дочь хакана турок или царица-хатун»³. Л. Н. Гумилев со ссылкой на Эдуарда Шаванна также утверждает, что брак и союз были заключены до начала эфталитской войны, которая, согласно китайским источникам, началась в 555 г.⁴ Следовательно, встреча двух государей в местности аль-Баршалия состоялась до 555 г., а Дербентские укрепления не

¹ *Ибн аль-Асир*. Указ. соч. С. 337–340.

² История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века. М., 1862. С. 39.

Каен – по-тюркски значит 'береза'. Ханская дочь стала матерью следующего шаха Ирана Хормизда IV по прозвищу «Турок» или «Тюрк-заде», т. е. «сын турчанки».

³ *Динавари*. Китаб аль-ахбар ат-тивал. Лейден, 1888. С. 79.

⁴ *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 2004. С. 40–41.

могли быть воздвигнуты до окончания эфталитской войны и уж, тем более, во время стоянки кагана и шаха в аль-Баршалия. Строительство таких мощных укреплений, каковыми является Дербентская крепость с многокилометровыми стенами, должно было занять многие годы. В действительности, возведение этих фортификаций было начато еще шахом Ездигердом II в 439–457 гг., а затем продолжено Фирузом (459–484 гг.) и Кубадом I (488–531 гг.). Ануширвану, вероятнее всего, оставалось лишь закончить начатое, но до окончания войны с эфталитами шах не мог завершить задуманное. Таким образом, в местности аль-Баршалия произошло следующее: во-первых, состоялся обмен дочерьми и, во-вторых, был заключен наступательный антиэфталитский союз.

Дальнейший ход событий восстанавливается по данным ат-Табари и Ибн аль-Асира, который, к счастью, изложил две версии произошедших событий – фольклорную, приведенную выше, и документальную. Последняя была заимствована обоими авторами из утраченного сочинения Хишама аль-Калби. Ибн аль-Асир сообщает: «И пошел он (Ануширван – С. X.) в страну Хайтал, чтобы отомстить за своего деда Фируза. А перед этим Ануширван породнился с каганом. И вошел Хосрой в их страну, убил их (эфталитов – С. X.) царя и искоренил членов его фамилии¹. Затем достиг Балха и Мавераннахра. И оставил свои войска в Фергане. Затем возвратился в Мадаин² и напал на Бурджан». Между женитьбой на дочери кагана и походом в Мавераннахр должно было пройти достаточно много времени, чтобы сын Хосроя от царицы Каен-хатун успел стать довольно взрослым человеком. Истеми-каган, узнав о переправе Ануширвана через Амударью, двинулся ему навстречу. Динавари пишет: «И вот царь турок Синджибу-каган собрал

¹ Видимо, у эфталитов было несколько царей, т. к. ат-Табари пишет: «Каган Синджибу был самым сильным, храбрым и могущественным из числа турок и у него было больше всех войск. Он был тот, кто вступил в сражение с Варзом, царем хайталов, не устранившись многочисленностью и силой хайталов. И он убил Варза, царя их, все его войско, захватил их богатства и овладел их страной, исключая той ее части, которая была завоевана Хосровом» (см.: *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari Prima series. Pars II. P. 895*).

² Арабское название Ктезифона, столицы Парфянского и Сасанидского царств.

против него обитателей [своего] царства, снарядился и пошел в сторону земли Хорасана. Завоевал Шаш, Фергану, Самарканд, Кеш, Несеф и достиг Бухары. Дошел до нее и Хосрой, а потом призвал своего сына Хормизда, который будет править после него, вместе с многочисленной армией. Затем обратился против турецкого кагана, чтобы сразиться»¹. Прямых столкновений между войсками кагана и шаха не было. Эфталиты были повержены, поэтому союзники поделили между собой территорию их бывшей державы: Хорезм и Согдиана остались в руках тюрков, Хорасан – у персов. Ануширван вернулся в Мадаин, а затем отправился на Кавказ. Ибн аль-Асир пишет: «И когда укрепились его дела, он воевал Фергану и Бурджан, затем вернулся [из Бурджана] и построил города Шабиран, Маскат и Баб аль-Абвоб. И назван [город] “воротами” потому, что построен на пути в горы»². Шабиран и Маскат находились на севере современного Азербайджана. Следовательно, построить названные города шах мог построить только на обратном пути из Бурджана, двигаясь с севера на юг, с территории Кавказа в Закавказье.

Ат-Табари пишет еще более определенно: «Хишам [аль-Калби] сказал: Ануширван напал на Бурджан, затем вернулся [из Бурджана] и построил Баб аль-Абвоб»³. Таким образом, если отбросить фольклорные наслоения на сюжет о строительстве Дербентских укреплений, выходит следующее: после эфталитской войны, когда надобность в союзе с тюрками отпала, шах Ануширван отправляется в поход в Бурджан (по Табари и Ибн аль-Асиру) или в аль-Баршалия (по аль-Балазури), дабы бурджаны, являвшиеся федератами Тюркского каганата, не могли помешать его планам, после чего предпринимает возведение крепости Дарбанд (перс. «Запертые ворота») и ее знаменитых стен⁴. Разгромив Бурджан, он исполняет задуманное. Учитывая, что в изложении Балазури, Ибн аль-Асира и Табари рассказывается об одних

¹ Динавари. *Указ. соч.* С. 69–70.

² *Ибн аль-Асир.* *Указ. соч.* С. 337–340.

³ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari Prima series. Pars II.* P. 900.

⁴ Аль-Балазури смешал воедино два разных похода Ануширвана в Баршалию: первый – с целью заключения союза с Истеми-каганом и женитьбы на его дочери, второй – с целью наказания берзилов/бурджан и строительства Дербентских укреплений.

и тех же событиях, происходивших в одном и том же районе, тождество Берзилии/Баршалийа и Бурджана очевидно.

Сюжет о построении Дербента (Баб аль-Абваба) в области Сул¹ не обошел вниманием Ибн Мискавейх. В своем семитомном сочинении по всеобщей истории «Таджариб аль-умам» («Опыты народов») он уделяет много места объяснению событий, описанных ат-Табари и неоднократно упоминает область *Бурджан*. В главах «Завоевания Ануширвана» и «Плоды его деяний» первого тома «Таджариб» им пересказываются сюжеты главы «Хосрой Ануширван» из сочинения ат-Табари². В частности, Ибн Мискавейх повторяет пассаж о том, что «Ануширван воевал Бурджан, затем вернулся и построил Баб аль-Абваб». Описывая нашествие тюркского кагана *Синджибу* вместе с племенами *абджар*, *банджар*, *баланджар* в область *Сул* (Дербентский проход), автор опять неукоснительно следует своему предшественнику. Однако в одном месте он приводит известие, расходящееся с данными ат-Табари: «И остановился хакан в области Сул, одной из областей Джурджана»³.

Совершенно ясно, что локализация Дербентского прохода в Джурджане (перс. *Горган*), области, находящейся на юго-восточном побережье Каспийского моря и граничившей с Хорасаном, ошибочна. Ибн Мискавейх, родившийся в Иране и хорошо знавший географию каспийского региона, не мог поместить область Сул в Джурджане. Следовательно, налицо орфографическая ошибка, вкравшаяся в текст. Сличение между собой бейрутского и тегеранского изданий «Таджариб аль-умам»⁴, идентичных друг другу, в том числе и в написании названного топонима, приводит к

¹ Сул – название племени, обитавшего в районе Дербентского прохода и истребленного по приказу Ануширвана: «Он приказал пленить и другой народ, называемый сул. И привели их к нему, и он приказал убить их, исключая 80 человек из числа их витязей...» (см.: *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari Prima series. Pars II. P. 894*). Таким образом, в пехлевийской традиции Каспийский проход, или Каспийские ворота, имел три наименования – Сул, Джор (Чор) и Дарбанд.

² *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari Prima series. Pars II. P. 892–900*.

³ *Абу 'Али Ахмад бен Мухаммад бен Я'куб Мискавайх*. Указ. соч. С. 129.

⁴ *Абу 'Али Мискавайх ар-Рази*. *Таджариб аль-умам*. Т. 1. Тегеран, 2001.

выводу о погрешности в самом списке сочинения, использованного обоими издателями. По всей видимости, первоначально в тексте было не *Джурджан* (جرجان), а *Бурджан* (برجان), арабское написание которых очень схоже друг с другом. Причем, это не единственная описка: имя кагана ошибочно переписано как Синху (سنحوا), этноним *абхаз* (أبخز) записано как *абджар* (أبجر). Таким образом, если данное предположение верно, то область Сул находилась в Бурджане, а в авторской версии данный пассаж должен был иметь следующий вид: «И остановился хакан в области Сул, одной из областей Бурджана».

Примечательно, что Ибн Мискавейх также приводит выдержки из некой «автобиографии» Ануширвана, написанной от первого лица. Шах или лицо, повествующее от его имени, рассказывает, что на 37 году его царствования к нему обратились «четыре группы турок из страны аль-Хазар», которых насчитывалось 53 тысячи человек, с просьбой поселиться в его владениях. Ануширван идет навстречу их пожеланиям: «Я наделил и одел их владык, позаботился об их пропитании, приказал дать им воду и землю и поселил одну их часть вместе с предводителями в Бурджане, другую часть с их предводителями – Аллане, третью их часть – в Азербайджане. Я распределил их там, где нам было потребно на границах, и подчинил их марзбану...»¹. Перечисление областей идет с севера на юг: сначала Бурджан, затем Аллан, то есть персидское название Албании, затем Азербайджан. Таким образом, Бурджан оказывается к северу от Дербента.

Интересно, что сюжет о строительстве Дербента нашел отражение даже в поэме Фирдоуси «Шахнаме». После войны с хайталами (эфталитами) Ануширван держал совет с дастуром, т. е. зороастрийским первосвященником:

Сказал он дастуру: «Из каждой земли
Цветущей как Хинд или Рум, повели
Мужей отрядить с изощренным умом,

¹ Абу 'Али Ахмад бен Мухаммад бен Я'куб Мискавайх. Указ. соч. С. 137.

Искусных, испытанных в деле таком –
Здесь мощную стену из глуби речной¹
На десять арканов вознестъ вышиной».

Как известно, стены Дербента уходили глубоко в море и поднимались высоко в горы, дабы северные варвары не могли их обойти ни с одной из сторон. После строительства укрепления Ануширван отправляется в поход на север, хотя у Табари все происходило в обратной последовательности: сначала шаханшах напал на Бурджан, а потом достроил крепость.

До края аланов домчавшись, узрел
Забытый пустырь, разоренный предел...
Со щедрыми теми дарами пришли
Аланы к шатру властелина земли².

Как видим, Табари и Фирдоуси рассказывают об одних и тех же событиях с той лишь разницей, что у первого к северу от Дербента фигурируют бурджаны, а у второго – аланы. О том, чтобы Ануширван мог достигнуть далекой Алании, находившейся на северной стороне Большого Кавказского хребта, не может быть и речи. Здесь, безусловно, речь идет о «стране алан» Берзилии и об алан-бурджанах, которые находились сразу же за Дербентом. Исходя из сказанного выше, можно сделать уверенный вывод о географическом соответствии друг другу топонимов Берзилия, аль-Баршалийя, Вараджан и Бурджан. Единственным препятствием к их отождествлению является внешняя несхожесть приведенных названий. Однако детальное рассмотрение данной проблемы устраняет это затруднение.

¹ В первоисточнике, по всей видимости, было «из глуби морской», поскольку персидское слово *دريا* «дарья» одинаково означало и реку (напр., Аму-дарья, Сыр-дарья), и море.

² *Фирдоуси*. Шахнаме. Т. VI. М., 1989. С. 53–55.

§ 3. Этимология этнонимов и этническая атрибуция бурджан и берзилов

Название бурджан отмечено десятками источников, поэтому не случайно, что вопрос его происхождения волновал многих исследователей. «Этимология этнонима бурджан неясна, – писал Р. Г. Кузеев. – Само написание слова бурджан заимствовано из иранской литературной традиции, следовательно, этноним в живой речи мог звучать несколько иначе»¹. Ученый не поясняет, как он должен звучать, хотя ответ лежит на поверхности. Башкирское народное название *бөрйән* (*бурьян*), литературная форма *бөржән* (*بورجان*) и русифицированная форма *бурзян* в точности соответствуют написанию этого этнонима в иранской и арабской письменной традиции. Следовательно, такая постановка вопроса неправомерна. По всей видимости, Р. Г. Кузеев лишь развивал тезис Б. П. Заходера, чье авторитетное мнение довлело над ним. Последний писал: «Такие названия, как Бурджан, Джабал Баб ал-хазар ва алан, Земля славян, заменили существовавшие до этого греческие термины и были усвоены всей географической наукой на арабском и персидском языках»².

В самом деле, такие термины, как Аскутия (Скифия), Сарматия, Кумания, саклаб или сакалиба (славяне-склавины) введены в понятийный аппарат мусульманской географии через посредство греческой традиции. Однако, топоним Бурджан неизвестен грекам, а, значит, для последующей арабо-персидской литературы данный термин не был заимствованием из византийских источников. Следовательно, он отражал народное название некоего племени, запечатленное в сасанидских текстах. Защита кавказских проходов – Каспийского и Аланского – была важнейшей внешнеполитической проблемой Ирана со времен Мидийского царства и Ахеменидской империи. Соответственно, народы пограничных с ними стран персы знали гораздо лучше византийцев.

¹ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 142.

² Заходер Б. Н. Указ. соч. Т. I. С. 37.

Вопроса этимологии этнонима бурджан коснулся также Ф. И. Гордеев, который считал возможным рассматривать его с позиций тюркского и иранского языков. Он считал, что данное название состоит из слова *джан* ‘человек’ и корня *бур*, семантика которого остается неясной, но предполагается иранское или сармато-аланское происхождение¹. Это мнение немногим отличается от народного осмысления этого термина: *бури джан*, т. е. ‘волчья душа’².

Как уже говорилось, в историографии было высказано мнение о тождестве бурджан с болгарским племенем берсула и кипчакским бурдж-оглы. А. Б. Булатов писал: «По нашему мнению, барсилы или берсула – это те же борджане (бордж улы)»³. Независимо от последнего к похожей мысли пришел Питер Голден, а затем Н. А. Баскаков, сопоставлявший между собой *берсула* и *бурдж-оглы*⁴. На основании тезиса А. Б. Булатова о соответствии топонимов Бурджан и Берзилия, приведем полную сводку вариантов звучания их названий в арабских, персидских, византийских, армянских, хазарских, русских и западноевропейских источниках.

В арабской историографии и географической литературе (Я’куби, ат-Табари, аль-Масуди, Йакут, Ибн аль-Асир и др.) наиболее распространенной является форма *بُرْجَان* (*бурджан*). Ее же, правда, в несколько измененном виде, мы находим в персидском сочинении «Худуд аль-‘Алам»: *برچان* (*бурчан*). Эту же форму *Бурчан*, как отражение народного произношения, используют некоторые русские документы XVII–XVIII вв.⁵

Что касается второго названия, то аль-Балазури приводит форму – *بَرْشَلِيَّة* (*аль-Баршалийа*)⁶. Ибн Русте знает племя *برصولا* (*б.рсула*), как одно из трех

¹ Гордеев Ф. И. О поздних сарматских заимствованиях в восточно-финских языках // Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола, 1970. С. 37–39.

² Бикбов. Указ. соч.

³ Булатов А. Б. Указ. соч. С. 323.

⁴ Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». С. 35; Golden P. B. *Khazar Studies: A Historic-philological Inquiry into the Origins of the Khazares*. P. 147.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. С. 124.

⁶ Балазури. Указ. соч. С. 275.

подразделений орды волжских болгар¹. Персидский автор Гардизи фиксирует форму *برسولا* (*б.рсула*). Персоязычный «Худуд аль-‘Алам» знает племя *برضولا* (*б.рзула*)². Русская транслитерация этих арабских терминов не безупречна, так как чтение *берсула*, принятое в отечественной исторической литературе, навеяно сочинениями византийских авторов Феофана и Никифора, в которых рассматриваемый этноним произносится через *-e-*: Берзилия. Точно также форма *барсил* возникла благодаря Феофилакту Симокатте и армянской традиции. На самом деле, *برسولا* (*б.рсула*) и *برضولا* (*б.рзула*), приведенные в арабо-персидских сочинениях без огласовок, можно читать как *бурсула/бурзула*. На это, в частности, указывает название *بُرْسُل* (*бурсул*), зафиксированное с указанием диакритических знаков в сочинении Йакута ар-Руми³.

Византийцы Феофан и Никифор упоминают Берзилию и Берзитию (*Βερζηλια/Βερζητια*), а Феофилакт Симокатта – барсельт (*Βαρσελτ*)⁴. Армянские авторы упоминают народ *ба[r]сил*, *басл*, *баслац*, а также город *Вараджан* или *Варачан*⁵. Хазарский царь Иосиф называет в числе десяти эпонимов племен Хазарского каганата – этноним *Биз.л*⁶, а также местность *В.р.шан*⁷. Как видим, во всех письменных традициях, за исключением византийской, параллельно сосуществуют две консонантные структуры – *Б.р.дж.н* (*Бурджан*, *В.р.шан*, *Вараджан*) и *Б.р.з.л* (*Берзилия*, *басил*, *барсельт*, *Баршалия*), в которых хорошо различимы корни *-бурдж-* и *-берз-* с прибавлением суффиксов *-ан-* и *-ил-* соответственно. Их этимология довольно прозрачна: *берз/бурдж/бурз* являются древнеиранской

¹ *Ibn Rosteh*. Op. cit. P. 141.

² Заходер Б. Н. Указ. соч. Т. II. С. 28.

³ Йакут ар-Руми. Указ. соч. Т. II. С. 395.

⁴ Чичуров И. С. Указ. соч. С. 61; Феофилакт Симокатта. Указ. соч. С. 160.

⁵ Патканов К. Указ. соч. С. 192–193.

⁶ Хвольсон считал эту форму результатом описки и предлагал читать Берзель (см.: Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб., 1869. С. 93).

⁷ Коковцев П. К. Указ. соч. С. 86, 91.

(авестийской), среднеперсидской (пехлевийской) и новоперсидской (фарси) формами слова ‘высокий’, ‘великий’, ‘возвышенный’¹. Эволюция этого корня хорошо прослеживается на примере эволюции названия священной горы древних иранцев «Высокая Хара»: *Хара Березайти* (Авеста), затем *Хар-Бурз/Хар-Бурдж/Аль-Бурдж* (пехлевийские сочинения) и, наконец, *Альбурз* (поэма «Шахнаме») или *Эльбрус* по-русски. Интересно, что первоначально данное название носили Уральские горы².

Относительно происхождения корня *бурдж* необходимо заметить, что он получил хождение в Иране в самом начале среднеиранского (пехлевийского) времени, когда племя дахов, завоевавшее под водительством Аршакидов Иран, привнесло в иранскую речь элементы своего парфянского диалекта. Особенностью последнего был звук *-дж-* в тех позициях, где в персидском языке было *-з-*³. В результате этого появилась основа *бурдж* вместо корня *бурз*: *Альбурдж* ~ *Альбурз*.

Шамс ад-дин Димашки, а также ан-Нувайри в своих сочинениях приводят название рода *برج آغلي / برج آغلو* (*бурдж-оглы*), входившего в состав Дешт-и Кипчака⁴. *Бурдж-оглы* означает «сын бурджа» и является тюркской калькой этнонима *бурзула*, так как суффикс *-ула-* представляет собой индоевропейский уменьшительный формант (например, *Венесу* + *эла* = ‘малая Венеция’, *урс* + *ула* = ‘медвежонок’ и т.д.), который существовал и в скифо-сарматских наречиях Евразии⁵. Словом, суффиксы *-ула-* и *-оглы-* несут схожую семантическую нагрузку с позиций индоевропейских и тюркских языков. Исходя из этого, следует сделать вывод: корни *берз/бурз/бурдж* в сочетании с суффиксами *-ула-* и *-ан-* дают формы *бурзула* и *бурджан*. Первое окончание является индоевропейским уменьшительным суффиксом, а второе

¹ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007. С. 239.

² Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1983. С. 56.

³ Лившиц В. А. Иранские языки народов Средней Азии // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. М., 1962. С. 145.

⁴ Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui. P. 264; Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I : Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 539.

⁵ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. М., 1965. С. 80.

формантом множественности и коллективности в иранских языках. В. Ф. Минорский ошибочно считал название *Barşli* тюркской конструкцией с суффиксом принадлежности *-li-*, тогда как в армянской форме *Варачан/Вараджан* он справедливо видел ту же основу с иранским окончанием *-ан*¹. В русских летописях племени *бурдж-оглы* соответствует название половецкой орды *Бурчевичей*: *бурч* (*дж*) + *евич* (формант отчества), что, по сути дела, является калькой кипчакского названия *бурдж-оглы*, которое, в свою очередь, всего лишь калька алаано-сарматского *берзула/бурзула*.

В западноевропейских источниках исследуемый этноним отразился в топониме *Бурцеланд* (*Burceland*) или *Бурзенланд* (*Burzenland*), то есть в названии «земля Бурца (Бурджа), находившейся на юго-востоке Венгерского королевства, куда переселялись кипчаки»² (Рис. 4). Следовательно, западные источники свидетельствуют в пользу того, что помимо упомянутых форм, имеющих суффиксы *-ула-*, *-ан-*, *-евич-* самостоятельное хождение в качестве этнонима имел и сам корень *-бурдж-/бурз-/бурц-*. Дополнительное подтверждение этому мы находим в записках турецкого пилигрима Эвлии Челеби, посетившего в XVII в. окрестности Эльбруса и нашедшего там племя *борзи*³. Таким образом, в разное время было несколько вариантов названий рассматриваемого этноса – *бурзула*, *бурджан*, *бурдж-оглы*, *бурчевичи*, *бурз*, *бурц* или *бурдж*.

Появление византийского термина Берзилия (**Βερζηλια**) относится к VI–VII вв., когда древнеиранские рефлексy корня *берез/берз* уже были утрачены. Возникает вопрос предпосылках восстановления древнего (авестийского) звучания. По всей видимости, трансформация среднеиранского корня *-бурдж-* в *-берз-* произошла уже на тюркской почве, если рассматривать его с позиций палеотюркских языков. Как доказано учеными, к ним близок современный чувашский язык, в котором

¹ *Minorsky V. Op. cit. P. 125–126.*

² *Бубенок О. Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). Киев, 2004. С. 238.*

³ *Эвлия Челеби. Книга путешествий. Вып. I. М., 1961. С. 93.*

пратюркские фонемы *-u/-ü-* дают *-ǎ/-ǝ-*. Например, общетюрк. *toquz* ‘девятнадцать’ = чув. *tǎxǎp*; тюрк. *küz* ‘осень’ = чув. *kǎp*. Тюркскому *-ü/-ǎj/-ç-* соответствует чувашское *-ç-*: общетюрк. *yangy/jangy* ‘новый’ = чув. *çǎñǎ*; общетюрк. *keç* (*кеч*) ‘вечер’ = чув. *каç*¹. Таким образом, форма *бурдж* в чувашском языке закономерно должна переходить в *берç*. Эта особенность касается и палеотюркских языков, господствовавших на территории Восточной Европы в IV–X вв., – хазарского, болгарского и печенежского. Следовательно, византийская историография усвоила именно эту последнюю форму.

Возвращаясь к этимологии этнонима бурджан, следует сказать, что согласно некоторым исследованиям иранский корень *berz / burz* ‘высокий’ относится к индоевропейско-северокавказским изоглоссам: *barz* – по-чеченски, *barza* – по-лезгински, *burz* – на некоторых иранских диалектах означает ‘гора’². Слово *burz* или *burž* находится в родстве с немецким *berg* ‘гора’ и славянским *breg* ‘берег’. Следовательно, бурджан могло означать просто «горцы», а *бурдж-оглы* и *берзула* – что вроде «дети (люди) гор» или «дети благородных (бурзов)».

Впрочем, возможна иная интерпретация этих названий. В них можно видеть деление этноса на две части – «Малый Бурдж/Берз» (*бурзула/берзула*) и «Большой Бурдж» (*бурджан*). Деление кочевых орд на «большие» и «малые» явление довольно распространенное. В древней истории оно иллюстрируется на примере Больших и Малых Юэчжи³. В позднем средневековье такое же деление существовало у ногайцев – Большие и Малые Ногаи. Башкирское племя Табын делилось на Карый-Табын (Старший

¹ Понне Н. Н. О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков. Чебоксары, 1925. С. 16, 17, 26.

² Старостин С. А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988. С. 113–114.

³ Юэчжи – китайское название некоего восточноиранского народа, возможно, тохаров. Известны как главные соперники империи Хунну на ранних этапах ее истории (III–II вв. до н. э.).

Табын) и Кесе-Табын (Малый Табын), племя Катай – на Улу-Катай (Большой Катай) и Бала-Катай (Малый Катай) и т.д.

Исходя из вышесказанного, вытекает следующий вывод: первоначальным названием исследуемого этноса было иранское слово *бурз* в различных его вариациях – *берз, бурз, бурдж, буриш, берс, барс, барш*. Присоединявшиеся к данному корню суффиксы *-ан-, -ула- (-ил-)* имели ситуативный характер. В качестве иллюстрации можно привести пример этнонима *рус*, от которого возникли следующие дериваты: форма коллективности *русьяне, русины, русские, великорусы* и *россияне*, простонародное *русак*, а также патронимическое *русич*. Получается следующая аналогия с исследуемым этнонимом: праформа *бурз (= рус)*, коллективное *бурджан (= русские)*, патроним *бурзула, бурдж-оглы* или *бурчевич (= русич)*. Как видим, внешняя несхожесть форм *бурзула, берсула, берзил, бурджан, бурдж-оглы, бурчевич, бурз, бури, бурдж* обманчива.

Касаясь вопроса этнической атрибуции бурджан, нужно заметить, что «Церковная история» Иоанна Эфесского (ум. в 586 г.), дошедшая до нас в передаче Михаила Сирийского (XII в.), определенно называет Берзилию «страной алан»¹. К выводу об аланском происхождении берзилов пришли А. П. Новосельцев, С. А. Яценко, О. Б. Бубенок². К схожей точке зрения склонялся и А. В. Гадло, утверждавший, что «барсилы – не тюрки, а иранцы»³. Однако затем он изменил свое мнение, вероятно, под влиянием публикаций С. Г. Кляшторного, который в начале 1980-х гг. издал тюркские рунические тексты Терхинской надписи и Тэсинской стелы. В них применительно к событиям конца VI – начала VII в. упоминаются

¹ Chronique de Michel le Syrien. P. 363–364.

² Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 83–83; Яценко С. А. «Хазары» и «басилы» III–V вв. в Северо-Западном Прикаспии по армянским источникам // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»): тез. докл. М., 1996. С. 167–169; Бубенок О. Б. Страна Берсилия: Миф или реальность? // Восточная Европа в древности и средневековье (XIV Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто): материалы конф. М., 2002. С. 33.

³ Гадло А. В. Указ. соч. С. 61.

«прославленные огузы» *Беди Берсил* и *Кадыр Касар*¹. В этих именах исследователи увидели отражение этнонимов берзилов и хазар. А. В. Гадло пишет: «Представляется вполне допустимой вероятность переселения на Северный Кавказ из Центральной Азии в период гуннского движения какой-то части тюрко-барсилов и последующего закрепления их на новой территории». Явно иранские сюжеты в истории и культуре северокавказских берзилов он объясняет этническими контактами с ираноязычными кочевниками: «Можно допустить, что барсилы в период борьбы гуннского объединения с аланами включили в свой состав отдельные родовые подразделения алано-сарматского круга и испытали на себе их влияние»².

Интересно, что в известных науке китайских источниках, перечисляющих большое число тюркских и огузских племен, берзилы не значатся. Однако, как считается, в числе племен огузской конфедерации упомянуты хазары³. Хроника «Таншу», описывая страну Босы (Персия), сообщает, что она на востоке граничит с Тухоло (Тохаристан) и Кан (Самарканд), а на «севере смежна с тукюеским (тюркским) поколением Кэса (хазар)»⁴. Как видим, хазары обитали на привычной для нас территории вдоль побережья северной акватории Каспийского моря, так как граница между Хазарским каганатом и Ираном проходила по обе стороны Каспия – в Закавказье и Хорезме. Таким образом, упоминание хазар и берзилов в составе огузской конфедерации не обязательно должно уводить их в степи Центральной Азии.

¹ *Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись // СТ. 1980. № 3. С. 93, 95; *он же.* Тэсинская стела // СТ. 1983. № 6. С. 85, 87, 88.

² *Гадло А. В.* Этническая общность барсилы // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 2. Л., 1983. С. 87.

³ *Hamilton J. R.* Les Ouïghours à l'époque des Cinq dynasties d'après les documents chinois. P., 1955. P. 3.

⁴ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.-Л., 1950. С. 326.

С. Г. Кляшторный пишет: «И хазары, и берсилы косвенно причислены к учукам, т. е. к западному крылу огуро-огузских племен»¹. Это вполне допустимо, так как Тюркский каганат уже во второй половине VI в. включил в свой состав Северный Кавказ и степи Прикаспия. Что касается упоминания в текстах Терхинской надписи и Тэсинской стелы «прославленных огузов» *Беди Берсила* и *Кадыр Касара* в контексте событий середины VIII в. на территории современной Монголии, предшествовавших созданию Уйгурского каганата², то это также не отменяет их сармато-аланского происхождения. Кроме них, среди тюрков и огузов долгое время обитали ираноязычные *кангары*, *уйшины* (*усуни*), *эрсены* (*арсии*), сакские племена Восточного Туркестана. Даже в монгольское время сохранялись этнические реликты скифо-сарматской эпохи, которые включались в систему крыльев или флангов монгольского улуса. Б. Я. Владимирцов пишет, что «среди монгольских племен мы находим несколько таких, какие носят имена, под которыми известны были чуждые монголам народы». К числу таковых он относит племя *Asud* (*Asiid*), т. е. асов³ или алан, относившихся к правому крылу монгольского народа⁴. Показательно, что под одним и тем же названием (*асут* или *асуд*) в монгольских источниках упоминаются одновременно асы Монголии и асы (осетины) Северного Кавказа⁵.

Аналогичным образом, отдельные группы хазар и берзилов могли находиться в отрыве от основного ареала расселения своих народов. Вот что писал Моисей Каганкатваци об Алп-эльтебере, правителе «царства гуннов» на Северном Кавказе: «Сам он, прославившись силой, богатством и

¹ Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 68.

² Он же. Тэсинская стела С. 88.

³ Название *асут* / *асуд* состоит из этнонима *ас* и монгольского форманта множественного числа *-ут-*.

⁴ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов // Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 425.

⁵ Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») // Памятники письменности Востока. Вып. X. М., 1973. С. 228, 280; Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un Nigusa tobciyan*: Юань Чао Би Ши: Монгольский обыденный сборник. М.-Л., 1941. С. 194.

храбростью в войнах, ...показал много подвигов храбрости в Туркестане хазарскому хану»¹. Причем, при организации походов в Закавказье он призывает войска «из мужественной страны Гога». Можно лишь догадываться, что именно, по мнению армянского автора VII в., скрывалось под термином Туркестан. Несомненно, данное понятие взято из иранской политической терминологии и обозначало Тюркский каганат, что в географическом отношении к Ирану соответствует степям Средней Азии. Гог и Магог являются для библейской традиции странами, расположенными далеко на северо-востоке. По всей видимости, участие полководцев Хазарии и других стран западной части Великой степи в военных кампаниях тюрков, протекавших далеко на востоке, было довольно обычным явлением. Таким образом, обитание хазар и берзилов на Северном Кавказе не исключает их участия в политических событиях Центральной Азии. Также отдельные группы хазар и берзилов могли обитать в Приаралье, о чем будет сказано отдельно. Так или иначе, древние предания, записанные Хишамом аль-Калби и кодификатором древнеиранского эпоса «Книга царей» поэтом Фирдоуси, относят берзилов к миру ираноязычных кочевников Турана, то есть Средней Азии².

В этой связи особого внимания заслуживает следующий момент: подобно тому, как Иоанн Эфесский считал Берзилию страной алан, башкирские этногенетические предания прямо именуют бурджан аланами. Одно из них гласит: «Искандер Зу-ль-Карнайн (А.Македонский – С. X.) был шахом: [выступив] из Рума, он захватил много иранских ('аджам) земель; ... затем в землях Хиндустана взял тысячу округов и сто островов, а оттуда пошел в Чин, из Чина в Хитай, из Хитая к уйгурам, которые были родичами башкир; от них – в Туркестан, оттуда пошел в Хаверстан, оттуда к алан-бурджанам (أَلَان بُرْجَان), – это и другие [племена] затем смешались с

¹ История агван Моисея Каганкатваца, писателя X века. С. 199.

² *Йакут ар-Руми*. Указ. соч. Т. II. С. 390; *Фирдоуси*. Шахнаме. Т. III. М., 1965. С. 394; *Le livre des rois par Abou'l Kasim Firdousi*. Т. I. P., 1877. P. 57–58.

башкирами»¹. Александр Македонский после постройки стены для защиты от народа Яджудж и Маджудж (Гог и Магог), то есть Великой Китайской стены, строительство которой мусульманская традиция приписывала именно ему, идет к уйгурам, затем в Туркестан, затем в Хаверстан² (возможно Хорезм), а затем к алан-бурджанам, которые жили северо-западнее. Предание замечательно тем, что тюркоязычные башкиры являются родичами уйгуров, а не алан-бурджан. Этот факт является доказательством четкого понимания башкирами своих этнических корней.

Однако окончательную точку в вопросе этнической атрибуции бурджан ставит ад-Димашки, который, ссылаясь на неизвестные нам источники, объявляет алан и бурджан родственными народами. Рассказывая о русах и городе Русийа, расположенном на берегу Черного моря, он пишет: «Граничат с этим племенем (т. е. русами – С. Х.) аль-Лан и аль-Бурджан. Говорят, что эти оба [народа] являются братьями» (*ويجاور هذه الأمة اللان والبرجان*) (*ويقال أنهما أخوان*)³. Следовательно, берзило-бурджане являлись частью сармато-аланского мира, о чем сообщают Иоанн Эфесский, ад-Димашки и башкирские предания.

Таким образом, в данной главе были приведены доказательства в пользу географического соответствия друг другу топонимов Берзилия, аль-Баршалийя, Вараджан и Бурджан. На основе сведений армянских, византийских, сирийских и арабских источников было установлено, что все они относятся к территории современного Дагестана, прилегающей к Дербентскому проходу с севера. Феофан и Никифор упоминают применительно к ней страну Берзилию, Иоанн Эфесский – Берсалию, Балазури – аль-Баршалийя, ат-Табари и Ибн аль-Асир – Бурджан, «Армянская география» – Вараджан. Внешняя несхожесть приведенных названий лишь кажущаяся, поскольку в основе них лежит один и тот же

¹ Уметбаев М.-С. Указ. соч. С. 39.

² *Хавер* – по-персидски значит ‘восток’. Северо-восточная граница Сасанидского Ирана проходила по Амударье и достигала Хорезма.

³ *Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui*. P. 262.

иранский корень *бурдж* (*берз, бурз*) 'высокий'. Иоанн Эфесский именует эту область «страной алан». Арабский космограф ад-Димашки пишет, что «Бурджан и Алан являются братьями». Башкирские этногенетические предания сохранили древнюю форму этнонима «алан-бурджан». Все это указывает на аланское происхождение племени бурджан, историческая хронология которого начинается с III в. н. э.

ГЛАВА III. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БУРДЖАН В III–XIII ВВ. Н. Э.

§ 1. Предки народа бурджан

Понимая условность многих названий, упоминавшихся в древневосточных текстах и античных сочинениях для обозначения конгломерата ираноязычных кочевников Евразии, а также учитывая то, что данные археологии не дают необходимую информацию для этнической атрибуции конкретной культуры, следует обратить внимание на другие источники, могущие пролить свет на рассматриваемый вопрос. В связи с этим большую роль приобретают сведения, имеющиеся в эпических сказаниях Ирана и Индии. В них содержатся отголоски древних этногенетических преданий и генеалогий, которые часто содержат информацию, не сохранившуюся в письменных и иных источниках.

В Ригведе и Авесте для обозначения общности индоиранских племен используется термин *arya* (*арья*). Завершение индоиранской эпохи, то есть времени единства ариев Ирана и Индии, Э. А. Грантовский относит к 2000–1500 гг. до н. э.¹ Материальными свидетельствами той эпохи являются такие археологические памятники, как Аркаим, Синташта и другие объекты так называемой «страны городов». Именно на Южном Урале, как считают исследователи, находилась легендарная страна *Арьянам Ваэджа*, то есть «Арийский простор»². Аско Парпола пишет, что «поздний прото-арийский язык» существовал именно в период Синташты и Аркаима, и датирует данную культуру 2200–1800 гг. до н. э.³

Свидетельством пребывания ариев на севере Евразии является описание так называемых «полярных» явлений в индоиранской мифологии. Описание полярной ночи и дня вдохновило ученого и первого лидера

¹ Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998. С. 62.

² Гаты Заратуштры. СПб., 2009. С. 18.

³ Parpola A. The Nasatyas, the Chariot and Proto-Aryan Religion // Journal of Indological Studies. Nos.16 & 17. Kyoto, 2004–2005. P. 3.

индийского национального движения Бала Гангадхара Тилака на создание так называемой «полярной теории», согласно которой прародиной ариев был север Евразии и даже Заполярье¹. В Ригведе священная гора ариев *Су-Меру* названа «вершиной Рипы», то есть Рипейских или Рифейских (Уральских) гор. В Авесте этой вершине соответствует гора *Хара Березайти* (*Хар-Бурз*, *Альбурдж*, *Альбурз*), так как в буддийских текстах на хотано-сакском языке гора *Су-Меру* передается иранским термином *Хара Березайти* и наоборот². Таким образом, данные мифологии и археологии говорят в пользу того, что именно на Южном Урале и в прилегающих районах проходил последний этап единой арийской общности, после чего отдельные группы ариев распространились по разным сторонам Евразии. Часть из них проследовала через Бактрию и Маргиану в Северную Месопотамию (Митанни), а другая – в Южную Азию (Гандхара)³.

Существуют основания полагать, что название *арья* не было первоначальным самоназванием данной группы индоевропейцев. В Ригведе классу *arya* противопоставляются *dasa*. В Авесте фигурирует общность людей, именуемая *daha*. Различие между названиями *dasa* Ригведы и *daha* Авесты только фонетическое, основанное на устойчивой оппозиции иранского звука *-h-* индоевропейской фонеме *-s-*⁴. Э. А. Грантовский пишет: «Наиболее характерный критерий для разграничения древнеиранских и индоарийских или общеарийских диалектов – наличие в интересующих нас словах фонемы *-s-* в тех позициях, где в иранском она перешла в *-h-*»⁵. Возникает вопрос о значении данных терминов в обществах «ведийцев» и «авестийцев». Л. А. Лелеков считает, что «*airya* относилось только к избранной» части иранского племенного массива, «сакральной и, по всей

¹ Тилак Б. Г. Арктическая родина в Ведах. М., 2002. С. 23.

² Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. С. 56.

³ Parpola A. Op. cit. P. 3.

⁴ Эту особенность иранской фонетики, возможно, унаследовал башкирский язык.

⁵ Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. С. 70.

видимости, социально противопоставленной прочим»¹. В ирландском языке *aire* – ‘вождь’, ‘знать’. Древнее название Ирландии – *Eire* – «лексически и семантически совпадает с названием Ирана (*Airyana*)»². Древнегерманские рефлексy термина арья также сохраняют значение ‘знатнейшие’, ‘элита’. Скандинавское имя *Эйрик* или *Эрик*, что значит ‘благородный вождь’, близко по значению эпониму иранцев *Айрик*. Следовательно, членение общества было вызвано не этническими различиями, а социальными процессами, происходившими внутри индоиранской общности. Можно предположить, что они были основаны на предпосылках индоарийского деления на касты.

Возникает вопрос о наименовании основной «неэлитной» части индоиранцев. Б. А. Литвинский пишет: «У ряда народов, от германцев до вогулов и эвенков, термин «мужчина» находил применение как этническое имя»³. По мнению ряда исследователей, термин *daha* в древнеиранских языках имел значение ‘мужчина’, ‘человек’⁴. Вплоть до периода средневековья данное слово в упомянутом значении сохранялось в сакохотанском языке⁵. Почти во всех индоевропейских языках слово «человек» возникало по семантическим дифференциальным признакам ‘неразумный’ (т. е. животное) ↔ ‘разумный’ (др.инд. *manus*, др.гер. *mann*) и ‘бессмертный’ (т. е. бог) ↔ ‘смертный’ (др.инд. *martya*, иран. *mard* ‘смертный’, др.слав. *mreti* ‘умирать’)⁶. Однако, слово *daha* возникло на других основаниях. Эмиль Бенвенист выводил его из авестийского и ведийского слова *dahyu/dasya* ‘страна’⁷. Он также считает, что иранское племя, известное по латинским

¹ Лелеков Л. А. Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традициях // Древняя Индия: историко-культурные связи. М., 1982. С. 151.

² Там же. С. 150.

³ Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. С. 173.

⁴ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 211.

⁵ Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979. P. 155; Konow St. Vedic dasyu, toxri dahä // Festschrift für Vilhelm Thomsen. Leipzig, 1912. S. 96–97; De Blois F. Dahae // Encyclopaedia Iranica. Vol. 6. Costa Mesa, 1993. P. 581.

⁶ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы : Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. II. Тбилиси, 1984. С. 475.

⁷ В Авесте Ирану соответствует выражение *Airyana dahyunam*.

источникам как *dahae* называло себя просто 'люди'. Первоначально данный автономим обозначал «наиболее широкую общность людей в пределах данного племени и территории»¹. Не исключено, что он мог быть названием всей совокупности индоиранских племен до их миграции в южном направлении с территории своей северной прародины. Возможно, *daha/dasa* были враждебны ко всем *arya* еще до разделения последних на иранцев и индоариев, а миграция *arya* из Аркаима и «страны городов» на юг была вызвана именно поражением в борьбе с *dasa/daha*. В таком случае, предполагаемый конфликт носил не этнический, а социальный характер, так как все его участники были родственными общностями. «Люди страны» победили, а «знатные» покинули свою родину в поисках новых земель.

Однако, значение слов *dahyu/dasya* в Авесте и Ригведе со временем стало различным. Если в иранских языках оно употреблялось в значении 'страна', 'народ', 'люди', то в ведийском значило 'раб-чужестранец'. Как отмечают лингвисты, лексема *dasya* «увязывается с названием покоренной чужой страны»². По этому поводу Эмиль Бенвенист пишет: «Если это слово употреблялось прежде всего в отношении иранцев и представляло собой имя, которым этот враждебный индийцам народ называл самого себя как некую общность, то по этой причине оно приобрело коннотацию враждебности и превратилось для индийских ариев в синоним обозначения варварского народа, стоящего на более низкой ступени развития»³. Данная семантика еще более актуализируется после завоевания индоариями Индии.

Считается, что самые ранние памятники словесности индийцев и иранцев – Ригведа и Авеста – датируются кон. II – нач. I тысячелетия до н. э. География Ригведы довольно узка: она ограничивается Пенджабом⁴ и прилегающими к нему областями Афганистана⁵. Следовательно, этот свод

¹ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 211.

² Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Указ. соч. С. 479.

³ Там же.

⁴ Историческая область на смежных территориях Индии и Пакистана.

⁵ Witzel M. On the localization of Vedic Texts and Schools // India and the Ancient World : History, Trade and Culture before A.D. 650 : P. H. L. Eggermont Jubilee Volume. Leuven, 1987. P. 175.

древнеиндийских сказаний, существовавший вплоть до периода раннего средневековья только в устной форме, окончательно оформился уже на территории Северной Индии. Именно поэтому воспоминания о *dasa*, то есть о соплеменниках, оставшихся в *Арьянам Ваэджа* («Арийский простор»), в Ригведе не сохранились. География Авесты гораздо шире. Она включает в себя территории Средней Азии между Пенджабом на юго-востоке, Горганом на западе и Хорезмом на севере¹. Иранские *arya* на протяжении многих веков продолжали контактировать со своими северными родичами *daha* – предками скифо-сарматов. Соответственно, упоминающиеся в Ригведе и Авесте термины *dasa* и *daha* имеют различное значение. Для политического господства в Индии потребовался весь состав индоарийских пришельцев, «почему закономерно сохранялось социальное значение аруа как лозунга превосходства и параллельно набирало силу квазирасовое, так как термин покрывал общину почти целиком и противопоставлял ее автохтонам»². Таким образом, термин *dasa/dasya* в Индии стал обозначать туземное дравидское население. Мэллори пишет: «Веды признают дихотомию между индоариями и их чернокожими врагами, *dasa*, которые при случае описываются как «безносые», что обычно интерпретируется как физическая особенность дравидов»³. В одном из гимнов Ригведы бог Индра заявляет: «я хожу (здесь), осматриваясь, отличая дасу от ария»⁴. Примечательно, что индийский термин *манушья*, синоним человека, – производное от санскритского глагола «думать», использовался для обозначения только ариев в противовес всем остальным, «причисляемым к разряду варваров - «даса»⁵. Таким образом, внешняя, расовая, ориентация термина *arya* закрыла собой внутреннее деление на элиту и чернь.

¹ *Witzel M.* The Home of the Aryans // *Anusantatyai: Festschrift für Johanna Narten zum 70 Geburtstag.* Dettelbach, 2000. S. 283–338.

² *Лебеков Л. А.* Указ. соч. С. 151.

³ *Mallory J. P.* In search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. L., 1991. P. 45.

⁴ Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999. С. 227.

⁵ *Степанянц М. Т.* Восточная философия. М., 2001. С. 45.

В Иране судьба термина *arya* была иной. Геродот пишет о мидянах, властвовавших на Среднем Востоке до возвышения персов, что «в древности все называли их ариями»¹. Потеряв политическую гегемонию, они перестали быть *arya*. Вместо них ариями стали персы. Царь Ксеркс заявляет: «Я – Ксеркс, царь великий, царь царей, Ахеменид, перс, перса сын, ариец, из арийского племени»². Каждый член тройной формулы вносит новый нюанс в характеристику монарха: если имя Ахеменид указывает на родовую принадлежность, «перс» – на этническую, то «ариец» – на принадлежность к нобилитету³. Таким образом, в Иране термин *arya* имел внутреннюю ориентацию, то есть был декларацией социального превосходства одного ираноязычного племени (сначала мидян, затем персов) над другими. Со временем, когда иранцы перешли к оседлости и племенные различия были позабыты, все жители Ирана, исповедовавшие маздеизм, стали считаться *arya*, то есть социальный термин стал этнонимом. Это случилось в эпоху Ахеменидов, когда произошла институализация привилегированных классов и надобность в военно-демократической знати, типа *arya*, отпала сама собой.

«Фравардин-яшт» («Гимн душам праведников») Авесты, в котором отражен географический кругозор древних иранцев, прославляет бессмертные души (фраваша) святых мужей следующих стран:

Мы почитаем фраваша святых мужей в Арийских (Airyan) странах;
Мы почитаем фраваша святых мужей в Туранских (Turanian) странах;
Мы почитаем фраваша святых мужей в Сайримских (Sairimyan) странах;
Мы почитаем фраваша святых мужей в Саинских (Saini) странах;
Мы почитаем фраваша святых мужей в Дахских (Dahi) странах⁴.

Одна из упомянутых стран названа «арийской». Как можно заметить, во «Фравардин-яште» название *airya* является таким же этнонимом, как и

¹ Геродот. История. М., 2002. С. 425 (VII, 62).

² Абаев В. И. Антидэвовская надпись Ксеркса // Иранские языки. Т. 1. М.-Л., 1945. С. 136.

³ Bailey H. W. Arya II // BSOAS. Vol. 23. 1960. № 1. С. 19.

⁴ The Zend-Avesta : the Yasts. P. 226–227.

tura, sairima, saina, daha. Причем, *фрваши*, то есть бессмертные души и, одновременно, ангелы-хранители, имеют одинаково сакральное значение, как в арийских, так и неарийских странах, что говорит в пользу осознания авторами данного авестийского гимна племенного единства между ними¹. В позднейшей пехлевийской традиции антитеза *Ирана* и *Анэрана* (не-Ирана), термина употребляемого для обозначения вышеназванных, кроме ариев, племен, усиливается. Но в авестийские времена она ощущалась еще не так остро. Таким образом, из племени *daha*, колы скоро оно является древнейшим реликтом индоиранского этногенеза, со временем, кроме *аруа*, выделились другие североиранские общности – *tura, sairima, saina*. При этом сохраняется и название материнского этноса *daha*, который упомянут в антидэвовской надписи Ксеркса, а также в «Истории» Геродота в числе кочевых племен Ахеменидской Персии².

Что касается остальных групп носителей имени *daha*, то они фиксируются в других местах. Страбон, например, пишет: «Те кочевники, которые проживают вдоль побережья [Каспийского моря],...теперешними писателями именуется даями»³. Упомянутые *даи* отождествляются с *дахами*⁴. В другом месте тот же автор описывает расположение *дахов* относительно других северных племен: «Ныне большинство скифов, начинающих на Каспийском море, называются даями, но те, кто расположен еще более к востоку, чем названные выше, именуется массагетами и саками»⁵. Существует мнение, что древнее название реки Яик ($\Delta\alpha\iota\xi = \text{Daicus}$) – *Даик* – произошло именно от племенного названия *дахов*⁶. Таким образом, название *daha* было архаичным термином и не обязательно

¹ Чунакова О. М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М., 2004. С. 47–48.

² Геродот. Указ. соч. С. 58 (I,125).

³ The Geography of Strabo. Vol. V. L., 1961. P. 249 (11, 7, 1).

⁴ Дьяконов И. М. История Мидии. М.-Л., 1956. С. 382.

⁵ The Geography of Strabo. Vol. V. P. 260–261 (11, 8, 2).

⁶ Смирнов К. Ф. Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 123–139; Мажитов Н., Султанова А. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994. С. 42.

отражало непосредственную связь между дахами Персии, Северного Каспия и Южного Урала. Подобным же образом, в имени современных словенцев сохраняется древний этноним славян, объединявший до распада на отдельные народы русских, поляков, сербов, чехов и других.

В пользу чрезвычайной древности названия *daha* говорит то, что оно вошло в древнеиранский фольклор, оформившись в имени дракона *Ажи-Дахака* («Змей Дахака»), аналога ведического *Ahi-Budhnya* («Змей Глубин») и русского *Змея Горыныча*. В Яштах, гимнах в честь арийских божеств, наиболее древней части Авесты, он представлен в образе «трехглавого, трёхпастого и шестиглазого» Змея¹. Однако в позднейших пехлевийских сочинениях Ажи-Дахак носит уже вполне антропоморфные черты. По легендарной истории он правил Ираном в течение столетия². Когда следующий иранский царь Феридун (Траэтаона Авесты) убил Ажи-Дахака, к нему явились люди и спросили: «Зачем ты убил Ажи-Дахака, который был добрым правителем?»³ Армянская традиция запечатлела иранские этногенетические предания, согласно которым арии происходят от дахов: «Так называемый парсами Бюрасп Аждахак, их предок, жил при Небруте»⁴.

Исследователи связывают собственное имя Дахака именно с этнонимом *daha*. Б. А. Литвинский пишет, что от основы *daha* происходит «уничжительное *dahaka*, вошедшее в составное *ажидахак*»⁵. Л. А. Ельницкий также считает, что имя Ажи-Дахака «необходимо поставить в связь с племенным именем даев», то есть дахов, и называет его «туранским героем-чудовищем»⁶. В свою очередь, ученые отмечают общие корни *dahaka*

¹ Авеста : Избранные гимны; Из Видевдата. С. 159.

² Bundahis or the original creation. P. 150.

³ Dinkard. P. 216.

⁴ История Армении Моисей Хоренского. С. 49.

Эпитет Аждахака Беварасп переводится как «обладающий мириадами коней». Небрут, или Нимрод, согласно книге Бытия, является сыном Куша, внуком Хама и, соответственно, правнуком Ноя.

⁵ Литвинский Б. А. Указ. соч. С. 173.

⁶ Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей : Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977. С. 81–82.

Авесты и *dasa* Ригведы¹. В одном из пехлевийских сочинений рассказывается, что перед решающей битвой с хионитами арийский царь Виштаспа, покровитель Заратуштры, говорил своему визирю Джамаспу: «Ты знаешь и то, что случится завтра в этой битве рода Виштаспа с Аждахаком»². Как видим, хиониты и вообще все туранцы ассоциировались иранцами с мифическим Змеем.

В авестийской и пехлевийской традиции местопребыванием змея Дахака является «*страна Баври*», в которой большинство исследователей усматривают Вавилон³. Исходя из этого, был сделан вывод, что «в образе Зоухака отразились смутные воспоминания о вторжениях с запада в Иран семитов (ассиро-вавилонян)»⁴. Однако, на этот счет есть и другие мнения. Авестолог И. М. Стеблин-Каменский предлагает видеть в стране Баври не Вавилон, что, по его мнению, неоправданно и фонетически, и исторически, а «*страну бобра*» или «*бобровую*»⁵. Его предположение тем более достойно внимания, что *bawra* на древнеиранском языке значит ‘бобер’⁶. Это животное почиталось в зороастризме как священное⁷. Богиня Ардвисура Анахита в посвященном ей гимне изображена одетой в «*бобровую накидку...из шкур трехсот бобрих четырежды родивших*»⁸. Она являлась олицетворением водной стихии и, в частности, реки *Ranha*.

Согласно Авесте, река *Ranha* стекает с гор Хара Березайти. В Ригведе ей соответствует мифическая небесная река *Rasa*. На карте Птолемея этим названием – *Rha* – обозначена Волга. Только в этой реке водится, согласно

¹ Skjaervø P. O. Aždahā: in Old and Middle Iranian // Encyclopaedia Iranica. Vol. 3. N. Y., 1989. P. 191–199.

² Предание о сыне Зарера (Аййдгар-и Зареран) // Пехлевийская Божественная комедия : Книга о праведном Виразе и другие тексты. М., 2001. С. 140.

³ Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата. С. 31; The Zend-Avesta : the Yasts. P. 60.

⁴ Фирдоуси. Указ. соч. Т. I. С. 611.

⁵ Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата. С. 199.

⁶ Bartholomae Ch. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg: Trübner, 1904. Col. 925.

⁷ Крюкова В. Ю. Культ водных животных в зороастризме и центральноазиатские параллели // IX Конгресс этнографов и антропологов России : тез. докл. Петрозаводск, 2011. С. 158.

⁸ Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата. С. 50.

Авесте, *рыба Кара*, которую считают осетром, а также бобры. Именно на этом основании Роман Гиршман отождествил реку *Raha* с Волгой, а не с Сырдарьей или Евфратом как это делали исследователи до него¹. Зоологами доказано, что бобры никогда не водились ни в Сырдарье, ни в Амударье, ни тем более, в реках Ирана и Месопотамии.

Древние считали истоком Волги ее восточные притоки – Каму и Белую, что хорошо видно на картах Птолемея и аль-Идриси. «Представление о том, что исток Волги – это река Белая, – пишет Н. Л. Членова, – пережиточно сохранилось до сих пор в ее русском названии «Белая», первоначально, в XVI в., – «Белая Воложка» (т. е. Белая Волга), что является калькой тюркского Ак-Идель»². Река Белая (Ак-Идель) берет свое начало у подножья горы Иремель, являющейся второй по высоте точкой Южного Урала (1586 м), следовательно, считает Н. Л. Членова, ее можно отождествить с авестийской горой *Хукарья*, высочайшей вершиной гор *Хара Березайти*, с которой стекает *Ардви Сура* – божественная персонификация реки *Raha*. В названии горы *Иремель*, вернее, *Эрамэн*, как звучит ее название в средневековых башкирских и ногайских дастанах, прочитывается иранский корень *ارام* (*aram*), что в переводе на русский язык означает ‘покой’³. Согласно Авесте, именно на вершине горы *Хукарья* находится обитель богов, аналог индийской нирваны, «где нет ни тьмы, ни ночи, ни холода, ни зноя, болезней смертоносных...»⁴. Следовательно, «страна Баври», местообитание Ажи-Дахака, находилась в северных степях Евразии, вероятно, на Южном Урале и в прилегающих к нему районах, а не в Вавилоне. Именно здесь ахеменидские надписи фиксируют дахов, которые, по мнению исследователей, именовались «саками, которые за Согдом».

¹ Гиршман Р. Иран и миграции индоариев и иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 143.

² Членова Н. Л. Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II – нач. I тысячелетия до н. э. // СА. 1989. № 2. С. 228.

³ Персидско-русский словарь. Т. I. М., 1970. С. 60.

⁴ Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата. С. 89.

В антидэвовской надписи Ксеркса Вавилон упомянут в форме *Babairuṣ*, а в среднеперсидских сочинениях – *Babirav*¹. Само это название является семитской калькой шумерского ойконима *Ка-Дингур*, что значит «Врата Бога». Аккадцы перевели его на свой язык в форме *Баб-Илу*. В позднейшей новоперсидской и арабской традиции использовался термин *Бабил*. Таким образом, в древне- и среднеиранских наименованиях этого города четко прочитывается семитский корень *Баб*, то есть ‘ворота’. Следовательно, эти астионимы этимологически никак не соотносятся с названием «бобровой страны».

Перенос авестийской страны *Bawri* в Месопотамию произошел лишь в позднейшей пехлевийской литературной традиции VII–X вв. по причине глухой оппозиции зороастрийского духовенства арабам и, вообще, исламу. Именно поэтому в «Шахнаме» *Заххак* (ضحاک) становится прямым потомком злого демона *Ахримана* и одним из родоначальников арабов. Антисемитизм данной традиции принимает законченную форму в «Денкарде» («Установления религии», IX в.): «Еврейские Священные Писания были впервые составлены им (Зохаком), и положены в крепость Иерусалима. И через Зохака люди пристали к еврейскому главному святому Абрахаму, и через Абрахама они пристали к Моисею, которого евреи приняли как своего пророка и посланника веры»². И в довершение всего, «Денкард» превращает Ажи-Дахака (Зохака) в аналог библейского Антихриста и коранического *Даджжэля*: «Он будет делать мучения живущим творениям снова в конце мира»³. Но до того времени Ажи-Дахак будет находиться в глубине горы Демавенд, куда его заключил, связав медными путами, Феридун. Таким образом, трансформация Ажи-Дахака в аналог Антихриста и антисемитизм были привнесены в иранскую традицию лишь после арабского завоевания, тогда как пехлевийская литература более раннего периода пропитана горячим антитуранизмом.

¹ Абаев В. И. Антидэвовская надпись Ксеркса. С. 136; *Bartholomae Ch. Op. cit. Col. 954.*

² *Denkard. P. 247.*

³ *Ibid. P. 257.*

Что касается упомянутых «Фравардин-яштом» *sairima* и *tura*, то относительно их локализации существует древнее этногенетическое предание, объясняющее деление мира ираноязычных племен на части. Оно гласит, что иранский царь Феридун (Фредон)¹ разделил свои владения между тремя сыновьями. При этом в центре страны стал править *Айрик*, на востоке – *Тур*, на западе – *Салм*. Первые два являются эпонимами Ирана и Турана, а также племен *airya* и *tura*. Что касается Салма, то пехлевийское сочинение «Бундахишн» («Сотворение основы») приписывает ему в качестве удела Рим: «страна Салма есть Арум»². Однако, это, скорее всего, позднейший вымысел. По мнению исследователей, эпониму Салм должен соответствовать авестийское название *sairima* и греческое **Σαυρομάται** (савроматы)³. В некоторых пехлевийских источниках вместо имени *Салм* фиксируется форма *Сарм*⁴, что закономерно с учетом характерного для иранских языков перехода $R \sim L$. По всей видимости, этноним сармат является результатом прибавления сакского суффикса множественного числа *-ta-* к основе *sarm* или *sairima*. Таким образом, первоначально под уделом *Сарма* или *Сармата*, скорее всего, подразумевались сарматские степи Восточной Европы.

Остается решить, где могли обитать авестийские туры (*tura*), которых совершенно не знают греческие авторы. Во «Фравардин-яште» Авесты говорится, что арийские герои совершают походы к реке *Danu*, чтобы «разрушать победную силу данайских туров»⁵. Как доказал В. И. Абаев, гидроним *Danu* в данном случае относится к Сырдарье, а не к иным другим рекам, имеющим в своем названии иранский корень *don* ‘вода’: Дон (греч. Танаис), Дан-уб (Дунай), Дан-апр (Днепр), Дан-астр (Днестр).

¹ Иранскому царю Феридуну (Фредону) соответствуют авестийский Траэаона и ведический Трита, чьи имена мотивируются исходя из сакрального числительного ‘третий’.

² Bundahis or the original creation. P. 59.

³ Geiger W. Civilization of the Eastern Iranians in the ancient time. Vol. I. L., 1885. P. 37; Marquart J. Ērānšahr, nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Berlin, 1901. S. 155.

⁴ Bailey H. W. Saka studies: the ancient kingdom of Khotan // «Iran» (Journal of the British Institute of Persian Studies). Vol. VIII. L., 1970. P. 69.

⁵ The Zend-Avesta : the Yasts. P. 189.

Следовательно, *tura* и их страна Туран располагались в присырдарьинских степях¹.

Этнография иранского мира, зафиксированная Геродотом, несравненно богаче авестийской. Наряду с *даями* (*дахами*), «отец истории» упоминает *савроматов, скифов, массагетов, саков, хорасмиев, бактрийцев, аримаспов, будинов, исседонов* и другие племена севера Евразии². Параллельным Геродоту источником являются ахеменидские надписи, анализ которых показывает, что персы всех североиранских кочевников называли собирательным термином *saka*. Саками же назывались *киммерийцы* в надписи царя Ашшурбанипала, хотя ассирийцы знали и собственное имя киммерийцев – *gamirra*³. Считается, что скифы (*iškuza* ассирийских документов) в Накширустемской надписи Дария I названы *саками-парадарайя*, то есть «саками, которые за морем», вероятно, Черным⁴. *Саки-хаумаварга* («саки, чтущие хаому») упоминаются в надписи рядом с *Синдом*, там, где позднее возникнет область *Сакастан*, то есть «страна саков» (Седжестан или Систан арабских сочинений). *Массагеты* некоторыми учеными отождествляются с *саками-тиграхауда* («саки с остроконечными шапками») антидэвовской и Накширустемской надписей, а *саки-парасугудам* («саки, которые за Согдом») связываются с южноуральскими дахами⁵.

Проблеме локализации этих племенных групп посвящено множество исследований, в свете которых можно лишь констатировать, что термин *saka* не имел конкретного этнического наполнения, а является собирательным

¹ Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра // Archiv Orientalni. XXIV. № 1. Praha, 1956. С.43–45.

² Псянчин А. В. Башкортостан и башкиры на средневековых географических картах // Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.). Ф.Г.Хисамитдинова, А.В.Псянчин, В.В.Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 207.

³ Ельницкий Л. А. Указ. соч. С. 25–26.

⁴ Kent R. Old Persian : Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1950. P. 138.

⁵ Литвинский Б. А. Указ. соч. С. 152; Гафуров Б. Г. Таджики. Кн. 1. Душанбе, 1989. С. 74; Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 58; Вайнберг Б. И. Этнография Турана в древности (VII в. до н. э – VIII в. н. э.). М., 1999. С. 262.

названием иранских кочевников. Б. И. Вайнберг, к примеру, пишет: «Сака» древнеперсидских и саки античных авторов – понятия гораздо более широкие, чем «тура», так как включают и многие другие племена раннего железного века, например, уже упоминавшихся дахов»¹. Не случайно, Геродот утверждал, что «персы всех скифов зовут саками»². Впрочем, Б. А. Литвинский считал данный термин самоназванием, если не всех туранских племен, то, по крайней мере, *саков-хаумаварга*, который затем стал экстраполироваться персами в отношении всех североиранских кочевников³. Область проживания этой группы саков получила название *Сакастан*.

Что касается массагетов, то, как считает К. В. Тревер, их название означает «большая сакская орда» (мас + сака + та)⁴. По мнению Артура Кристенсена, термин «массагеты» происходит от древнеиранского *massagata*, то есть «большие саки»⁵. Следовательно, он не выполнял роли этнической атрибуции данной племенной группировки саков, хотя у отдельных групп туранских кочевников, оказавшихся в иноязычном окружении, он использовался в качестве экзонима. Так, например, в армянских, греческих, латинских и арабских источниках в Закавказье упоминаются области Сакасена (Шакашен) и Маскут. Таким образом, самоназванием массагетов, по всей вероятности, было *tura*, что находит подтверждение в эпической традиции Ирана.

Согласно авестийскому гимну Хварно (Замйад-яшт), царем туров был Франхрасьян, «из туров самый бойкий». В Шахнаме он назван царем Турана Афрасиабом. К нему на помощь спешит, по прочтению Ц. Б. Бану-Лахути, туранский витязь и его родственник Борзевейла⁶. В. Ф. Минорский связывает

¹ Вайнберг Б. И. Указ. соч. С. 206.

² Геродот. Указ. соч. С. 426 (VII,64).

³ Литвинский Б. А. Указ. соч. С. 163.

⁴ Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э. История народов Узбекистана. Т. 1. Ташкент, 1950. С. 46.

⁵ Christensen A. Die Iranier // Kulturgeschichte des Alten Orients (Handbuch der Altertumswissenschaft III, 1.3). München, 1933. S. 250.

⁶ Фирдоуси. Указ. соч. Т. III. С. 394.

это имя (برزویلا) с племенем *берзула*, предлагая читать *barzuvila*¹. Другие варианты прочтения – *Burzuuala*, *Burzouila*². Как уже говорилось, арабская, сирийская и башкирская традиции связывали происхождение бурджан/берзилов с аланами. А если верить Аммиану Марцеллину, аланы – это «древние массагеты»³. Следовательно, если иранские этногенетические предания, сохранившиеся в Шахнаме, считают берзилов отраслью туров, то и алан – «древних массагетов», с которыми берзилы были связаны общим происхождением, следует признать выходцами из той же этнической среды. К этой же точке зрения склонялся И. В. Пьянков, говоря, что «массагеты были ближайшими наследниками объединения, созданного турами (Tura)»⁴. Таким образом, предки бурджан/берзилов происходили из среды ираноязычных туранских (массагетских) кочевников Средней Азии.

Согласно иранской эпической традиции, центром *Турана* была местность *Канг*, хорошо известная Авесте под названием «Кангхи пресвятой», которую С. П. Толстов отождествил с Хорезмом⁵. Данный вывод был сделан исходя из следующих аргументов. Дело в том, что *Канг* или *Канг-диз* («замок Канг») фигурирует в Шахнаме в качестве резиденции царя *Турана* Афрасиаба, которую возвел его зять Сиявүш:

Спою о деяньях седой старины,
О Канге, прославленном граде, что встарь
Возвел Сиявүш, многооблестный царь⁶.

По сообщению Бируни, именно Сиявүш является основателем древнейшей династии хорезмийских царей (хорезмшахов)¹. Следовательно,

¹ Hudud al-'Alam. P. 461.

² The Shahnama of Firdausi. Vol. IV. L., 1909. P. 182; Le livre des rois par Abou'lKasim Firdousi. T. IV. P., 1877. P. 57.

³ Аммиан Марцеллин. Римская история. М., 2005. С. 540 (31, 2, 12).

⁴ Пьянков И. В. Массагеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2. С. 68.

⁵ Толстов С. П. Древний Хорезм : Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 20–26.

⁶ Фирдоуси. Указ. соч. Т. II. С. 199–200.

делает вывод С.П. Толстов, Канг находился в Хорезме, хотя все же признавал, что, возможно, «Кангха – несколько более широкое понятие, чем Хорезм»². В западной историографии сходной точки зрения придерживался Эрнст Эмиль Херцфельд, помещавший народ *tura* Авесты в Хорезме³.

В IV в. до н. э. начинается экспансия дахов с территории Южного Урала и прилегающих районов на юг, в результате которой они вытесняют массагетов из многих районов Приаралья и занимают территорию между Каспийским морем и Амударьей⁴. Затем последовала своеобразная туранская реконкиста Ирана: в 250 г. до н. э. вождь племени *daha* Аршак захватил сатрапии Селевкидского государства Парфию и Гирканию, а уже во II в. до н. э. Аршакиды отобрали у греко-македонских завоевателей весь Ираншахр, Месопотамию и Армению. Переселение дахов на юг привело к оттоку населения из Анэрана в Иран. С этого момента дахи исчезают со страниц античной географии, так как они становятся парфянами.

Опустевшие дахские степи занимают массагеты – туры. Передвинувшись на северо-запад от Хорезма, они образуют новое владение, получившее в китайских источниках название *Яньцай*. Их миграция, по всей видимости, была связана с усилением другого политического объединения, возникшего на месте древнего Турана и получившего название *Канг* или *Кангар* (*Кангюй* китайских хроник), пик могущества которого падает на I в. до н. э. Китайская хроника сообщает, что Кангюй в окружности составляет 9104 ли (более 4 тысяч километров), население насчитывает 600 тысяч душ, строевого войска – 120 тысяч воинов. «Кангюй...горд, дерзок» – сокрушается китайский летописец⁵. Китайские хроники однозначно говорят об этнической однородности двух частей Турана – *Кангюя* и *Яньцай*: «Яньцай лежит почти в 2000 ли от Кангюя на северо-запад. И это кочевое владение; в

¹ *Biruni*. The Chronology of ancient nations. L., 1879. P. 40–41.

² Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948. С. 145.

³ Вайнберг Б. И. Указ. соч. С. 208.

⁴ Пьянков И. В. Указ. соч.

⁵ Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 184–185.

обыкновениях сходствует с Кангюем. Войска более 100 тысяч. Лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов. Это есть Северное море»¹. Под «Северным морем», по всей вероятности, нужно понимать Каспий. Словом, кангюйцы были потомками тех же туров, что и *Яньцай*, а свое новое название – кангар – получили по названию реки, на берегах которой проживали².

Сырдарья в древности носила название Канг или Ганг, семантика которого была тождественна индийскому Гангу: С. П. Толстов считал, что индийская традиция ассоциирует с этим названием представления о крайней разветвленности³. Впрочем, происхождение гидронима Ганг могло быть связано с мифологическими представлениями древних ариев о «небесном Ганге», текущем с неба. Согласно «Бхагавата-пуране», Вамана, воплощение бога Вишну, проткнул оболочку Вселенной (вселенского яйца) и образовавшееся отверстие хлынули потоки Причинного океана. Этот поток и называется Гангой. Сначала она освящает семь планет Большой Медведицы, затем «проходит через Луну и в конце достигает обители Брахмы на вершине Меру. Далее с вершин Гималаев она течет через всю землю Индии, освящая ее»⁴.

Неслучайно, в Шахнаме Кангюй называется именно Гангом (گنگ), Ибн Хордадбех именует Джейхун (Сырдарью) نهر کنکر «рекой Канкар»⁵. Б. И. Вайнберг в название Канг вкладывает два значения: в узком смысле это – дельта Сырдарьи, где находился культурный и политический центр государства Кангюй, а в широком – огромная территория от «Южного Приуралья, реки Урал и северо-восточного Прикаспия на западе»⁶. В более

¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 150.

² Этноним *кангар* состоит из корня -канг- и тохарского этнонимического суффикса -ар- (см.: Кляшторный С. Г. Кангюйская этно-топонимика в орхонских текстах // СЭ. 1951. № 3. С. 62).

³ Толстов С. П. Древний Хорезм. С. 24.

⁴ Неаполитанский С. Ведические предания Древней Индии : Бхагават-пурана. М., 2011. С. 195.

⁵ Kitab al-masalik wa'l-mamalik. P. 178.

⁶ Вайнберг Б. И. Указ. соч. С. 282.

позднее время кангары отюречились: часть из них образовала ядро орды печенегов, а другая вошла в состав кипчаков под названием канглы или кангар-оглы, которые приняли участие в этногенезе башкир и других тюркских народов – казахов, кыргызов, узбеков, ногайцев¹.

С Кангюем связано своим происхождением и башкирское подразделение *усерган*, связанное с этнической группой *муйтен*, которая, по словам Л. С. Толстовой, является «отголоском древнейшего периода в истории Хорезма»². Башкирское племя *юрматы* в форме *Герматоу*, которое в X в. фиксируется в составе венгров, по всей видимости, имеет отношение к савромато-сарматам³. На это указывает, как замечают исследователи, схожесть этнонимов *юрматы* и **сърматаи** (сюрмат или сирмат)⁴. Иногда высказывается мнение о книжном характере названия «сарматы», следовательно, бессмысленно искать ему соответствия в современной этнографии. Однако, фольклор и лексика кавказских народов – адыгов, картвелов и вайнахов – сохранили следы контактов с ними⁵. Кроме того, в Западной Европе имеется около 50 этнотопонимов с основой «сермэз», «сармате», «сарматикум»⁶. В свою очередь, сарматы также являются выходцами из дахо-массагетского мира⁷. Таким образом, кангары, усерганы, юрматы и берзилы/бурджаны, были выходцами из одной этнической среды – древнего Турана.

Что касается названия *Яньцай*, то оно единодушно интерпретируется как китайская передача этнонима и политонима античных источников *Аорс*

¹ Башкирский род канлы, в прошлом составлявший население Канлинской волости, ныне населяет ряд селений Буздякского, Туймазинского, Белебеевского, Благоварского, Мишкинского, Дюртюлинского и Кушнаренковского районов Республики Башкортостан.

² Толстова Л. С. Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпаков // СЭ. 1971. № 2. С. 31.

³ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 163.

⁴ Гордеев Ф. И. О поздних сарматских заимствованиях в восточно-финских языках; Петров К. И. Тюркские корни сармат // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971. С. 333–335.

⁵ Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. Века и народы. М., 1984. С. 75.

⁶ Ковалевская В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). Пушкино, 2005. С. 87.

⁷ Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 40.

или *аль-Арсийа* арабских. Народное название страны восстанавливается в форме *Auruša* 'белый'¹. Страбон (63 г. до н. э. – 23 г. н. э.) пишет, что между Азовским и Каспийским морями живут кочевники, а именно «навианы, панксаны и затем уже племена сираков и аорсов (**Аорсои**)»². Он делит аорсов на верхних и нижних. Последние жили по Танаиду, то есть на Дону. Верхние аорсы «владели более обширной страной и господствовали, можно сказать, над наибольшей частью Каспийского побережья, так что даже торговали Индийскими и Вавилонскими товарами, получая их от Арменийцев и Мидян и перевоза на верблюдах». Царь нижних аорсов Спадин мог выставить 200 тысяч всадников, а «а верхние аорсы еще больше». Таким образом, земли аорсов занимали огромную территорию от Дона на западе до Каспийского и Аральского морей на юго-востоке, где они граничили с царством Кангар, охватывая при этом на севере еще и Южный Урал.

Применительно к событиям I в. н. э. хроника «Хоу-Хань-шу» сообщает: «Владение Яньцай переименовалось в Аланья; состоит в зависимости от Кангюя»³. Это сообщение комментировалось в историографии неоднократно. В. А. Кузнецов пишет: «Таким образом, область Яньцай, в I в. переименованная в Аланию, может быть локализована на степных пространствах от Дона до Южного Приуралья, что полностью совпадает с территорией верхних аорсов»⁴. Смена названия означала только то, что власть над означенной территорией перешла от аорсов (стяженная форма *ас*)⁵ к аланам. Этнический состав государства не изменился, изменился лишь правящий слой огромной племенной конфедерации. В пользу того, что восточные аорсы и аланы когда-то населяли степи Приаралья, свидетельствует аль-Бируни: рассказывая о древнем русле реки Джейхун (Амударья), он сообщает, что ее разлив между Хорезмом и Джурджаном

¹ Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. С. 52.

² The Geography of Strabo. Vol. V. P. 243 (11, 5, 8); Латышев В. В. Указ. соч. С. 147–148.

³ Кюннер Н. В. Указ. соч. С. 180.

⁴ Кузнецов В. А. Очерки истории алан. 2-е изд. Владикавказ, 1992. С. 20.

⁵ Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 99.

вызвал переселение местных жителей на побережье Хазарского моря, а «это – род аланов и ясов»¹. Аль-Масуди сообщает о гвардии хазарского царя, состоявшей из племени аорсов: «...в этой стране (Хазарии — С. Х.) [есть род людей, называемый] аль-ларсиййа, а они переселенцы из Хорезма»². Форма *اللارسية* (аль-ларсиййа) возникла вследствие ошибочного удвоения арабской фонемы ل (л), заместив собой настоящее звучание аль-арсиййа. Таким образом, источники подтверждают пребывание аорсов и алан в средневековом Хорезме, что тем более верно и для Хорезма древнего.

Берзилы, коль скоро они являются разновидностью алан, нужно считать выходцами из Яньцай (Алании). Йакут ар-Руми со ссылкой на Хишам аль-Калби, известный авторитет в *'ильм аль-ансаб*, то есть генеалогии, пишет: «Сказал Ибн Калби: потомство Исхака бен Ибрахима аль-Халила (Исаака сына Авраама – С. Х.) – Хазар, Базар, Бурсул (*بُرسُل*) и Хуваризм»³. В этом сообщении обращает на себя внимание не то, что арабская генеалогическая наука стремится связать хазар, берзилов, хорезмийцев и неизвестных нам базаров с авраамической традицией, а то, что на основании каких-то преданий или письменных известий, Хишам аль-Калби считал носителей названных эпонимов родственными друг другу. Важным моментом является также то, что арабская генеалогия согласуется с источниками Феофана и Никифора в том, что берзилы и хазары соседствовали территориально. Древние хорасмии, упоминаемые Геродотом, проживали в низовьях Амударьи и Сырдарьи. Следовательно, берзилы и хазары также могли некогда обитать в Приаралье. Хишам аль-Калби утверждает, что они являются братьями хорезмийцев, чья ираноязычность не вызывает сомнений. Если Фирдоуси отразил общеиранские этногенетические предания, претендующие на равный статус с семитической генеалогией Библии, то Хишам аль-Калби, по всей видимости, региональное

¹ Волин С. К истории древнего Хорезма // ВДИ. 1941. № 1. С. 194.

Название *ясы / осы* (осетины) является стяженной формой этнонима аорсов.

² *Maçoudî*. Op. cit. Т. II. Р., 1863. Р. 10.

³ *Йакут ар-Руми*. Указ. соч. Т. II. С. 395.

хорезмийское родословие. Если поэт упоминает витязя Борзевейлу (персонификация этнонима берзил/берсула/бурзула) в качестве союзника и родственника туранского царя Афрасиаба, то генеалог считает племя берзилов родственным хорезмийцам. Таким образом, обе традиции помещают берзилов/бурджан в Туране.

С названными преданиями, возможно, согласуются данные античной географии. В начале I тысячелетия н. э., согласно Клавдию Птолемию (II в.), европейскую Сарматию по берегам Меотиды (Азовского моря) населяли язиги и роксаланы, «далее за ними внутрь страны – амаксовии и скифы-аланы». Близ Рипейских гор жили боруски (**Ворубскои**)¹. А.-З. Валиди Тоган считал, что этим именем названы бурджаны². Предположение ученого вполне вероятно, так как в данном имени легко выделяется корень *борус* ~ *бурз*, к которому присоединен иранский показатель множественности *-хо-*: *Бурз* + *хо* = *Борус* + *к* (**Ворубскои**).

В последнее время господствующая точка зрения о вызревании алан внутри объединения аорсов (Яньцай) подверглась пересмотру. По мнению А. А. Туаллагова термин «аланы» появился как название надплеменной прослойки у различных этнических групп независимо друг от друга³. На это указывает то, что переименование Яньцай (Аорсии) в Аланию, согласно китайским источникам, произошло в середине I в. н. э., тогда как этноним «аланы» становится известным гораздо ранее. Он, по мнению исследователей, составляет часть имени роксаланов⁴. Как считает Янош Харматта, Страбон со ссылкой на древнегреческого астронома Гиппарха (190–120 гг. до н. э.) упоминал их уже под 125 г. до н. э.⁵ Таким образом,

¹ Латышев В. В. Указ. соч. С. 231.

² Togan Z. V. Op. cit. S. 3.

³ Туаллагов А. А. К вопросу о происхождении ранних алан // Stratum + Петерб. археол. вестник. СПб.-Кишинев, 1997. С. 147–153.

⁴ Первая часть имени *роксалан* восходит к осетинскому *рохс* – ‘светлый’, следовательно, роксаланы – ‘светлые аланы’.

⁵ Harmatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians // Acta Universitatis de Attila József Nominatae. Acta antiquae et archaeologica. T. XIII. Szeged, 1970. P. 31; The Geography of Strabo. Vol. V. P. 441 (2, 5, 7).

после ухода индоиранцев (*arya*) из степей севера Евразии среди кочевых иранских племен процесс социальной дифференциации имел продолжение. Геродот упоминает «царских» (**βασιλῆοι**) скифов, которые считали «прочих скифов себе подвластными»¹. «Царские» сарматы упоминаются Страбоном, которых Л. А. Лелеков ассоциирует с ариями (*arii*) Епифания Кипрского². Плиний Старший упоминает на Дунае аррейских (*Arraei*) сарматов или ареатов (*Areatas*), название которых Янош Харматта напрямую связывает с социальным термином *arya*³. По мнению же В. И. Абаева, этноним *alan* восходит к *Aryan*, то есть к коллективной форме термина *arya* (корень *arya* + суффикс множественности *an*), и является результатом преодоления древнеиранского ротацизма⁴. Таким образом, в среде скифов, сарматов, аорсов, массагетов возникли свои «арии», то есть слой нобилитета, называвшийся на местных диалектах аланами.

Исследователи делают вывод, что под этим именем подразумевались близкие, но не идентичные этносы: *рокс-аланы*, *алан-орсы*, *аланы Анавсия*, *алан-сарматы*, *аланы-скифы*, *аланы-массагеты*⁵. Первоначально термин «алан» использовался для обозначения социальной верхушки у сарматов, чьей основной деятельностью была война. Затем социальный термин закрепился как этноним за различными народами Сарматии⁶. В связи с этим

¹ Геродот. Указ. соч. С. 241 (IV, 20).

Сен Мартен предположил, что здесь «должно разуметь не «царских скифов», как обыкновенно переводят это имя, но скифов берзильских». Геродот, как предполагает ученый, изменил имя **βασιλῆοι** на знакомое ему **βασιλῆοι** и данное название ошибочно переводили как «царские». Если это действительно так, то появление берзилов нужно удревнить до V в. до н. э., т. е. времени Геродота (см.: Известия о хозарах, буртасах, мадьярах, славянах и русских Абу Али Ахмеда бен Омар ибн Даста... СПб., 1869. С. 94).

² Лелеков Л. А. Указ. соч. С. 158. The Geography of Strabo. Vol. I. P. 470 (VII, 3, 17).

³ Harmatta J. Op. cit. P. 29; Pliny. Op. cit. P. 149 (IV, XI, 41).

⁴ Абаев В. И. Фонема I в осетинском языке // Иранская филология : труды науч. конф. по иранской филологии (24–27 января 1962 г.). Л., 1964. С. 6.

⁵ Раев Б. А., Яценко С. А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе // Скифия и Боспор : материалы конф памяти акад. М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993. С. 117–119, 121.

Вождь алан Анавсий упомянут римским поэтом I в. н. э. Гаем Валерием Флакком в поэме «Аргонавтика» (См.: Argonautique de Valerius Flaccus. Т. III. P., 1811. P. 13).

⁶ Наглер А. О., Читирова Л. А. К вопросу о хозяйственных типах в древних обществах // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 89–90.

иное значение приобретает и название *алан-бурджан*. Если следовать предложенной схеме, то под этим именем следует подразумевать знать (ариев/алан) народа бурджан.

Нужно отметить, что приведенная выше гипотеза об автономном вызревании названия *аланы* у различных племен Сарматии в общем контексте алановедения не является общепризнанной. С. А. Яценко выделяет семь теорий происхождения алан: скифскую, аорсскую, массагетскую, алтайскую, юэчжийско-тохарскую, усуньскую и считающую алан межэтнической дружинной организацией¹. Наиболее приемлемой является массагетская теория, изложенная в разных вариациях в трудах С. А. Яценко, Т. А. Габуева, А. А. Цуциева. Ими было обращено внимание на то, что переименование Яньцай в Аланья, а также завоевание Яньцай Кангюем относится к одному времени. По мнению Т. А. Габуева, аланы сложились в результате внедрения в этническую среду кангюйцев разнородных групп ираноязычных кочевников, известных в китайских источниках как *юэчжи* (тохары), *усуни* (асии), *сэ* (саки). Во II в. до н. э. под давлением гуннов названные племена устремляются от пределов Китая и Семиречья на запад. Они вторгаются в Кангюй, чем значительно увеличивают военную мощь последнего. Если, по данным «Ши-цзи», во II в. до н. э. данное царство имело 90-тысячное войско и признавало на юге власть «больших юэчжи», завоевавших Греко-Бактрию, то, согласно «Хань-шу», в I в. до н. э. «Кангюй горд и дерзок», так как имеет уже 120 тысяч строевого войска. Усиление этого владения исследователи связывают с вхождением в его состав 80-тысячной орды усуней во главе с царевичем Бихуаньчжи, а также большой группы юэчжей (тохаров)². Доказательством в пользу этой версии является факт участия последних народов в этногенезе осетин³. Еще армянский

¹ Яценко С. А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н. э. // Петерб. археол. вестник. № 3. СПб., 1993. С. 60.

² Бичурин Н. Я. Указ. соч. С. 198.

³ Экзоэтноним осетин возник из корня *-ос/ас-* и грузинского этнонимического суффикса *-ети-*, отсюда название Осетия (ср.: Ингушетия, Сванетия, Имеретия).

географ Анания Ширакаци отмечал на Кавказе племя *аш-дигор*, то есть *асов-дигорцев*¹. Название *дигор* справедливо связывается с *тохарами*². Что касается усуней, то они нередко связываются с родовым подразделением *уйсын/уйшин* в составе казахов, ногайцев и крымцев³. А. Н. Бернштам связывал усуней с кушанами: через спирантизацию и перегласовку китайский этникон *u-sun* превращается в *kušan*⁴. Между прочим, на возможность подобной метаморфозы указывают данные Рашид ад-дина: племя уйшин он иногда именуется *хушин* (кушан?)⁵. Так или иначе, «именно Кангюй явился колыбелью народа, более тысячелетия существовавшего под именем «аланы»⁶.

Под именем алан объединяются как пришлые тохары, усунь и асы (аорсы), так и местные кангары. Т. А. Габуев пишет: «По всей видимости, этноним агуана, то есть ‘ариец’, бывший в древности общим для всех ираноязычных народов, стал наиболее популярен у кангюйцев и был воспринят если не всеми, то, во всяком случае, значительной их частью. Причем, воспринят он был не в древней фонетической форме – агуана, а в новой – алана»⁷. Вероятно, в конце I в. до н. э. аланы начинают движение на северо-запад. Они завоевывают Яньцай (Аорсию) вплоть до Северного Кавказа и Дона. Под влияние Кангюя подпадает даже далекая северная страна Янь, в названии которой, по мнению С. П. Толстова, «следуя древнему чтению этого иероглифа «арь», мы должны, вероятнее всего, видеть отдаленных предков современных удмуртов»⁸. Последних вплоть до

¹ Патканов К. Указ. соч. С. 30.

² В состав средневековых огузов и туркмен тохары вошли под названием *дюкер*.

³ Крупное башкирское родовое подразделение Табын считает своим родоначальником полководца Джучи-хана из племени уйшин Майкы (Байку)-бея (см.: Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.-Л., 1952. С. 172). Как правило, этимологию названия *табын* выводят из монгольского числительного *пять* (*tavan*).

⁴ Бернштам А. Н. К вопросу об усунь-кушан и тохарах (Из истории Центральной Азии) // СЭ. 1947. № 3. С. 43–44.

⁵ Рашид ад-дин. Указ. соч. С. 171.

⁶ Габуев Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999. С. 128.

⁷ Там же. С. 129.

⁸ Толстов С. П. Из предистории Руси (палеоэтнографические этюды) // Советская

последнего времени русские и тюркские народы Урало-Поволжья именовали арами¹. Завоевание Аорсии (Яньцай) аланами завершилось к середине I в. н. э. При этом они заняли не только вновь заселенные степи Восточной Европы, но и Среднюю Азию. Большинство сарматов, аорсов, роксалан и других племен принимают имя алан. Так образуется огромная Алания (Ариана), являвшаяся своеобразным двойником-антиподом и антагонистом другой Арианы – Ирана.

Схожей точки зрения придерживается А. А. Цуциев. По его мнению, в I в. н. э. аланы, благодаря своей воинственности, выделяются в Кангюе из среды его позднеарского населения как аристократическая верхушка. Между 25 и 50 гг. они подчиняют своей власти массагетов Нижней Сырдарьи, то есть Яньцай. «В таком случае становится оправданным и второй факт, сообщаемый «Хоу Хань шу», – Яньцай становится зависимым от Кангюя государством, – пишет А. А. Цуциев. – Переименование Яньцай в Аланьна, таким образом, следствие кангюйской экспансии»².

По-иному восстанавливал ход событий Мак-Говерн. Он пишет, что власть во владении Яньцай захватывает племя алан, вероятно, возникшее в его же недрах. Экспансия Кангюя вынуждает их отступить на запад, в Поволжье и на Кавказ, где они создают Аланскую конфедерацию³. Армянские источники в V–VI вв. отмечают на территории Закавказья не только алан, маскутов (массагетов), саков (Сакасена), но даже тохаров и кангаров⁴. Всех их покрывал политоним *алан*. Так или иначе, Аммиан Марцеллин сообщает: «Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю

этнография : сб. ст. М.-Л., 1947. Вып. VI–VII. С. 46.

¹ Этнонимы многих финно-угорских народов несут на себе печать иранских влияний: удмурт, морд-ва, в которых основа *мурт/морд* сходится с иранским *мардан* – ‘человек’.

² Цуциев А. А. Аланы и события в Центральной Азии в первой половине I н. э. // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии : материалы Всерос. науч. конференции с международным участием. Карачаевск, 2010. С. 277.

³ McGovern W. The Early Empires of Central Asia: a study of the Scythians and the Huns and the part they played in world history, with special reference to the Chinese sources. L., 1939. P. 247.

⁴ Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. С. 225–226.

нужным. Хотя они кочуют, как номады, на огромном расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения»¹.

Что касается асинхронного появления на исторической сцене алан и *роксалан*, то в данном случае приходится признать частичную правоту А. А. Туаллагова, который считал, что оба этнонима возникли независимо друг от друга. Как пишет Т. А. Габуев, «две независимые группировки кочевников избрали для своего обозначения этноним «агуа» – общий для всех древних иранцев»². Однако, как можно думать, после утверждения политонима «аланы» прежние наименования не исчезли полностью. Сохранилось имя бурджан/берзилов, а также название *аорсов* в стяженной форме *ас*, ставшей самоназванием предков осетин и, вероятно, тюркских племен *эрсен* и *аз*. Оно также отразилось в названиях гвардии хазарского кагана аль-арсиййа, в мордовском этнониме *эрзя*³ и одном из трех центров древней Руси – Арсаниййа (ارتشبية), о котором пишет Ал-Истахри⁴.

Что касается дальнейшей судьбы алан-бурджан, то являясь выходцами из среды массагетов-туров (Кангар), они в период аланских миграций расселяются по территории Западного Прикаспия от Нижней Волги до Куры (Рис. 1). По всей видимости, они двигались в составе той волны массагетов (маскутов), которая основала в Закавказье царство Маскут. Последнее располагалось по обе стороны от Дербентского прохода. Н. Е. Берлизов пишет, что во II в. в Предкавказье появляются памятники, связанные с «маскутами-аланами»⁵. А. С. Яценко утверждает, что нашествие готов в Нижнее Подонье в середине III в. заставило алан перенести свой

¹ Аммиан Марцеллин. Указ. соч. С. 541 (31, 17–22).

² Габуев Т. А. Указ. соч. С. 122.

³ Мацулевич Л. А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии // Советская этнография : сб. ст. М.-Л., 1949. Вып. VI–VII. С. 132.

⁴ *Viae Regnorum : Descriptio dittonis moslemicae auctore Abu Ishak al'-Istakhri* // BGA. Pars I. Ed. 2. Leiden. 1927. P. 225–226.

⁵ Берлизов Н. Е. Аланы-скифы // Историко-археологический альманах. Армавир-М., 1996. Вып. 2. С. 106, 113 – 115.

политический центр в Восточное Предкавказье¹. Так или иначе, применительно к событиям III в. армянские и арабские источники отмечают появление на Кавказе бурджан/берзилов. Следовательно, маскуты и бурджаны являлись частью одного массива ираноязычных кочевников, обосновавшихся в Восточном Предкавказье и Закавказье в первых веках нашей эры. Оказавшись на границе с Ираном, они не могли не войти в непосредственные контакты с империей Сасанидов.

¹ *Яценко А. С.* Аланы в Восточной Европе в сер. I – сер. IV в. н. э. // Петерб. археол. вестник. № 6. СПб., 1993. С. 85.

§ 2. Царство Бурджан и Сасанидская империя

Цивилизации Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока всегда были приманкой для кочевников евразийских степей. Киммерийцы, скифы, дахи, аланы прорывались на земли Ирана как с запада – через кавказские проходы, так и с востока – из районов Средней Азии. Некоторые из них, например, дахи, основавшие Парфянскую державу, становились правящим слоем покоренной ими страны. Другие, несмотря на кровное родство, оставались для Ирана враждебной стихией, именуемой Тураном. В IV в. Сасанидская держава подверглась нашествию хионитов, что нашло отражение в авестийском сюжете о противостоянии туранского царя, «хьяонского злодея», Арджаспы и арийского царя Виштаспы¹. В среднеперсидском «Бахман-яште», навеянном этими событиями, сообщается: «Ворвались знамена и штандарты бесчисленной армии этих демонов со всклокоченными волосами. Они вошли в созданные Ормуздом земли моего Ирана, их отряды вошли широким фронтом – враждебные тюрки и красные хионы»². В V в. Иран подвергся еще большему разгрому со стороны эфталитов. В ходе войны в 484 г. был даже убит шаханшах Ирана и Анэрана Фируз. Армянский автор Лазарь Парбский писал: «В мирное даже время никто не мог мужественно и без страха смотреть на эфталита или даже слушать о нем, не то что идти на него войной открыто»³. Не отставали от эфталитов по степени разрушительности походов аланы. Вот что пишет о них Фирдоуси:

Их жизнь протекала в набегах одних,

¹ Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата. С. 147.

² Bailey H. W. *Nārahūna* // *Asiatica*. Leipzig, 1954. P. 12–21.

Упомянутые в источнике тюрки являются явным анахронизмом. Что касается «красных хионов» (*karmīr hyon*) среднеперсидских источников, то Моравчик пытается связать их с ермихионами (**Ερμιχιων**), царь которых по имени Аскил в 563 г. прислал в Константинополь своих послов (см.: *Чичуров И. С.* Указ. соч. С. 53, 86). Название «ермихион», возможно, является композитным термином, состоящим из **χιων** (хиониты) и **ερμη** – этнонима, отразившегося в родовой номенклатуре северокавказских и дунайских болгар (род Ерми), а также башкир (племя Юрми).

³ *Патканьян К.* Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями. СПб., 1863. С. 42.

И в мыслях добра не бывало у них.
В страх ввергли Иран; отнимали добро,
Одежды и золото, и серебро;
Влекли, угоняли, не зная стыда,
И жен, и мужей, и детей, и стада...¹

По выражению Герардо Ньюли, это было противостояние двух арийских миров – оседлого и кочевого: Арианы внутренней (Ирана) и Арианы внешней (Алании)². Взаимоотношения между ними принимали различную форму. Конфронтация и войны порой сменялись военными союзами, федеративными или вассальными отношениями, о чем свидетельствуют титулы периферийных правителей. По ним, как по титулу русских царей («всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский...»), можно судить о составе Сасанидской державы. Ибн Хордадбех в своем сочинении «Китаб аль-масалик ва-ль-мамалик» приводит список владений, находившихся на периферии Ирана: «Цари, которых Ардашир называл шахами: Бузурк Кушан-шах³, Килан-шах⁴, Буз Ардаширан-шах, что значит [владыка] Мосула⁵, Майсан-шах⁶, Бузурк Арманийан-шах⁷, Азарбазкан-шах⁸, Сиджистан-шах⁹, Мерв-шах¹, Карман-

¹ *Фирдоуси*. Шахнаме. Т. VI. С. 54.

² Ньюли Г. Название алан в Сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу противостояния Ирана внешнего и Ирана внутреннего. Владикавказ, 2002. С. 33.

³ «Великий шах Кушана» – правитель Кушанского царства, существовавшего в I–III вв. н. э. на территории Средней Азии, Афганистана, Пакистана и Северной Индии. После завоевания этих стран персами титул Кушан-шаха носили сасанидские наместники.

⁴ Вероятно, арабское написание титула Гилян-шах (фарс. گیلان شاه). Провинция Гилян расположена на северо-западе современного Ирана.

⁵ Буз-Ардашир – персидское название Мосула.

⁶ Майсан – арабское название небольшого владения, именуемого по-персидски Мешан (евр. Месена) и расположенного недалеко от Басры (см.: Marquart J. Ērānšahr, nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. S. 41).

⁷ «Великий шах Армении» – титул высшего пэрства, который носил будущий наследник престола. Был аналогичен титулу принца Уэльского в Великобритании.

⁸ Правитель Азербайджана.

⁹ Правитель Сиджистана, географической области на юго-востоке Ирана и юго-западе Афганистана. В настоящее время эта провинция носит название *Систан*, в древности именовалась *Сакастан* («страна саков»).

шах², Бадашваркар-шах³, Йаман-шах⁴, Тазйан-шах⁵, Казаш-шах, Бурджан-шах, Амукан-шах⁶, Сабийан-шах⁷, Машкиздан-шах (в Хорасане), Алан-шах (в Мукане)⁸, Барашкан-шах (в Азербайджане), Куфс-шах (в Кирмане)⁹, Мукран-шах (в ас-Синде)¹⁰, Туран-шах (в стране тюрок), Хиндуван-шах¹¹, Кабулан-шах¹², Ширйан-шах (в Азербайджане)¹³, Райхан-шах (из ал-Хинда), Кикан-шах (в ас-Синде)¹⁴, Балашджан-шах¹⁵, Даваран-шах (в стране ад-Давар)¹⁶, Нахшабан-шах¹⁷, Кашмиран-шах¹⁸, Бакардан-шах, Казафат-шах – все это имена царей»¹⁹. Как видим, Бурджан-шах упомянут в одном ряду с такими владетелями, как царь Кушана, царь Армении, царь Кермана, царь саков и т.д. Возникает вопрос о характере взаимоотношений между названными царями шахров (царств) и Сасанидами.

Согласно истории, переданной ат-Табари, Ардашир Папакан (220–240

¹ Правитель Мерва, города и области на территории современной Туркмении.

² Правитель Кермана, области на юго-востоке Ирана.

³ Бадашваркар (Патишваргара) – досасанидское название Табаристана (см.: *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 160).

⁴ Правитель Йемена.

⁵ Согласно персидским преданиям, родоначальником арабов был Таз. Отсюда же средневековое иранское название арабов – *тазик* (или *таджик*). Тазйан (мн. ч. от слова *Таз*), подобно прозвищам «фрицы» или «иваны», образовано от антропонима. Таким образом, Тазйан-шах значит «правитель арабов».

⁶ Шах Мугани, области в провинции Азербайджан.

⁷ Вероятно, правитель Сабейского царства (Саба), существовавшего на юге Аравийского полуострова с конца II тысячелетия до н. э. до конца III века н. э.

⁸ По-видимому, Арран-шах, правитель Кавказской Албании.

⁹ Аль-Куфс – название горной цепи в области Кирман, где обитало племя куфичи.

¹⁰ Область Мекран (Гедросия Геродота), ныне входящая в состав Белуджистана, территория которого поделена между Ираном, Афганистаном и Пакистаном (см.: *Бартольд В. В.* Историко-географический обзор Ирана // Соч. Т. VII. 1971. С. 140).

¹¹ Хиндуван – цитадель города Балх (см.: Там же. С. 52).

¹² Правитель города и области Кабул.

¹³ Вероятно, правитель Ширвана – области, протянувшейся вдоль побережья Каспийского моря от Дербента до устья Куры.

¹⁴ Неизвестная область в Синде, область на северо-западе Индостана.

¹⁵ Балашджан или Баласджан – арабское название области Баласакан в Азербайджане, располагавшейся в междуречье Куры и Аракса.

¹⁶ Замин-и Давар («Земля Давар») – название области на территории современного Афганистана, располагавшейся между Гуром и Сиджистаном.

¹⁷ Нехшеб – название области и древнего города в долине Кашкадарьи, на месте которого в XIV в. возник город Карши.

¹⁸ Правитель Кашмира.

¹⁹ *Kitab al-masalik wa'l-mamalik*. P. 17–18; *Ибн Хордадбех*. Указ. соч. С. 61.

гг.) начал завоевание Ирана с области Керман: «И пришел он в Керман, а там – царь, именуемый Балаш. Они сразились в жестокой битве. Ардашир участвовал в ней лично, пока не пленил Балаша и не завладел городом. Ардашир провозгласил царем Кермана своего сына, которого также звали Ардаширом»¹. Затем он покоряет мелких князей страны Фарс и воздвигает там город Рам-Ардашир. Аршакидский правитель Ирана шаханшах Артабан V, узнав об этом, пишет ему: «Кто позволил тебе [захватить] корону, которую одевал я и страну, которая находилась под ней, победить ее царей и ее народ!» Как видно из приведенных пассажей, в Аршакидской державе существовала система вассальных владений (шахров) во главе с местными царями, подчинявшимися шаханшаху (шаху шахов), которая была сохранена и в Сасанидской империи. В конце концов, к 224 г. Ардашир побеждает Артабана и, согласно официальной версии, изложенной Табари, подчиняет себе все провинции и вассальные царства (шахры) бывшей Парфии от Армении на западе до Пенджаба и Хорезма на востоке². В 241 г. Ардашир умирает, и новым шаханшахом становится Шапур I³. Таким образом, согласно Табари, Ардашир создал империю в границах, просуществовавших с небольшими изменениями до самого ее падения в VII в. По мнению автора X в. Са'алиби, написавшего «Историю персидских царей», Ардашир даже провел административную реформу в восточной части своего государства⁴.

Появление первых памятников пехлевийской литературы относится к началу сасанидского периода, хотя самые древние из дошедших произведений можно датировать лишь VI в. А. И. Колесников пишет, что «о существовании придворных летописей, в которых освещалась деятельность

¹ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari Prima series. Pars II. P. 817.*

² *Christensen A. Sassanid Persia // The Cambridge Ancient History. Vol. XII. Cambridge, 1939. P. 109–110.*

³ Шапур I – великий шаханшах Ирана (241–260 гг.), великий шаханшах Ирана и Анэрана (260–274 гг.).

⁴ *Histoire des rois des Perses par Abou Mansour 'Abd al-Malik ibn Mohammad ibn Isma'il al-Tha'alibi. P., 1900. P. 485–486.*

персидских царей, известно из Библии и греческих авторов»¹. Так или иначе, арабо-мусульманские авторы, как правило, опирались на «предания персов» («ахбар аль-фурс») и «биографии персидских царей» («сийар аль-мулюк мин аль-‘аджам), в которых Ардашир представал создателем державы в ее окончательном виде. Однако, это не соответствует действительности. Наиболее достоверным источником являются надписи в честь иранских шаханшахов, высеченные в камне. Они создавались либо при жизни монархов, либо представляли собой близкую ретроспективу событий. В них о деяниях Ардашира ничего не рассказывается, но определенные выводы о времени его правления сделать можно. Ричард Фрай замечает: «В надписях Ардашир именуется «царем царей Ирана», а не «царем царей Ирана и не-Ирана», отсюда следует, что границы его державы почти не выходили за пределы Эраншахра»². Как пишет В. Г. Луконин, «ни Армения, ни области Грузии, ни Адиабена на западе к моменту смерти Арташира еще не входили в состав Ираншахра»³. Таким образом, «список царей» Ибн Хордадбега с упоминанием Бурджан-шаха не мог быть составлен в правление Ардашира.

Довольно четкие очертания Сасанидской империи дает надпись на так называемой «Каабе Зороастра» в честь Шапура I, действительного основателя державы: «Я – правитель Ираншахра и мне подвластны следующие страны: Парс (Персида), Пахлав (Парфия), Хузестан (Сузиана), Мешан (Месена), Асорестан (Ассирия), Нодшираган (Адиабена), Арабистан (Аравия), Адурбадаган (Азербайджан), Армен (Армения), Вирузан (Грузия), Сеган, Алан, Баласаган вплоть до Кавказских гор и до Аланских ворот, горная цепь Падишхвара (Табаристан), Мад (Мидия), Вурган (Гурган), Марг

¹ Колесников А. И. Иран в начале VII века // Палестинский сборник. Вып. 22 (85). Л., 1970. С. 11.

² Фрай Р. Наследие Ирана : Культура народов Востока : мат. и исслед. Изд. 2-е. М., 2002. С. 290.

Персидская держава делилась на собственно Иран (Ираншахр) и Анэран (не-Иран), т. е. ‘страну ариев’ и ‘страну неариев’. К последней относились Армения, Грузия, Туран, Албания, Кушан, Мекран и другие области. Шаханшах обычно именовал себя «царем Ирана и Анэрана». Данная формула была коннотацией понятия «весь мир».

³ Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969. С. 51.

(Мерв), Харев (Герат), весь Абршахр (Хорасан), Керман, Сагастан («страна саков», Сиджистан, Сеистан), Туран, Макран (Мекран), Парадан (Парадена), Хиндестан (Индия), Кушаншахр («страна кушан»), территория вплоть до стран Пашкабар (Пешавара), Каш (Кашгар), Сугд (Согдиана), Чач (Ташкент) и по ту сторону моря – до страны Мазун (Оман)»¹. Как видим, в перечне стран «Каабы Зороастра» нет Бурджана. Хороним *Алан* в надписи Шапура представлен в форме *ʿlnu* (Алани), но речь, как утверждает Ричард Фрай, идет не об аланах, а о Кавказской Албании². Точно также «Аланские ворота» обозначают Дербентский проход, а не *Дар-и Алан* (Дарьяльский проход). Дело в том, что в иранских источниках этнонимы *алан* и *алуан (албан)*³ писались одинаково. К тому же вывод Фрая логически вытекает из самого текста надписи: если бы речь шла об Алании, то, как объяснить, что северной границей империи Сасанидов названы «Аланские ворота» (Дар-и Алан), ведь Алания располагалась к северу от него на противоположной стороне Кавказского хребта. Как бы то ни было, в результате успешных походов Шапура большинство закавказских владений признало вассальную зависимость от Ирана, и формально северной границей Сасанидской империи стал Кавказский хребет и «Аланские (Албанские) ворота», то есть Дербентский проход, к северу от которого находился Бурджан/Берзилия. Поэтому, бурджаны могли оказаться в орбите влияния Сасанидского государства уже во времена Шапура I. Вероятно, тогда же иранцам стало знакомо название Бурджан.

¹ *Huyse Ph.* Die dreisprachige Inschrift Šābuhrs I an der Ka'ba-i Žardušt (ŠKZ) // *Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part III, Vol. I, Text I.* L., 1999. S. 22–23.

² *Фрай Р.* Указ. соч. С. 295.

³ Албаны (Ἀλβανοί) впервые упомянуты древнегреческим историком Аррианом (II в.) в качестве союзников Дария III во время битвы при Гавгамелах (331 г. до н. э.). Данный этноним мог произойти от армянского экзонима Алуанк («алуанцы»), т. к. самоназвание албанов (алуанов) неизвестно (см.: *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н. э. – VII в. н. э.). М.-Л., 1959. С. 5). Персидское название Албании *Арран* возникло из изначальной формы *Алан* как результат иранского ротацизма. Не случайно существует точка зрения о том, что армянское *Алуан* (Алван) есть лишь вариация политонима *Алан* (см.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 39). Арабская география не знает названия *Албания* – лишь *Арран*.

Согласно Са'алиби, при Ардашире в Ираншахре были введены должности четырех наместников, марзбанов, в восточной части державы – в Хорасане и Мавераннахре. Позднее их число значительно возросло. Тем не менее, продолжали существовать «цари шахров» (вице-короли), как из правящего клана Сасанидов, так и из представителей инородных династий. К царям шахров, согласно надписи на «Каабе Зороастра», относятся:

Надпись Шапура	Список Ибн Хордадбега
царь Мерва Арташир	Мерв-шах
царь Кермана Арташир	Карман-шах
царь Сакастана Арташир	Сиджистан-шах
«Великий царь Армении» Хормизд-Ардашир	Бузург Арманийан-шах
царь Мешана Шапур	Майсан-шах
царь Синда, Сеистана и Турана Нарсе ¹	Сиджистан-шах и Туран-шах
царь Гиляна Бахрам	Килан-шах
область Баласаган	Балашджан-шах
область Падишхвара	Бадашваркар-шах

В надписи шаха Нарсе обнаруживаются дополнительные соответствия между титулами «царей шахров»:

Надпись Нарсе	Список Ибн Хордадбега
царь Хорезма	Туран-шах (в стране тюрок)
царь Макурана	Мукран-шах
царь династии Лахмидов ²	Тазйан-шах (?)
царь маскутов	Бурджан-шах (?)
владелец Мугана	Амукан-шах или Алан-шах

Кроме, приведенных географических названий в надписи Нарсе имеется множество других, идентификация которых затруднительна:

¹ Нарсе, сын Шапура I, шах Индии, Сакастана и Тохаристана в 260–274 гг., великий шах Армении в 274–293 гг., великий шаханшах Ирана и Анэрана в 293–302 гг.

² Арабская царская династия, правившая в городе аль-Хира в нижнем течении Евфрата. Согласно, эпической традиции Ирана предком арабов был Таз, почему арабов именовали тазиками (таджиками). Тазйан-шах могло переводится как «царь тазов».

владельцы Сахура, Зурада, Мошка, Лака, Чаша, Лашума и другие.

В так называемом «Письме Тансара» говорится: «И не дозволяется ни одному человеку, кто не из дома нашего (т. е. не из династии Сасанидов – С. Х.), именоваться царем, за исключением обитателей пограничья, а это – Алан¹, области Запада, Хорезм, Кабул»². В данном сочинении, приписываемом зороастрийскому жрецу времен Ардашира Папакана Тансару, прямо указывается, что только правители иранского пограничья, являвшиеся вассалами или федератами Ирана, могли именоваться царями (шахами) наряду с принцами крови. И хотя оно датируется VI в., временем Хосрова Ануширвана, описанная в нем система вассальных отношений существовала и в более ранние времена³. Таким образом, сам факт упоминания в пехлевийских источниках того или иного правителя «шахра» (т. е. шаха), подразумевает определенные отношения (вассальные или союзные) между данным шахом и «шаханшахом Ирана и Анэрана».

Одним из таких вассалов был «царь маскутов», то есть правитель массагетов, упоминаемый в надписи шаха Нарсе в Пайкули⁴. Царство *маскутов* (mskyt'n) располагалось на территории северо-восточного Азербайджана и южного Дагестана, между реками Кура и Самур, достигая на севере области Дербентского прохода (Рис. 2). Им правила династия Аршакидов, которая после свержения ее в Иране закрепилась в шахрах Анэрана – Армении, Грузии, Албании, Кушане, Маскуте. Последний был частью пан-Аршакидской семейной федерации. Этноним *маскут* Герардо Ньоли называет «псевдоисторическим», считая его, как можно полагать, экзоэтнонимом, то есть маскутами они были лишь для окружающих

¹ Имеется в виду Кавказская Албания, т. к. Алания в систему вассальных шахров Ирана и Анэрана не входила.

² *Ибн Исфандияр*. Тарих Табаристан. Каир, 2002. С. 34; *Christensen A.* L'Empire des Sassanides: le peuple, l'état, la cour. København, 1907. P. 112.

³ *Boyce M.* The letter of Tansar // *IsMEO, Serie orientale Roma*, vol. XXXVIII. Rome, 1968. P. 15.

⁴ *Луконин В. Г.* Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987. С. 168; *Humbach, H., Skjærvø, P.O.* The Sassanian Inscription of Paikuli. Wiesbaden, 1983. P. 53.

народов¹. В таком случае, возникает вопрос об автономии маскутов. В «Дербенд-наме» говорится: «Маскат [тянется] от Табарсарана и Кайтака до Мускура. Ее людей привели из Алана»². Как полагают исследователи, они были частью аланского массива племен³. Следовательно, маскуты были носителями политонима алан, хотя на субэтническом уровне могли носить собственное название, например, алан-бурджан, так как северная часть царства Маскут географически совпадает с территорией владения Бурджан. Существует мнение, что город Чор, находившийся в районе «Албанских ворот», являлся столицей маскутских шахов⁴. Таким образом, «царь маскутов» Сасанидских надписей, возможно, покрывал собой титул Бурджан-шаха «списка» Ибн Хордадбега. Видимо, этим объясняется фигура умолчания о шахре Бурджан в надписях Шапура и Нарсе и, напротив, отсутствие Маскут-шаха в «списке» Ибн Хордадбега. Впрочем, преемственность титулов Маскут-шах и Бурджан-шах не подтверждена ничем, кроме географической близости маскутов и берзилов/бурджан. Последние могли быть лишь одним из этнических компонентов многоплеменного Маскутского царства, после падения которого и возникает собственно владение Бурджан.

Ибн Хордадбех, кроме Бурджан-шаха, также упоминает рустак (уезд) Бурджан, который входил в состав области Ардашир Хурра. Последняя, в свою очередь, входила в состав провинции Фарс. Во избежание путаницы, нужно отметить, что название Ардашир Хурра, «Слава Ардашира», носила царская резиденция шаханшаха Ардашира Папакана, построенная в 208–226 гг.⁵. Следовательно, титул Бурджан-шах не может соотноситься с рустакком Бурджан, находившимся в сердце Персии. К тому же написание названного

¹ Ньоли Г. Указ. соч. С. 25.

² Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М.-Р. Дербенд-наме // Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 22.

³ Яценко А. С. Аланы в Восточной Европе в сер. I – сер. IV в. н. э. С. 85–87.

⁴ Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании III–VII вв. // Очерки истории СССР (III–IX вв.). М., 1958. С. 89.

⁵ Herzfeld E. Iran in the ancient East. L.-N. Y., 1941. P. 310.

топонима у Ибн Хордадбеха сомнительно: в некоторых списках «Китаб аль-масалик ва-ль-мамалик» значится Фурджан, а не Бурджан. Аналогичная форма зафиксирована и у аль-Истахри¹.

На титул Бурджан-шах из сочинения Ибн Хордадбеха в свое время обратил внимание Йозеф Маркварт. Он заметил, что данный термин «относится скорее к племени *Pāričan* (*Vāričan*), чем к кубанским булгарам»². Чтобы понять смысл замечания ученого, нужно помнить, что немецкий исследователь ассоциировал бурджан с кубанскими булгарами³. Поэтому, его реплику нужно интерпретировать в том смысле, что под Бурджан-шахом нужно подразумевать не кавказских булгар, а неких *Pāričan*. Данное название Йозеф Маркварт связывал с париканиями (**Παρικανιοι**) Геродота, горным племенем, обитавшим в Мекране и Синде⁴. Оно, по мнению исследователя, упомянуто в пехлевийском сочинении «Книга деяний Ардашира Папакана» («Карнамак-и Артахшир-и Папакан»), переведенном на немецкий язык Теодор Нёльдеке: «Войска [Ардашира] пришли в Керман на войну с *Vâričân*»⁵. Причем, из перевода не ясно, что скрывается за этим названием – этноним или антропоним, то есть имя царя Кермана, как думают некоторые исследователи, в том числе и Теодор Нёльдеке, или название племени. Не вносит ясность в вопрос и английский перевод текста «Карнамака»: «Его [Ардашира] вооруженные силы прибыли к границам Кермана на битву против Барджан (*Barjan*)»⁶. Опять непонятно, что такое Барджан – имя царя или народа. Однако следует учитывать, что Табари знает имя керманского царя Балаша, которого разбил Ардашир и поставил на его место своего сына Ардашира. Следовательно, *Vâričân* не может быть антропонимом. В сочинении Табари, по мнению Маркварта, этому названию соответствует имя

¹ *Viae Regnorum : Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al'-Istakhri*. P. 105.

² *Marquart J. Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci*. S. 31.

³ *Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*. С. 204–206, 207, 491.

⁴ *Ibid.*; *Геродот*. Указ. соч. С. 209, 210, 426, 430 (III, 92, 94; VII, 68, 86).

⁵ *Nöldeke Th. Geschichte des Artasir-i Pāpākan // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*. Bd. 4. Göttingen, 1878. S. 57.

⁶ *The Karnamak-i-Artakhshir or records of Artakhshir // The Sacred books and early literature of East*. Vol. VIII. N. Y.-L., 1917. P. 243.

народа аль-бариз (البارز)¹. Все эти вариации одного и того же наименования (по мнению одних – топонима или этнонима, по мнению других – антропонима) заставили думать немецкого ученого, что в сочинении Ибн Хордадбеха всем им соответствует титул Бурджан-шах.

По мнению Теодора Нёльдеке, «Карнамак» был записан в середине VI в. в правление Хосроя Ануширвана². Но как замечает О. М. Чунакова, речь идет лишь о позднейших интерполяциях в последнюю редакцию сочинения, включившие в текст реалии VI в., например, упоминание о тюркском кагане, которого не могло быть изначально³. Ранние списки «Книги деяний Ардашира» существовали, по крайней мере, уже в IV в.: Моисей Хоренаци пишет, что она была написана «неким Барсумой» в правление шаха Шапура II (309–379 гг.)⁴. Возможно, именно это обстоятельство помешало Йозефу Маркварту сделать вполне ожидаемый от него вывод о соответствии титула Бурджан-шах северокавказским булгарам, так как сама возможность персов вести в это время военные действия против бурджан (т. е. в представлении Маркварта кубанских булгар) представляется весьма сомнительной. К тому же булгары, согласно Латинскому Хронографу, появились на Кавказе лишь в IV в., тогда как Ардашир Папакан жил в III в. Вероятно, основываясь на этих доводах, Йозеф Маркварт идентифицирует название бурджан не с сомнительными для него булгарами, а с *Bâriçân*, упомянутыми в «Карнамаке».

Анализ имеющихся данных приводит к выводу, что построения Маркварта были ошибочны изначально, так как основывались на ложном отождествлении булгар и бурджан. Поэтому его попытку сопоставить титул Бурджан-шаха с таинственными *Bâriçân* нужно признать несостоятельной. Согласно русскому переводу «Карнамака», выполненному О. М. Чунаковой, интересующий нас отрывок сочинения выглядит следующим образом:

¹ Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari Prima series. Pars II. P. 894.

² Nöldeke Th. Op. cit. S. 23.

³ Книга деяний Ардашира сына Папака. С. 19.

⁴ История Армении Моисей Хоренского. 116–117.

Ардашир «свое войско послал в Керман на войну с баризами»¹. Как можно заметить, российский переводчик повторяет конъектуру ат-Табари. В тексте оригинала используется консонантная транскрипция *b'ľč'n* (б.лч.н), что дало повод некоторым исследователям видеть в ней отражение этнонима *балуч*, употребляемого с суффиксом множественного числа *-ан*². В таком случае *b'ľč'n* отражает чтение *балучан*³. Однако, данное соответствие не является единственно возможным. В среднеперсидской консонантной системе письма фонемы *-r-* и *-l-* обозначались одной и той же буквой. Символ, используемый для выражения звука *č* (*ч*), отражал также звуки *-ž-* (*ж*) и *-z-* (*з*)⁴. Следовательно, транскрипция *b'ľč'n* могла выглядеть и по-иному: *b'rz'n* (*б.рз.н*). Замечено, что в арабоязычных версиях историй об Ардашире и других иранских царях больше историзма, чем в некоторых пехлевийских сочинения. Именно поэтому при восстановлении гласных звуков в слове *b'ľč'n* О. М. Чунакова использовала конъектуру Табари, у которого название племени *бариз* дано с соответствующими огласовками, которых нет в пехлевийской письменности. Отсюда следует, что в оригинале «Карнамака» фигурирует название племени *bāriz* (бариз), поставленное в форму множественного числа *bārizān*⁵. Маркварт ошибается, считая, что термин *Bāričān* упомянут в единственном числе. С этнонимом *белуджей* он также не соотносится, так как на этот счет имеется следующий пассаж аль-Истахри: «Язык обитателей Кермана персидский, за исключением [народа] аль-куфс, который вместе с персидским использует также язык куфсийский. Им подобны [народы] аль-балус и аль-бариз, у которых, помимо персидского, есть и другие языки»⁶. В последних двух этнонимах нужно видеть упомянутых по-отдельности белуджей и баризов. Таким образом, титул

¹ Книга деяний Ардашира сына Папака. С. 77.

² Самоназвание белуджей, проживающих на стыке границ Пакистана, Ирана и Афганистана, т. е. на территории исторических областей Керман и Мекран.

³ Книга деяний Ардашира сына Папака. С. 100.

⁴ *Расторгуева В. С.* Среднеперсидский язык. М., 1966. С. 22, 24.

⁵ Книга деяний Ардашира сына Папака. С. 54.

⁶ *Viae Regnorum : Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al'-Istakhri.* P. 167.

Бурджан-шах не имеет никакого отношения ни к *белуджам*, ни к племени *бариз*, упоминаемому Табари, ни к пресловутым *Bâriçân*, которые обязаны своим появлением транслитерации *b'îç'n*.

В 428 г. персы упразднили в Армении царскую власть. После 488 г. южная часть царства маскутов было поглощена Кавказской Албанией и, соответственно, исчезла с политической карты¹. В начале VI в., после смерти Вахтанга Горгасала (440–502 гг.), царская власть была упразднена в Грузии². После смерти последнего албанского Аршакида Вачагана III в 510 г. царская власть была отменена и в Албании. Тогда же была создана провинция Маскут во главе с иранским наместником Маскут-шахом. Таким образом, «список царей» Ибн Хордадбега отражает ситуацию, сложившуюся в Анэране в V – начале VI в., когда шаху Каваду I (488–496 гг., 498–531 гг.) удалось вытеснить византийцев из Закавказья и ликвидировать самостоятельность Армении, Грузии и Албании. Так, в «списке» уже нет Джурзан-шаха (царя Грузии). Упомянутый Бузург Арманийан-шах («Великий шах Армении») является не обозначением армянского царя-Аршакида, а высшим титулом иранского пэрства. Царь Албании (Алан-шах) правит только в Мугани³, зато на территории этой страны появляются Ширйан-шах (Ширван-шах) и Баласджан-шах (Баласакан-шах) в ранге сасанидских наместников, то есть налицо политика дробления и децентрализации Албании. Относительно последней Балазури пишет: «И отправил царь Кубад бен Фируз человека из числа великих военачальников с 20 тысячами в страну Арран, и завоевал он территорию от реки ар-Рас (Аракс – С. Х.) до Ширвана», то есть территорию бывшего царства Маскут от Каспийских (Дербентских) ворот на севере до Баку на юге⁴.

¹ Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986. С. 89.

² Вахтанг Горгасал, или Горгасар («Волчья голова»), принадлежал к династии иранского происхождения Хосровиани и состоял в родстве с Сасанидами.

³ Мугань – историческая область, расположенная к востоку от Карабаха до Каспийского моря в нижнем течении рек Аракс и Кура.

⁴ Балазури. Указ. соч. С. 273.

Однако, одно обстоятельство заставляет отодвинуть временной рубеж «списка» в еще более позднее время: Ибн Хордадбех называет в числе вассалов Ардашира шаха Йемена, который был завоеван персами лишь в царствование Хосроя Ануширвана. Табари пишет: «И разделил Хосрой управление [страной] между четырьмя испахбедами: испахбед востока (аль-машрик), а это – Хорасан и то, что примыкает к нему; испахбед запада (аль-магриб); испахбед юга (нимруз), а это – страна Йемен; испахбед Азербайджана и то, что примыкает к нему, а это – страна аль-Хазар»¹. Как видно из цитаты, власть Ирана в этот период распространялась даже на территорию Хазарии, то есть к северу от Дербента. Исходя из этого, можно заключить, что «список царей» зафиксировал состав Сасанидской империи времен Хосроя Ануширвана, правда, с анахронистическим переносом ситуации в эпоху Ардашира Папакана. Данное обстоятельство указывает на характер источника, которым пользовался Ибн Хордадбех. По всей видимости, это было сочинение, подобно «Книге деяний Ардашира Папакана», относившееся к жанру исторической беллетристики, для которой была характерна тенденция относить все великие свершения в «золотой век» основателя династии. Составитель «списка царей», живший в VI или даже VII в., описывал деяния Ардашира, имея о том времени весьма смутные представления. В документе мы видим много титулов малоизвестных окраинных правителей, тогда как названия владений, игравших важную роль в событиях III–IV вв., а потому упоминавшихся в надписях Шапура и Нарсе, отсутствуют.

О политической истории бурджан/берзилов раннесасанидского периода известно не очень много. Как уже говорилось, в 213 г. состоялся поход берзилов под предводительством царя Гушнаспа Сухраба в Армению, в ходе которого кочевники разорили Армению, а царь «Вахарш падает от рук мощных стрелков»². В период борьбы Ардашира Папакана с последним

¹ Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Prima series. Pars II. P. 894.

² История Армении Моисей Хоренского. С. 113.

аршакидским шаханшахом Ирана Артабаном V родственник последнего армянский царь-аршакид Хосров I «Великий» «объединил войска аланов и грузин и, открыв ворота Аланские и Чорские, вывел хунов, чтобы напасть на Персию»¹. Если через Аланский проход (Дар-и Алан) выступали аланы, то через Чор должны были выходить берзилы, названные Агафангелом «хунами». Как пишет последний, Хосров I с войсками «хуннов» и алан опустошил Месопотамию и дошел до столицы Ирана Ктезифона.

В другом месте своего сочинения Мовсес Хоренаци рассказывает о том, что иранский шах Шапур II² «позволил всем северянам вторгнуться в Армению, условившись напасть на нее с другой во главе арийцев»³. Этот пассаж раскрывает характер отношений Ирана с народами кавказского региона. Когда армянский царь-аршакид Тиридат III (285–330 гг.) выказал непокорность, передавшись римскому императору Константину Великому, шаханшах Шапур приказал своим кавказским федератам наказать мятежного вассала. «Северяне», оказавшиеся берзилами, вторглись в Армению, однако, шах «во главе арийцев» на битву не явился. Сражение с армянами состоялось на равнине Гаргарацци: во время сражения «царь басилов», опутывает арканом своего царственного противника, но тот не только не падает с коня, но и рассекает мечом своего противника пополам⁴. После гибели царя, берзилы якобы в страхе бегут с поля боя, преследуемые и нещадно избиваемые армянами. Но, как заметил еще М. И. Артамонов, данный сюжет был заимствован у еврейского историка I в. Иосифа Флавия. В своей «Иудейской войне» тот рассказывает: «Аланин издали накинул на него (Тиридата) аркан и утащил бы его с поля брани, если бы царю не удалось вовремя перерубить мечом веревку и таким образом спастись»⁵. А. В. Гадло пишет: «У Хоренаци говорится о другом Трдате – Трдате III, правившем в

¹ Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie. T. I. P. 115–116.

² Шапур II «Великий» – шах Индии, Сакастана и Тохаристана (302–309 гг.), великий шаханшах Ирана и Анэрана (309–379 гг.).

³ История Армении Моисей Хоренского. С. 129.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ *Иосиф Флавий*. Иудейская война. Минск, 1991. С. 435.

конце III – начале IV в., и аланы заменены барсилами»¹. А в первоисточнике речь идет о Тиридате I (62–88 гг. н. э.), который рассекает на части не аланского воина, а всего лишь его аркан, к тому же аланы не только не терпят поражение, но и продолжают опустошать Армению. Как считают названные исследователи, Мовсес Хоренаци сознательно приукрасил биографию своего любимого героя Тиридата III, приписав ему деяния предшественника.

В 330-х гг. Армения подверглась новому нападению. Фавст Бузанд пишет: «В то время маскутский царь Санесан, сильно разгневавшись, проникся враждой к сородичу своему, армянскому царю Хосрову, и собрал он все войска, – гуннов, похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и глуаров, гугаров, шичбов и чилбов, и баласичев и егерсванов, и несметное множество других разношерстных кочевых племен»². Маскутский аршакид Санесан разбил армянского аршакида Хосрова III. Но затем армянские военачальники все же вытеснили маскутов из своей страны.

Армянские источники рассказывают о других набегах маскутов и хонов, под которыми подразумевались северокавказские кочевники, в том числе бурджаны/берзилы, в Закавказье и Иран. К. В. Тревер писала, что «термин “маскуты” являлся в этот период (в 30-е гг. IV в.) таким же собирательным, как и “аланы”...»³. В 459 г. албанский царь Ваче пропустил через «ворота Чора» маскутов и, соединившись с ними, нанес поражение персам. Но затем шаханшах Пероз I (459–483) переманил на свою сторону гуннов (маскутов) и разорил Албанию⁴.

Берзилы, являвшиеся частью алано-маскутского массива, активно участвовали не только в походах на территорию Закавказья, но даже вглубь Малой Азии и Месопотамии. Об этом, возможно, сообщает аль-Мас’уди в

¹ Гадло А. В. Этническая общность барсилы. С. 83.

² История Армении Фавстоса Бузанда. Ереван, 1953. С. 15.

³ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н. э. – VII в. н. э.). М.-Л., 1959. С. 176.

⁴ История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. С. 11–12.

сюжете о принятии христианства римским императором Константином Великим (272–337 гг.). Названный арабский историк пишет: «Воцарился Константин после того, как умер в Риме Калитанус (т. е. Диоклетианус или Диоклетиан – С. Х.). И поклонялся он идолам и был первым царем из числа царей ар-Рума, который переехал из Рима в Византий, а это – Константинополь. Он построил город и дал ему свое имя, которое сохранилось и по сей день. И было у него при постройке города любопытный случай с кем-то из царей бурджан. Из-за страха перед вторжением одного из царей рода Сасана (т. е. Сасанидов – С. Х.) Константин выехал из Рума и перешел в религию христиан»¹. Немаловажной деталью рассказа, совпадающей с реальной историей, является то, что мать императора Елена была тайной христианкой. Масуди продолжает: «Причина, по которой Константин сын Хелены вошел в религию христиан и пожелал принять ее, заключается в том, что Константин выступил на одну из войн с бурджанами или какими-то другими народами»². Война была тяжелой для римлян, и тогда император увидел сон, в котором в случае принятия христианства ему была обещана победа над врагами. Константин крестился и разгромил противника.

Схожую историю приводят грузинские летописи «Картлис цховреба» и «Обращение Грузии». Согласно первой из них, грузинский царь Мириан (Михран) из династии Хосровиани получил предложение персидского шаха: «Пересечем Армению и вступим в Грецию». Союзники собрали «войско, подобное числу травы в поле и листьев на деревьях», которое стало опустошать территорию Византийской империи. «Не мог противостоять им царь греческий Константин и впал в печаль великую». Тогда проповедники христианства сказали ему: «Мы видели диво Христово и победу над врагами верующими в него, ибо все верующие в Христа, неся крест перед собой, побеждают врагов своих»³. Император принял христианство и победил врага. Мовсес Хоренаци рассказывает свой вариант легенды: «Этот государь

¹ *Maçoudi. Op. cit. T. II. C. 311–315.*

² *Ibid. C. 311–315.*

³ *Histoire de la Géorgie. 1-re partie. S.- Pétersbourg, 1849. P. 88.*

(Константин – С. X.), прежде своего воцарения, бывши еще кесарем, побежденный на битве, заснул в великой печали. Тогда во сне представился ему звездный крест на небе с надписью: «сим побеждай»¹.

Как можно заключить, Мовсес Хоренаци, аль-Мас'уди, Леонти Мровели пересказывали одну и ту же историю или, лучше сказать, использовали одни и те же источники. Созомен в своей «Церковной истории» со ссылкой на Евсевия Кесарийского сообщает, что Константин среди бела дня увидел крестное знамение, «составившееся из света и имевшее надпись «побеждай». Во сне ему явился сам Христос и повелел изготовить его подобие, чтобы пользоваться им в борьбе с врагами. По приказу августа были сделаны штандарты в виде креста, украшенные золотом и драгоценными камнями, которые во время сражений несли специально отряженные копейщики². Аль-Мас'уди сообщает почти идентичную историю: «В один из дней погибло множество людей из числа его сподвижников. Он устранился от этой потери и увидел во сне, как будто с неба посыпались копья, несущие гибель, а затем снизошли на их наверхия кресты из золота, серебра, железа и меди... И сказано было ему: «Возьми эти копья и сражайся ими против твоих врагов, приняв христианство»³. Таким образом, арабский историк использовал в качестве источника «Церковную историю» Созомена или какого-то другого христианского автора. Однако, ни Евсевий, ни Созомен не сообщают о войне Константина с персидским шахом и, тем более, о войне с грузинами или бурджанами.

Из всего сказанного следует, что история о нашествии персидского шаха с союзниками, повлекшем за собой принятие Константином Великим христианства является всего лишь легендой. В самом деле, после заключения Нисибинского мира (298 г.) Иран в течение 40 лет не предпринимал военных действий против Византии, а сама Грузия в этот период полностью попала под ее политическое влияние. Следовательно, император Константин, чье

¹ История Армении Моисей Хоренского. С. 128.

² Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. СПб., 1851. С. 23–25.

³ *Maçoudî*. Op. cit. Т. II. С. 311–315.

правление падает на 306–337 гг. не мог подвергаться нападению персов и, тем более, их союзников грузин и бурджан. Однако, рассказ аль-Мас'уди скрывает реальные исторические события, связанные с новым витком византийско-иранского противостояния в правление императора Юлиана II «Отступника»¹. Он был современником шаха Шапура II Великого, царствовавшего с 309 по 379 г. Уже в следующем после смерти Константина 338 г. шаханшах развязал войну против Рима. Одновременно, он подчинил себе Албанию и распространил свою власть к северу от Каспийского (Дербентского) прохода. Об этом сообщает Мовсес Хоренаци: «Шапух (т. е. Шапур – С. Х.), сын Ормазда, еще более упрочил союз дружбы с Тираном (Тиграном – С. Х.), царем нашим, так что, оказав ему помощь, избавляет его от нападения северных народов, которые, соединившись, перешли ущелье Чор и поселились в пределах ахванских (т. е. албанских – С. Х.) в продолжение четырех лет»².

Из приведенной цитаты видно, насколько сильным было влияние персидского шаха на северные народы, коль он в состоянии не только избавить Армению от их нашествий, но и рекрутировать их в ряды собственной армии. Аммиан Марцеллин пишет, что в битве при Амиде в 359 г. в составе иранских войск он видел хионитов, «сегестанцев» (т. е. саков), которых историк называет «самыми храбрыми из всех воинов», а также албанов³. В числе последних, видимо, состояли отряды северокавказских племен, поселенных в Албании. Моисей Хоренаци пишет: «Шапух, покорив много других царей и призвав себе на помощь многие варварские народы, напал на Средиземные страны и Палестину»⁴. В битве при Маранге (26 июня 363 г.) византийские войска, вторгшиеся вглубь территории Персии, терпят поражение, а Юлиан погибает. Трагическая гибель императора, а затем

¹ Юлиан II «Отступник» (361–363 гг.), став императором, отрекся от христианства, издал «Эдикт о терпимости», отменявший статус христианства, как государственной религии, и восстанавливавший римское язычество в качестве равноправного с ним культа.

² История Армении Моисей Хоренского. С.151.

³ Аммиан Марцеллин. Указ. соч. С. 168 (19; 2;3).

⁴ История Армении Моисей Хоренского. С. 151.

воцарение Иовиана, восстановившего христианство в качестве государственной религии, могли породить легенду о войнах с восточными варварами, повлекшими за собой крещение Константина. Данное предположение тем более вероятно, что оба кесаря – Юлиан и Иовиан – были представителями одной и той же династии Константинов, основанной Константином Великим, то есть в глазах восточных соседей они могли соединиться в лице последнего. Таким образом, легенда, приведенная в сочинении аль-Мас'уди, могла иметь под собой реальные факты участия бурджан в войнах иранского шаханшаха Шапура II против Византийской империи.

Подводя итог, нужно отметить основные вехи политического состояния бурджан в эпоху Сасанидов. Как говорилось выше, их выход на историческую арену состоялся в III в. В надписи шаханшаха Нарсе они, по всей видимости, быть отмечены под политономом *маскут*. После поглощения Южного Маскута Албанией в 488 г. бурджаны, находившиеся вне зоны досягаемости персов и албанов, восстанавливают это царство, но уже под собственным, а не «псевдоисторическим» именем маскутов. В начале VI в., в связи с экспансионистской политикой Кавада I, продвинувшегося вплоть до Дербентского прохода, царство Бурджан оказалось лицом к лицу с персами. До этого, как сообщает Балазури, «Джурзан (Грузия) и Арран (Албания) были в руках хазар». Кавад изгнал их оттуда и отвоевал у них Баб аль-Абваб и даже захватил Баланджар¹. Последний был одним из городов «страны гуннов» (Бурджана/Берзилии). Однако приведение этой страны в вассальную зависимость по отношению к Ирану произошло лишь в правление Хосроя Ануширвана, что было зафиксировано «списком царей» Ибн Хордабеха.

¹ *Ibn-Wadhih*. Op. cit. P. 220.

§ 3. Бурджаны в тюркское время

Так называемое «Великое переселение народов» принято связывать с движением народа хунну на запад, где они стали известны под именем гуннов¹. Античная традиция в лице Дионисия Периегета (II в.) впервые упоминает их под именем уннов (**οὐννοί**), которое и было их самоназванием. Все прочие названия – хунну, сунну, гунны, хунны – являются экзоэтнонимами². Дионисий пишет: «Я расскажу теперь все о том, какие племена живут вокруг него (Каспийского моря – С. Х.), начиная с северо-западной стороны. Первые – скифы, которые населяют побережье возле Кранийского моря по устью Каспийского моря; потом – унны, а за ними каспийцы, за этими – воинственные албанцы и кадусии, живущие в гористой стране; вблизи их – марды, ирканы и тапиры»³. Юлиус Клапрот помещал названных «уннов» на западном берегу Каспия⁴. И. П. Засецкая пришла к выводу, что Дионисий локализует их в междуречье Кумы и Терека, то есть там, где находилась Берзилия, страна «Первой Сарматии»⁵. Примечательно, что источники фиксируют уннов и берзилов на одной территории в одно и то же историческое время (II–III вв.). По всей вероятности, именно в это время начинаются активные этнические контакты между ними.

Данные Дионисия заставляют по-иному взглянуть на сюжет «Истории Армении» Моисея Хоренаци о походе в Армению хазар и берзилов в правление армянского царя Вагаршака (193–213 гг.). Большинство исследователей, как уже говорилось, отказывало в достоверности данному сообщению по причине упоминания в нем хазар. Если же хазар в названном пассаже Моисея Хоренского заменить уннами, то картина приобретает более

¹ *Иностранцев К.* Хунну и гунны // Труды тюркологического семинария. № 13. Л., 1926. С. 99–100.

² *Хамидуллин С. И.* Исторические гунны и их потомки // Ватандаш. 2011. № 10. С. 3–12.
Автоим гуннов ныне сохранился в названии башкирского племени Унлар.

³ *Латышев В. В.* Указ. соч. С. 185–186.

⁴ *Klaproth J. H.* Tableaux historiques de l'Asie. P., 1826. P. 235.

⁵ *Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.) // Гумилев Л. Н. История народа хунну. М., 1998. Кн. 2. С. 335.

достоверный вид. Думается, что в начале III в. Армения подверглась нашествию не хазар, которых «отец армянской истории» ввел в свое сочинение по собственному «разумению» для придания своему сочинению злобы дня, а уннов и берзилов. В V в. термин «хоны» (т. е. гунны) в армянской письменной традиции уже стал собирательным, не имевшим первоначального этнического наполнения. Фауст Византийский, Лазарь Парбский, Елише продолжают использовать его, хотя в это время хазары уже выходят на историческую сцену, угрожая Закавказью опустошительными набегами. Моисей Хоренаци единственный из всех армянских авторов заменяет устаревший термин «хоны» хазарами, тогда как берзиловы в сочинении «отца армянской истории» были фигурантами событий с начала III в.

Во II–III вв. основная масса уннов еще оставалась в степях Казахстана и Южного Урала, где происходил процесс их метисации с сарматскими и угорскими племенами, в результате чего появляются новые этносы – *уногуры* (уннские огуры), *эфталиты* («белые гунны»), *уногундуры* (уннские гундуры). В IV в. унны начинают свое эпическое по размаху и последствиям нашествие на запад. Первым делом они сокрушили царство *Аланань-го* (Аланию), убили его правителя и «завладели государством»¹. Разгром алан завершился к 70-м гг. IV в. За уннами последовали *уногундуры*, затем *уногуры*, *сарагуры*, *уроги*, которые, по мнению С. Г. Кляшторного, были частью огурского (огузского) объединения тюркоязычных *теле*. Поэтому он переводит их названия как ‘десять огуров’ (он + огур), ‘белые огуры’ (сара + огур) и просто огур².

Автор XII в. Михаил Сирийский приводит ценнейшее предание, проливающее свет на многие вопросы истории берзилов, болгар и хазар. Он пишет, что в правление императора Маврикия (582–602 гг.) «из внутренней Скифии» выступила 30-тысячная орда «скифов», которой

¹ Кюннер Н. В. Указ. соч. С. 181.

² Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель. С. 63.

предводительствовали три брата: «Они шли в продолжение 60 дней от ущелья горы Имеон. Они отправились в путь зимой для того, чтобы переходить реки, и дошли до реки Танаис, которая выходит из Меотийского озера и впадает в море Понт. Когда они прибыли к границам римлян, один из них, которого звали Булгариос, взял десять тысяч человек и отделился от своих братьев. Он преодолел реку Танаис по направлению к Дунаю, который также впадает в море Понт, и он попросил Маврикия дать ему страну, чтобы поселиться в ней и стать союзником римлян. Император дал ему Нижнюю и Верхнюю Мезию и Дакию, цветущие страны, которые народ аваров опустошал с эпохи Анастасия. Они там жили и были охраной для римлян. Они были названы булгарами. Два других скифских брата пришли в страну алан, называемую Берсалия, города которой были построены римлянами. Они являются городами Каспия, которые называются «Вратами Touraye»... Когда над этой страной (Берсалией – С. X.) стал царствовать чужой народ, они были названы хазарами по имени старшего брата, который именовался Хазариг. Это был сильный и широко распространенный народ»¹.

Проанализируем предание. Итак, прародиной булгар объявляется *гора Имеон*. Автор «Армянской географии» Анания Ширакаци следующим образом определяет ее местоположение: «Скифия, то есть Апахтарк², то же, что страна Турков, начинается от реки Этиля, простирается до горы Емаон (Imaus), и далее за ней тянется до страны Ченов (т. е. Китая – С. X.)»³. Сведения «Армянской географии» о горе Имеон основаны на данных античной науки. Страбон, в частности, сообщает: «...по сию сторону (т. е. севернее – С. X.) Тавра (Кавказа – С. X.) лежат страны над Ирканским (Гирканским или Каспийским – С. X.) морем до области индийцев и скифов, живущих у этого самого моря и Имайской горы...[а также] ирканы, парфяне,

¹ Chronique de Michel le Syrien. P. 363–364.

² *Apahhtar* в переводе с пехлевийского значит 'север' (см. Пехлевийско-персидский-армяно-русско-английский словарь. Ереван, 1965. С. 56).

³ Патканов К. Указ. соч. С. 31–32.

бактры, согдианы»¹. Таким образом, горы Имеон или Имаус, отделяющие Скифию, с одной стороны, от Китая, а с другой – от Индии и Ирана, отождествляются с гигантской горной системой, включавшей в себя Тяньшань, Памир и Гиндукуш. По мнению ряда исследователей, сюда нужно отнести еще Алтай и Саяны². Применительно к нашему преданию гора Имеон – это Тяньшань, к северу от которого лежит «внутренняя Скифия». Вероятно, именно здесь в результате этнических контактов между тюркоязычными уннами и ираноязычными племенами сложилась народность древних *уногундуrow* или болгар. Болгарские исследователи указывают на Согдиану и Сакастан, расположенных близ «Имеон», как район формирования древних болгар, возникших в результате «этнической конвергенции между праболгарами и племенами иранской общности». Однако, Петр Добрев ошибочно полагает, что продуктом этногенеза стали «аланские болгары (алан-бурджаны)», традиционно ставя знак равенства между болгарами и бурджанами³.

На самом деле, в данном районе имело место возникновение этноса уногундуrow или болгар. О том, что эти два названия соответствуют друг другу, сообщают многие авторы. Никифор называет правителя Великой Болгарии хана Кубрата «государем уногундуrow»⁴. Константин Багрянородный пишет еще более конкретно: «С тех же пор, как богоненавистный народ Болгарский перешел реку Истр, ...имя их сделалось известным, а прежде называли их оногундурами»⁵. Еврейско-хазарские источники приводят консонантную форму их названия – *в.н.нт.р* (вунунтур)⁶.

Попробуем выяснить происхождение данного этнонима. А. В. Гадло и Рашо Рашев без достаточных оснований отождествляют оногундуrow с

¹ The Geography of Strabo. Vol. V. P. 495 (2, 5, 31); *Латышев В. В.* Указ. соч. С. 105.

² *Бернштам А. Н.* Древняя Фергана. Ташкент, 1951. С. 21.

³ *Добрев П.* Стопанската култура на прабългарите. София, 1986. С. 130–133.

⁴ *Чичуров И. С.* Указ. соч. С. 161.

⁵ Об областях Римской империи, сочинение Константина Багрянородного // ЧМОИДР. М., 1858. № 3. С. 20.

⁶ *Коковцев П. К.* Указ. соч. С. 92.

оногурами¹. Ханс Хауссиг рассматривал название *унногундур* как соединение двух племенных названий – *Onoq* и *Qundur*². Вторая часть двучлена *унно* + *гундур* («уннские гундуры» или «десять кундуrows») проливает свет на вопрос происхождения названного племени, так как, во-первых, название *гундур* хорошо этимологизируется из иранских языков. Форма *kunduru* связывается с курительными благовониями и коноплей, использовавшимися у иранских племен в культовых целях как средства общения с богами. Подобные вещества, например, хаома, считались в Иране и в Анэране источниками вдохновения для воинов и поэтов. Данное слово затем вошло во многие тюркские языки: *киндёр* значит ‘конопля’. В то же время слово *кундавар* (کنداور) переводится как ‘смелый’, ‘богатырь’, ‘герой’, а также ‘мудрый’, ‘знающий’, ‘ученый’. Э. А. Грантовский пишет, что «все эти понятия во второй серии вполне могут быть возведены к понятию «находящийся в экстагическом возбуждении»³. *Кундур* или *кандаур* в значении ‘мудрый’ обозначал князя у ряда народов Кавказа, а также отразился в титулах *кундур-хакан* (کندر خاقان) у хазар и *кундур* у венгров⁴. Во-вторых, племя с таким названием знает иранская эпическая традиция: Фирдоуси, перечисляя союзников туранского царя Афрасиаба, упоминает «Кундура из Саклаба» (کندر از صقلبة).

Выше уже говорилось о связи термина саклаб с булгарами. Что касается эпического Кундура, то это, по всей видимости, не антропоним, а персонификация этнонима *кундур*, сохранившегося в иранских преданиях. Аналогично этому туранский витязь Бурзевейла является персонификацией этнонима *берзилов*. На место обитания кундуrows/гундуrows, возможно,

¹ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 56; Рашев Р. Прабългарите през V–VII век. Изд. 3-е. София, 2005. С. 58.

² Haussig H. W. Theophilakts Exkurs über die skythischen Völker // Byzantion. T. XXIII. Bruxelles, 1953. S. 364.

³ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. С. 330.

⁴ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. С. 84; Якут ар-Руми. Указ. соч. Т. II. С. 368; Ibn Rosteh. Op. cit. P. 142; Известия о хозарах, буртасах, мадьярах, славянах и русских Абу Али Ахмеда бен Омар ибн Даста... С. 25. Собственно в тексте значится **کنده** (к.н.д.х), что является ошибкой при написании титула **کندر** (к.н.д.р), то есть кундур.

указывается в персидском сочинении X в. «Худуд аль-‘Алам»: «Еще одна гора расположена в северной области, между границей кимаков и началом хырхызов. Она начинается от границы кимаков и простирается на восток до границы хырхызов...В северной местности эта гора называется кимаками Кундуар-тагы (کندوار تغي)»¹. Комментируя это сообщение, В. Ф. Минорский пишет: «Гора, протянувшаяся между кимаками и хырхызами, имеет сходство с Алтайскими горами близ места истока Иртыша. Далее Алтай предполагается смыкающимся с горами, стоящими к западу от Иртыша, среди которых следует искать и гору K.ndav.r»². К западу от Иртыша находится только Тяньшань или гора Имеон, которая, по мнению В.Ф. Минорского, именовалась Кундуар. От ее подножий, как сообщает Михаил Сирийский, и выступили в свой трудный путь болгары. Следовательно, от этого топонима могли приобрести свое название унногундуры или, наоборот, горы приняли название племени кундур.

Иранский компонент в этногенезе болгар-унногундуrow был весьма значительным, что прекрасно иллюстрируется на данных ономастики. Считается, что имя хана дунайских болгар Аспаруха состояло из иранских слов *асп* ‘конь’ и *раука* ‘белый’, то есть «белоконный». Одного из сыновей правителя Великой Булгарии Кубрата завали Бат-Баян. Вторая часть этого имени является производной от тюркского *бай* ‘богатый’, ‘священный’. Первая часть имени выводится из иранской титулатуры: *бад/над* ‘начальник’ (для сравнения: бад-шах – «главный шах» (падишах); испах-бад – командующий конницей в Сасанидской армии; муг-бад (мобед) – глава магов, иерарх зороастрийской церкви и т.д.). Одного из предков Аспаруха звали Курт, в чем мы можем видеть иранское слово *gurd* ‘храбрец’³, но не тюркское «волк», как думают некоторые исследователи. Слово *курт* в

¹ Hudud al-‘Alam. P. 66.

² Ibid. P. 202.

³ В значении «удалец» оно употреблялось и для обозначения кочевников Ирана, несших военную службу, – курдов. Данный корень также лежит в основе славянского слова «гордый».

значении 'волк' закрепился только у части огузских племен, связанных общностью пережитых политических потрясений в VI–VII вв., в частности, у предков турок, азербайджанцев, туркмен и башкир, как табуированное имя тотема. У болгар и других тюрков для обозначения волка употреблялось слово *бури*. Известно, например, что болгарский наместник в Белграде в 885 г., носил имя Боритакан¹. Шафарик трактует его как *Борита-хан*, тогда как, скорее всего, здесь нужно видеть *Бори-та[r]кан*, то есть тархан по имени *Бори* ('волк').

Таким образом, *унногундуры*, древний субстрат болгарской народности, представляли собой тюркизированных туранцев, являвшихся помесью *уннов* и *кундуоров*. Дальнейший процесс этногенеза средневековых болгар на Северном Кавказе шел по линии инкорпорации в их состав различных тюркских, угорских, туранских и даже кавказских этнических компонентов: уногуров, савиров, берзилов, изгилей, юрми, баланджар и др. Смешанный этнический состав унногундуоров отразился в их новом названии. Тюркский глагол *булгау* или *булгамак* значит 'смешивать', 'взбалтывать'. Этноним болгар мог образоваться путем прибавления к корню *булга* этнонимического суффикса *-ар-* и означать 'метис' или 'помесь'. С. Г. Кляшторный переводит его как 'мятежник', хотя последнему соответствует тюркское *булгак* ('смутьян'), но не *булгар*². В целом, следует согласиться со А. П. Смирновым, писавшим, что болгары «входили в число алано-сарматских племен, ассимилировавшихся с частью азиатских кочевников, в частности гуннов»³. Ономастический материал, зафиксированный византийской литературой, также говорит в пользу большой доли иранского компонента в среде кавказских гуннов⁴.

¹ Шафарик П. Славянские древности. Т. 1. Кн. 1. С. 270, 346.

² Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель. С. 63.

³ Смирнов А. П. Очерки по истории древних болгар // Труды ГИМ. Вып. XI. М., 1940. С. 60.

⁴ Maenchen-Helfen J. O. The world of the huns. Berkeley-Los Angeles-L., 1973. P. 442.

Вернемся к преданию Михаила Сирийского, в котором четко датируется лишь заключительный акт миграции болгар к границам Византии в правление Маврикия. Весь остальной маршрут – от горы Имеон до Северного Кавказа – был пройден ими в более ранний период. В IV в. болгары-унногундуры из Семиречья переселяются на Северный Кавказ в «страну алан, называемую Берсалия». Датировка этого события основана на данных анонимного Латинского Хронографа 354 г., содержащего глоссу «Ziezi ex quo Vulgares», которая объявляет болгар потомками Зиезия, сына библейского Сима¹. Кроме того, автор IV в. Мар Абас, чье сочинение использовал Моисей Хоренаци, сообщает, что болгары-унногундуры поселились в местности Басен (ныне область города Пасин в верховьях Аракса на территории Турции): эти земли «впоследствии были заселены переселенцами Вхндур Булгара (т. е. унногундуры-болгары – С. Х.) Вунда, по имени которого названы Ванандом»². Как видно из предания, сообщаемого Михаилом Сирийским, двое братьев с их «скифами» остались в Берзилии, а один из них с 10 тысячами воинов уходит далее на запад. Эту подробность не следует понимать буквально, то есть как хронологически последовательное действие. Она подчеркивает только то, что в какой-то момент от основной массы болгар, поселившейся в Берзилии, отделилась треть народа и ушла в Подунавье. Как утверждает В. Т. Сиротенко, массовых переселений болгар на Балканы было три: в 475 г.у, в конце VI в., наконец, в 670-х гг. во главе с ханом Аспарухом³. В предании, приводимом Михаилом Сирийским, говорится лишь об одном из них – о переселении конца VI в., состоявшемся в правление императора Маврикия (582–602 гг.).

В V в. Северный Кавказ становится поприщем борьбы различных племен. Армянский автор первой половины V в. Елише упоминает

¹ Chronographus anni CCCLIII. P. 105.

² История Армении Моисей Хоренского. С. 56.

³ Сиротенко В. Т. Указ. соч. С. 195–218.

хайландуров, которые прорываются через «крепость Чора» в Закавказье¹. Название *хайландур*, по всей видимости, есть искаженное *унногундур*, так как ни один источник, кроме армянского, не знает племени с таким названием, тогда как нахождение на Северном Кавказе болгар-унногундуров в это время является неоспоримым фактом. Кроме того, учитывая неустойчивость армянской фонемы *l*, переходящей в *g* (напр., Лазар ~ Газар, Левонд ~ Гевонд, Елише ~ Егише), не исключается вероятность чтения гундур во второй части этнонима [хай]ландур.

Елише (Елисей) пишет о связях, существовавших между хайландурами и кушанами, не сообщая при этом никаких подробностей, дающих понять природу этих взаимоотношений: некий «хон по имени Бэл, который был царского рода, из страны хайландуров» прибыл ко двору кушанского царя², чтобы побудить его к войне против Ирана³. В связи с этим Димитр Димитров обращает внимание на сильную «сарматизированность» унногундуров и кушан, отмечая, тем самым, общие черты в этногенезе тех и других⁴. Действительно, ранние этапы истории кушан протекали в Восточном Туркестане и Притяньшанье, то есть там, где, предположительно, сформировались унногундуры⁵. С другой стороны, А. Н. Бернштам отмечает, что усунь или кушаны подверглись определенной тюркизации в период активных контактов с гуннами⁶.

В 463 г. в Константинополь прибыло посольство племен Припонтийской Скифии. О причинах их переселения на запад рассказывает Приск: «сарагуры, уроги и оногуры, племена, выселившиеся из родной земли

¹ Юзбашиян К. Н. Армянская эпопея V века : От Аварайрской битвы к соглашению в Нуарсаке. Елише. Слово о войне Армянской. М. 2001. С.198.

² На самом деле Бэл прибыл ко двору эфталитского царя, т. к. Кушанское царство уже было в прошлом. Однако в восточной традиции территория Средней Азии по-прежнему именовалась Кушаном.

³ История Армении Моисей Хоренского. С. 288.

⁴ Димитров Д. И. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна, 1987. С. 65.

⁵ Зеймаль Е. В. Кушанская хронология : материалы по проблеме // Междунар. конф. по истории, археологии и культуре Центр. Азии в кушанскую эпоху (Душанбе, 1968 г.). М., 1968. С. 83.

⁶ Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. С. 105.

вследствие враждебного нашествия сабиров, которых выгнали авары, в свою очередь изгнанные народами, жившими на побережье океана»¹. Это сообщение стало предвестием будущих потрясений. В V в. на исторической арене появляются хазары, что находит отражение в «Истории Армении» Моисея Хоренского, а также фиксируется Балазури в рассказе о деятельности персидского шаха Кавада I. В предании Михаила Сирийского об их появлении говорится следующее: «Когда над этой страной [Берсалией] стал царствовать чужой народ, они были названы хазарами по имени старшего брата, который именовался Хазариг»².

Данный пассаж нуждается в интерпретации. Хазары не могут быть упомянутым «чужим народом», так как их эпонимом является один из «скифских братьев» по имени Хазариг. К тому же, они выдвинулись из среды населения Берсалии. С. Г. Кляшторный прямо утверждает, что «хазары были частью барсиллов»³. Однако, не доверяя армянским источникам и ориентируясь на византийскую традицию, он полагает, что их появление нужно относить лишь к VI в., когда их упоминает сириец Захарий Ритор⁴. А. В. Гадло, говоря о времени выхода хазар на историческую арену, указывает на V в., что полностью согласуется с преданием Михаила Сирийца: именно в V в. степи Северного Кавказа и Причерноморья оказались в руках «чужих» народов – оногуров, сарагуров и урогов. Именно тогда часть населения Берсалии «была названа хазарами по имени старшего брата, который именовался Хазариг». Как видим, Берзилия существовала задолго до прибытия болгар и, тем более, появления хазар. Для первых она была своеобразной перевалочной базой для их дальнейших странствий, а для вторых – колыбелью.

¹ Prisci Fragmenta // Historici graeci minores. Vol. I. Lipsiae, 1870. P. 341.

² Chronique de Michel le Syrien. P. 363–364.

³ Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель. С. 66.

⁴ Пигулевская Н. Указ. соч. С. 165.

Как уже говорилось, Феофан Византиец помещает хазар в Берзилии, стране «Первой Сарматии»¹. В то же время предание Хишама аль-Калби о братьях, которых звали Хазар, Бурсул (بُرْسُل) и Хуваризм, указывает на Хорезм и Приаралье, как место первоначального обитания берзилов и хазар². Налицо явное противоречие, которое устраняется в свете данных арабского энциклопедиста XIV в. Ибн Фадл Аллах аль-‘Умари, который писал следующее: «И примыкает к Хорезму округлая земля, которая носит название Мангышлак; ее протяженность составляет 5 месяцев пути и столько же ее ширина; вся она представляет собой степь, которую населяют многочисленные племена бурджан»³. Думается, что сведения названного автора относятся к более древней эпохе, чем XIV в.

Таким образом, берзилы/бурджаны были расселены на обширных территориях по обе стороны северной акватории Каспийского моря от Дербента до Мангышлака, где их земли примыкали к Хорезму. Следовательно, пассаж Феофана о том, что «из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар» можно рассматривать в несколько ином свете. По всей видимости, хазары переселились в V вв. на Северный Кавказ именно из приаральской части Берзилии, вытесненные оттуда «чужими» народами. «Азиатская», то есть расположенная на восточном берегу Каспия, часть данной области осталась незамеченной армянскими и византийскими авторами. В связи с этим становится понятным то, почему гвардия хазарского царя состояла из представителей племени аорсов или арсиев, обитавших в Хорезме⁴. Коль скоро хазары происходили от берзил/бурджан, а те, в свою очередь, были ветвью алан, то и сами хазары должны были происходить из среды ираноязычных племен Приаралья.

¹ Чичуров И. С. Указ. соч. С. 61.

² Йакут ар-Руми. Указ. соч. Т. II. С. 395.

³ Ибн Фадл Аллах аль-‘Умари. Масалик аль-абсар фи мамалик аль-амсар. Т. 3. Бейрут, 1971. С. 157; Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 221, 243.

⁴ Maçoudi. Op. cit. Т. II. P. 10.

Именно родственные связи с ними побуждали хазарских правителей рекрутировать вооруженные силы в Хорезме.

Касаясь вопрос этнической атрибуции хазар, нужно учитывать, что в поздний период своей истории они не были не идентичны своим предкам. Судя по письму царя Иосифа, хазарская конфедерация состояла из 10 племен – *авийор, турис, авар, огуз, берзил, т.р.на, хазар, янур, болгар, савир*¹. Как можно заметить, собственно хазары были лишь одной из этнических групп племенного союза, не связанной происхождением с другими. Об их этнической природе говорит самоназвание: слово хазар на иранских языках значит ‘тысяча’. В сармато-аланских диалектах оно имело ту же семантику, о чем можно судить на примерах из современного венгерского языка, который складывался в тесных контактах с иранскими наречиями севера Евразии: *[h]ezer* по-венгерски значит ‘тысяча’. Арминий Вамбери производил их название от тюркского *kaz-errer*, что означало ‘кочевник’, хотя хазары по многочисленным свидетельствам были оседлым народом². Важно отметить, что названия всех племенных образований Хазарского каганата претерпели характерный для тюркских языков переход *[r] < [z]* в процессе преодоления древнего ротацизма: *огур ~ огуз, авар ~ аваз*³, *сувар ~ суваз*⁴, *булгар ~ бургаз*⁵. Только этноним хазар остался без изменений. Это говорит в пользу того, что данное слово использовалось в живой речи в качестве числительного, а его значение отлично осознавалось как самими хазарами, так и их соседями. Касаясь хазар, аль-Масуди пишет о них: «И называются они по-тюркски сабир, а по-персидски – хазаран. Они – род оседлых турок. По-арабски их называют аль-хазар. И кроме них на их языке не разговаривает никто. И у

¹ Коковцев П. К. Указ. соч. С. 91.

² Артамонов М. И. Хазары и турки // Открытие Хазарии. М., 1996. С. 456.

³ В Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа огуры и авары именуются *угуз* и *аваз* (См.: Коковцев П. К. Указ. соч. С. 72, 86, 91).

⁴ Название *суваз*, как переходная форма от *сувар* к автономному чуваш, зафиксирована Ибн Фадланом (см.: Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 139).

⁵ Данная вариация этнонима *булгар* приведена в сочинении аль-Масуди (см.: *Maçoudi*. Op. cit. Т. II. Р. 7).

них есть единый царь»¹. Свидетельство арабского историка несет в себе важную информацию: тюрки используют не иранское название *хазаран*, т. е. 'хазары' (этноним *хазар* с прибавлением суффикса множественного числа *-ан-*), а экзоним *сабир*.

Эта коллизия, по всей видимости, объясняется тем, что переселение большой массы савиров в район Нижней Волге позднее привело к языковой ассимиляции первоначально ираноязычных хазар. Кстати, их смешанное происхождение отмечено современниками. Аль-Истахри писал: «Они бывают двух видов: один класс называется кара-хазар, чья смуглость настолько сильна, что доходит до черноты кожи как у индусов; другой класс имеет белую наружность, они хороши собой и красивы»². Автор, сильно сгущая краски, отметил очевидный для него факт этнической неоднородности хазарского объединения, включавшего в себя европеоидных хазар и отличных от них савир. А. П. Новосельцев считает, что именно савиры (сувары) сыграли решающую роль в их этногенезе³. Ибн-Хаукаль писал, что язык болгар подобен языку хазар⁴. Махмуд Кашгари считал язык печенегов близким к болгарскому и суварскому⁵. Арабские авторы, знакомые с новотюркскими языками огузов, карлуков, кимаков, кыпчаков, башкир, потому и писали, что язык хазар отличается от языков тюрков и персов и вообще не похож ни на один из известных языков⁶. Словом, все эти языки – болгарский, суварский, хазарский и печенежский – представляли собой палеотюркские наречия, близкие к современному чувашскому языку. Аналогичный процесс языковой ассимиляции арсиев шел и в Хорезме: Бируни пишет, что «язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского»⁷. Таким образом, весь наличный материал, во-первых,

¹ *Mas'udi*. Kitab at-tanbih va-l-ishraf. P. 83.

² *Viae Regnorum : Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al'-Istakhri*. P. 223.

³ *Новосельцев А. П.* Указ. соч. С. 81.

⁴ *Ibn Haukal*. *Viae et Regna // BGA. Pars II*. Leiden, 1873. С. 285.

⁵ *Kaşgarlı Mahmud*. *Divanü Lugat-it-Türk Tercümesi*. Cilt I. Ankara. 1992. S. 30.

⁶ *Viae Regnorum : Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al'-Istakhri*. P. 222.

⁷ *Волин С.* Указ. соч. С. 94.

значительно расширяет границы Берзилии, а, во-вторых, дает повод для пересмотра привычных взглядов на вопрос происхождения хазар, так как имеются веские основания предполагать их сармато-аланское происхождение.

Что касается этнополитических процессов в этот период, то они протекали следующим образом. В IV в. от «горы Имеон» в Берсалию приходят болгары-унногундуры (хайландуры) и становятся господствующей группировкой на территории прикаспийских областей Кавказа. В V в. из «глубин Берзилии», т. е. из Приаралья, «выходят» хазары, вытесняют болгар к западу и захватывают ряд областей Закавказья. Болгары же волнами – в 475 г. и в конце VI в. – переселяются из Приазовья на Балканы. Однако, уходят далеко не все, и развязка многовекового болгарско-хазарского конфликта была еще впереди.

Миграция в 60-х гг. V в. сарагуров, урогов, а также оногуров (уногуры), завершила формирование этнического облика Предкавказья, который просуществовал в течение довольно продолжительного периода времени. Племена иранского происхождения (аланы, маскуты, берзилы/бурджаны, хазары) соседствовали с тюркоязычными унногундурами (болгарами) и вышеназванными этносами, происхождение которых до сих пор является предметом дискуссии¹. В довершение ко всему в начале VI в. на Кавказ явились савиры. Феофан под 516 г. отмечает: «В этом году гунны, именуемые савир, переправившись через Каспийские ворота, совершили набег на Армению, разграбив Каппадокию, Галатию и Понт»². Однако, доминированию савиров вскоре пришел конец. В 552 г. на территории современной Монголии возник могучий Тюркский каганат³. В 553 г.

¹ Уроги, сарагуры, кутригуры, утигуры, оногуры и савиры традиционно считались по происхождению уграми, в разной степени подвергшимися гуннскому влиянию. Однако в последних работах С. Г. Кляшторного утверждается, что они представляли собой конгломерат огурских (огузских), т. е. тюркоязычных, племен (см.: *Кляшторный С. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель.* С. 66).

² *Чичуров И. С.* Указ. соч. С. 49.

³ *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. С. 32.

тюркские войска разгромили аваров (жужан), чье имя на протяжении предыдущего столетия наводило ужас на народы Срединной Азии.

В 555 г. тюрки достигли Аральского моря и вступили в борьбу с племенами *хуни* и *вар*, которые, не выдержав натиска, бежали на Кавказ, где приняли псевдоним аваров. Феофилакт Симокатта пишет: «Барсельт (берзилы), уннугуры, сабиры и, кроме них, другие гуннские племена, увидав только часть людей вар и хунни, бежавших в их места, прониклись страхом и решили, что к ним переселились авары»¹. Хитрость удалась: все северокавказские племена изъявили покорность перед «владыками Азии», и «почтили этих беглецов блестящими дарами, рассчитывая тем самым обеспечить себе безопасность». «Псевдоавары», как их именует Феофилакт, «воспользовавшись ошибкой тех, которые прислали посольства, и сами стали называть себя аварами»². С. Г. Кляшторный считает их огурами и причисляет к числу огузских племен³. Далее, они отправили своих послов в Константинополь, где те, представ перед императором Юстинианом, заявили: «К тебе приходит самый великий и сильный из народов; племя аварское неодолимо...и потому полезно будет тебе принять аваров в союзники и приобрести себе в них отличных защитников»⁴. Юстиниан отказал им, а его преемник Юстин II и вовсе перестал выплачивать аварам дань. Тогда они, объединившись с кутригурами, в 567 г. самовольно вторглись в Паннонию и в союзе с лангобардами уничтожили германское племя гепидов, а также покорили местных славян. Их правитель Баян провозгласил себя каганом и заставил империю возобновить выплату дани.

Менандр Протектор сообщает, что «авары вскоре затеяли войну с утигурами, потом с залами, которые уннского племени, и сокрушили силы

¹ Феофилакт Симокатта. Указ. соч. С. 160.

² Современные исследователи полагают, что среди вархонитов («псевдоаваров») были и «подлинные авары».

³ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 72.

⁴ Менандр // Византийские историки : Дексипп, эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003. С. 235.

савиров»¹. Сличив между собой известия Феофилакта и Менандра, Йозеф Маркварт пришел к выводу, что под таинственными *залами* скрываются *берзилы*. Феофилакт и Менандр пишут об одном и том же времени – середине VI в. Оба знают на Кавказе только три племени, однако Феофилакт упоминает берзилов (барсельт), уннугуров и сабиров, а Менандр – залов, утигуров и также савиров. Дьюла Моравчик и А. В. Гадло считали, что уннугуры впоследствии разделились на кутригуров и утигуров². Поэтому, уннугуры Феофилакта и утигуры Менандра представляли собой одно и то же племя. Следовательно, по мнению Маркварта, слово *Zαλας* есть усеченное <Вар>*ζαλας*³.

Исход войны аваров с <бар>*залами* и с утигурами неизвестен. Известно лишь, что авары «сокрушили силы савиров»⁴. Последние пришли в рассеяние – одна их часть соединилась с аланами, другая часть ушла в Албанию, третья в Персию, а остальные переселились на северо-восток «до реки Талты» (Атил или Волга), и позднее слились с хазарами, став доминирующим компонентом этого объединения⁵. Основная часть берзилов удержалась на своих коренных землях в Восточном Предкавказье. Однако, другая часть, возможно, была увлечена движением аваров или одной из волн болгар на запад, о чем будет сказано отдельно. Таким образом, сведения Менандра и Симокатты позволяют утверждать, что в период после падения державы Атиллы и до середины VI в. берзилы наряду с савирами и уннугурами были в числе доминирующих племен в степях Северного Кавказа, о чем говорит то внимание, которое проявляет к ним византийская историография. О хазарах в этот период она умалчивает. Видимо, кратковременное возвышение хазар в V в. сменилось гегемонией савир,

¹ Менандр // Византийские историки ... С. 236.

² Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 80.

³ Marquart J. Die altbulgarische Ausdrücke in der Inschrift von Çatalar und der altbulgarischen Fürstenliste // Известия русского археологического института в Константинополе. Т. XV. – София, 1911. С. 17.

⁴ Менандр // Византийские историки ... С. 236.

⁵ Патканов К. Указ. соч. С. 31.

которые безраздельно повелевали прикаспийскими степями и опустошали Закавказье в первой половине VI в. Однако, поражение, нанесенное им аварами в середине того же столетия, свело на нет их усилия, и дало толчок возобновлению старого соперничества между булгарами и хазарами. Тюрки, завоевавшие Кавказ во второй половине VI в., опирались в своей региональной политике на хазар и берзил, поэтому пальма первенства на несколько десятилетий была перехвачена именно ими.

Вернемся к предполагаемой миграции части берзилов на запад. Данный вывод основан на сведениях византийских источников. Начиная с 575 г., авары совершают серию походов в пределы Византийской империи¹. В них участвуют и славяне, подданные аварского кагана. В 616 г. по приказу своего сюзерена они осаждают Фессалоники. Архиепископ Фессалоникийский Иоанн (VII в.) в своем сочинении «Чудеса святого Димитрия Солунского» пишет: «поднялся народ славян, бесчисленное множество, состоявшее из дрогувитов (**Δρογουβιτων**), сагудатов (**Σαγουδατων**), велегезитов (**Βελεγεζητων**), ваюнитов (**Βαιουνητων**), верзитов (**Βερζιτων**) и других народов»². Последние, предположительно, могли соответствовать берзилам. Как можно заметить, все перечисленные этнонимы образованы с помощью суффикса *-ит-*. Следовательно, название верзитов восстанавливается как *берз* (**Βερζ**), которое, как уже говорилось, является праформой самоназвания народа берзил/бурджан. Однако, на основании лишь созвучия имен нельзя с достаточной долей уверенности говорить о соответствии их друг другу. Поэтому отождествление названных племен можно рассматривать лишь как рабочую гипотезу. Если она верна, то миграцию берзилов на запад нужно рассматривать либо в контексте движения аваров в 60-х г. VI в., либо болгар, вторая волна переселения которых происходит в конце того же столетия.

В 618 г. состоялось более мощное нападение на Фессалоники, теперь с участием самого кагана, который «вместе со всеми славянами, болгарскими и

¹ Иречек К. История болгар. Вып. 1. Варшава, 1877. С. 111.

² Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.). М., 1995. С. 125.

многочисленными народами» выступил в поход. Сохранился интересный рассказ об этом событии, характеризующий уровень военного дела аваров и их союзников. «Жители города увидели невиданное множество варваров, полностью облечённых в железо, и поставленные повсюду каменёты, поднимающиеся к небу, которые превосходили высотой зубцы внутренних стен. Одни готовили так называемых «черепашек» из плетёнок и кож, другие – у ворот «баранов» из огромных стволов и хорошо вращающихся колёс, третьи – огромные деревянные башни, превосходящие высотой стену, наверху которых были вооружённые сильные юноши, четвёртые вбивали так называемые горпеки, пятые тащили лестницы на колесах, шестые выдумывали воспламеняющиеся средства»¹. Тем не менее, осада города затянулась на целый месяц. Тогда каган предложил горожанам перемирие при условии выплаты контрибуции. Получив желаемое, авары и их союзники удалились прочь.

В это же самое время на Кавказе развивались не менее бурные политические события. В царствование шаханшаха Хосрова Ануширвана (531–579 гг.) Закавказье подверглось нашествию «народов севера». Табари пишет: «И вот народы, называемые *абхаз* (أبخز), *б.ндж.р* (بنجر), *б.л.ндж.р* (بنجر) и *алан* (الآن), объединились для похода на его [Ануширвана] страну и вторглись в Армению для набега на ее обитателей. Их путь проходил по легкопроходимым местам, и Хосрой не обращал внимания на то, что они делали, пока те не вторглись в его страну. Тогда он двинул против них войска, которые вступили с ними в сражение и уничтожили их, исключая 10 тысяч человек. Этих захватили в плен и поселили в Азербайджане, а также в прилегающих к нему областях»². Комментируя этот отрывок, М. И. Артамонов писал, что упоминание причерноморских абхазов в одном ряду с прикаспийскими народами невероятно и, по всей видимости, является

¹ Чудеса св. Димитрия Солунского. С. 135–137.

² Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Prima series. Pars II. P. 895.

опиской. Поэтому вместо *абхаз* (ابخز) он предлагает читать *хазар* (خزر)¹. По всей видимости, об этих же событиях пишет и ан-Нувайри: «Затем хазары опустошили Армению и Азербайджан, совершая туда набеги. [Хосрой] послал против них войска, которые с ними сражались, победили и уничтожили всех, за исключением взятых как рабы. Они просили пощады и получили ее. Он отправил обратно начальников войск и поместил их как марзбанов, ввиду насилия со стороны хазар. Он приказал выстроить стену и соорудил ее в Армении посреди моря, сложив из камней и извести, выставив ее как барьер с той стороны, откуда хазары совершали свои набеги, вторгаясь в Армению. Он поместил одного из своих марзбанов как стража в этом месте с 12000 всадников, избранных героев среди прочих. Он позволял им садиться на золотой трон, и это было место, известное под названием Баб аль-Абваб»².

Постоянная угроза с севера и, практиковавшаяся в связи с этим, выплата откупа в обмен на прекращение набегов северных племен на территорию Ирана, вынудила шаха воздвигнуть на их пути непреодолимое препятствие. Как уже говорилось, строительство Дербентских укреплений не было единовременным актом: Ануширван лишь закончил дело своих предшественников. Ибн аль-Асир пишет: «Царь Фируз построил в странах Сул и Аллан [защитные] сооружения, с помощью которых укрепил свою страну, а его сын Кубад увеличил их. После того, как царь Хосрой Ануширван построил в странах Сул и Джурджан сооружения в виде великих крепостей, вся его страна стала защищенной»³.

Загадочные, по выражению В. В. Бартольда, *б.н.дж.р* истолкованы Йозефом Марквартом как болгары⁴. А.В. Гадло по этому же поводу пишет: эти «известия несомненно были заимствованы из иранских источников и этнонимы *б.н.дж.р* и *б.л.н.дж.р* попали в арабскую письменную традицию из иранского языка. Следовательно, в них надо видеть пехлевийские

¹ Артамонов М. И. История хазар. С. 126.

² Козубовский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 22.

³ Ибн аль-Асир. Указ. соч. С. 338.

⁴ Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. S.16.

обозначения этнических групп, с которыми Сасаниды сталкивались на Северном Кавказе»¹. В лице первых он видит искаженное имя угров, а в лице вторых – болгар. При этом названный исследователь не замечает того, что название *баранджар* упоминает в своей «Записке» Ибн Фадлан как одну из групп населения Волжской Булгарии наряду с собственно булгарами². Следовательно, *б.л.н.дж.р* не могло соответствовать последним. В более поздние времена упоминается племя барадж (вероятно, стяженная форма баранджар – *С. Х.*), населявшее город Биляр в Булгарском царстве³. Таким образом, этникон «баланджарец» обязан своим происхождением ойкониму Баланджар, то есть названию известного хазарского города, и является не закодированным названием болгар, а автономом определенной группы населения Хазарии.

Нужно заметить, что отсылка к пехлевийским источникам, благодаря которым названия тех или иных племен приобретают неузнаваемый вид, в отечественной историографии стала распространенным явлением (Б. Н. Заходер, А. В. Гадло, Р. Г. Кузеев). Равным образом и название *б.н.дж.р* нет оснований связывать с уграми. Гораздо логичнее видеть в них искаженный в результате метатезиса этноним *б.р.дж.н.* Однако, следует сделать одно важное уточнение: сведения об этих племенах были почерпнуты не из арабских источников, так как *برجان* (бурджан) вряд ли могло бы трансформироваться в *بنجر* (б.н.дж.р) простой графической ошибкой переписчика. Перестановка местами второй и четвертой согласных (*n* и *r*), по всей вероятности, была результатом слуховой аберрации, возникшей во время устной передачи данного термина. Как справедливо замечает А. А. Стариков, «в то переходное время (имеется в виду период VIII–X вв. – *С. Х.*) существовала и устная традиция передачи эпических сказаний, хранимых и

¹ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 124.

² Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. С. 74.

³ Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 57.

бережно передаваемых из поколения в поколение»¹. Словом, под «загадочными» *б.н.дж.р* нужно понимать вполне прозаические для VI в. *б.р.дж.н* (бурджан). Чуть далее по тексту, после сюжета о вышеназванных народах, Табари пишет, что Ануширван во время строительства Дербента имел столкновения именно с бурджанами². Таким образом, в главе «Упоминание о царе Хосрое Ануширване» арабский историк записал две версии событий второй половины VI в. на Кавказе – арабскую, восходящую к аль-Калби, и пехлевийскую, не подозревая, что под бурджанами в первой и под *б.н.дж.р* (бунджарами) во второй скрывается один и тот же этнос. Косвенным подтверждением тому, что Табари использовал сведения обеих традиций, является использование двух названий Дербентского прохода: в одном случае он назван по-арабски *Баб аль-Абваб*, а в другом – по-ирански *Сул*.

В 555 г. Истеми-каган, правитель Западно-Тюркского каганата, в союзе с шахом Хосровом Ануширваном начал войну против Эфталитской державы. До начала военной кампании эти государи встретились в местности аль-Баршалийя или Бурджан, где заключили союз и брачные отношения с дочерьми друг друга. В 565 г. в битве у Несефа тюркюты нанесли решающее поражение эфталитам. После этого они разделили с персами земли поверженной державы, и начали готовиться к войне друг с другом, так как многолетний союз между Ираном и Тюркским каганатом полностью себя исчерпал. В 568 г. ко двору Истеми-кагана прибыл византийский посол Зимарх с целью заключения союза против Ануширвана. В ставке на реке Талас находилось также посольство персов. Каган пригласил к столу посланников обеих держав. При этом римляне были посажены на более почетные места. Каган «много жаловался на персов, уверял, что терпел от них обиды и потому шел на них войной». Однако, «персидский посол, забыв закон молчания, наблюдаемый у них за столом, начал говорить бегло и смело

¹ *Стариков А. А.* Указ. соч. С. 467.

² *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Prima series. Pars II. P. 900.*

опровергал упреки Дизавула (Истеми-каган – С. Х.)»¹. Причиной внешнеполитических осложнений была шелковая торговля. Тюрки желали, чтобы персы открыли дорогу через свою территорию для согдийских торговцев шелком, которые теперь являлись их подданными. Ануширван отверг это требование. Тогда Истеми-каган двинул свои войска к границам Ирана.

Тем временем, Хосрой Ануширван, подавив последние очаги сопротивления в Хорасане, приступил к завершающему этапу строительства Дербентских укреплений, что автоматически повлекло за собой разрыв союзнических отношений между шахом и каганом. Как пишет Табари, шаханшах напал на Бурджан, затем вернулся оттуда и построил Баб аль-Абваб². Вслед за персидским вторжением хазары и бурджаны, по всей видимости, обратились за помощью к тюркютам. Истеми-каган на правах покровителя северокавказских народов потребовал от Ануширвана выплаты дани, которую персы ранее выплачивали им. Табари пишет: «И вот он склонил к себе народы абхаз (хазар – С. Х.), б.н.дж.р (бурджан — С. Х.) и баланджар, и те выразили покорность. Они сообщили ему, что персидские цари оберегались от них уплатой выкупа, чтобы удержать их тем самым от нападений на свою страну. Тогда Синджибу выступил со 110-тысячным войском, приблизился к прилегающим областям страны Сул и отправил Хосрою угрожающее и высокомерное послание, чтобы тот прислал ему сокровища, а абхазам (хазарам – С. Х.), б.н.джарам (бурджанам – С. Х.) и баланджарам выкуп, который им выплачивали ранее персидские цари, что, если царь не поспешит с отправкой требуемого, он вступит в его страну и будет с ним биться»³. Хосров проигнорировал угрозы тюркского кагана, так как был уверен в неприступности своих укреплений. Каган, в самом деле, не сумев преодолеть Дербентские укрепления, ушел восвояси: «Синджибу-каган, узнав, что Хосрой укрепил границы Сула, с горечью удалился прочь с

¹ Менандр // Византийские историки ... С. 273.

² Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Prima series. Pars II. P. 900.

³ Ibid. P. 895–896.

теми, кто был с ним, в свою страну»¹. Данный поход должен были состояться не позднее 571 г. – года заключения мирного договора между Ираном и Тюркским каганатом². Приведенный выше отрывок интересен тем, что в нем содержится указание на то, что бурджаны были известны не только Хосрою Ануширвану, но и прежним иранским шахам, выплачивавшим им и их союзникам дань.

В Западно-Тюркском каганате хазары и берзилы были привилегированными племенами, на которые тюркюты опирались, проводя свою политику на Кавказе. Отрезок от 50-х гг. VI в. до начала 30-х гг. VII в. был периодом хазарско-берзилской гегемонии. Но вот в 630 г. в каганате вспыхнула гражданская война. Это дало возможность булгарам, соперникам хазар, освободиться от власти тюркских каганов и перехватить пальму первенства. В 635 г. вождь унногундуров Кубрат изгоняет из Причерноморья аваров и объединяет племена Северного Кавказа и Приазовья³. К началу 50-х гг. VII в. Западно-Тюркский каганат прекращает свое существование и в его европейской части возникают два государства – болгарское, возглавляемое тюркской династией *Дулу*, и хазарское во главе с правящим родом тюркютов *Ашина*. Последнее по статусу было выше болгарского, ибо возглавлялось ханской фамилией и поэтому само считалось каганатом, правопреемником предыдущих тюркских империй.

Однако булгары превосходили хазар численностью и военной мощью. Почти 30 лет они доминировали в регионе, но около 660 г. хазары начали войну, которая увенчалась успехом⁴. Хазарский царь Иосиф спустя почти триста лет писал Хасдаю ибн Шафруту, еврейскому сановнику Кордовского халифата: «В стране, в которой я живу, жили прежде в.н.нт.ры (унногундуры – С. Х.). Наши предки, хазары, воевали с ними. В.н.нт.ры были более

¹ Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Prima series. Pars II. P. 895–896.

² Артамонов М. И. История хазар. С. 137.

³ Там же. С. 160.

⁴ Там же. С. 172.

многочисленны – так многочисленны, как песок у моря, но не смогли устоять перед хазарами»¹. Разбитые болгары во главе с сыном Кубрата, Аспарухом, уходят на запад. В 680 г. они переправляются через Дунай и вторгаются в Мезию, где и создают новую Болгарскую державу. Таким образом, в VI в. берзилы/бурджаны были одним из ведущих племен Северного Кавказа, которым Сасанидский Иран выплачивал дань в обмен на мир. Став федератами западнотюркских каганов, они вместе с хазарами стали играть важную роль в международных отношениях Кавказского региона. Но в конечном итоге пальма первенства была перехвачена хазарами, сумевшими создать могущественный Хазарский каганат.

Армянский географ VII в. Анания Ширакаци пишет: «В Сарматии ...много рек, в числе их Этиль с 40 рукавами, на котором защищается народ Басилы». От кого защищаются берзилы, имеется пояснение в новом списке «Армянской Географии»: «Среди этой реки находится остров, на котором укрывается народ баслов от сильных народов хазар и бушхов, приходящих на зимние пастбища и располагающихся на восток и на запад реки»². Под загадочными *бушхами* М. И. Артамонов предлагал подразумевать башкир, тогда как А. В. Гадло видел в них болгар, ссылаясь на вариант написания данного названия *булх*³. Однако, последняя точка зрения встречает ряд трудностей, главная из которых состоит в том, что в момент написания «Армянской Географии» большая часть болгар уже была изгнана с территории Северного Кавказа на Дунай, а потому эпитет «сильный народ» к ним вряд ли был применим. К тому же остается необъяснимым, почему Анания Ширакаци на страницах своего произведения в одном случае называет болгар их собственным именем, а в другом – бушхами или бушами. Поэтому версия М. И. Артамонова нам представляется более близкой к истине, особенно, если учесть, что этноним *башкорт* по-чувашски звучит как

¹ Коковцев П. К. Указ. соч. С. 92.

² Патканов К. Указ. соч. С. 28–29.

³ Артамонов М. И. История хазар. С. 234–235; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 61.

пушкәрт. Принимая во внимание факт близости чувашского языка с хазарским и другими палеотюркскими наречиями, можно предположить, что хазары именовали башкир аналогично. Армянское название *буших*, по всей вероятности, является усеченной формой этнонима *пушкәрт*.

Китайская хроника Суй-шу отмечает башкир применительно к VII в., называя их в числе племен конфедерации теле¹. Данная группа западнотюркских племен в описываемое время расселялась от Монголии до Аральского моря. Согласно данным отчета арабского путешественника IX в. Салама Тарджумана, южные границы башкир проходили недалеко от Хазарского каганата – в степях между Нижней Волгой и Аральским морем². Поэтому нападения башкир на берзилов, о которых пишет Анания Ширакаци, не представляют собой ничего невероятного. Но непонятно, почему берзилам нужно было защищаться от союзных и родственных хазар. Вероятно, в ходе борьбы за гегемонию между булгарами и хазарами, берзилы также претендовали на особую роль во вновь складывающейся этнополитической ситуации на Северном Кавказе. Тем не менее, победили хазары, а берзилы стали подчиненным, хотя и привилегированным племенем каганата. Анания Ширакаци пишет: «царица же, жена хагана, происходит из народа базилов... Царь их называется хаган, а царица, жена хагана, хатун»³.

Княжеству берзилов/бурджан в армянской литературе, как уже говорилось, территориально соответствует «Царство гуннов». Впервые данное название появляется на страницах «Армянской географии» Анании Ширакаци (VII в.): «К северу [от Дербента] находится царство гуннов, на западе у Кавказа (т. е. западнее Кавказских гор – С. X.) город гуннов Вараджан, а также города Чунгарс и Мсндр (Семендер – С. X.)»⁴. В «Истории

¹ *Togan Z. V.* Op. cit. S. 4; *Муратов Б. А.* Телеские предки башкир в китайской хронике «Суй-шу» // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3 (34). С. 250–252.

² *Géographie d'Édrisi.* Т. II. P., 1840. P. 417; *Idrisi.* Nuzhat al-mushtaq fi-ikhtiraq al-afaaq. Vol. II. Cairo, 2010. P. 839 (5.8).

³ *Патканов К.* Указ. соч. С. 28, 31.

⁴ Там же. С. 31.

Албании» Моисея Каганкатваци (VII в.) имеется упоминание о «великолепном городе Варачане» или Вараджане, который находился к северу от Дербента и в котором жил «великий князь гуннов»¹. М. И. Артамонов, чья точка зрения относительно «царства гуннов» стала господствующей в отечественной историографии, считал, что его население составляли сувары: «оно (царство гуннов — С. X.) охватывало одно из подразделений болгар, ранее известное под именем савир»². Основанием для такого вывода стали сведения, приводимые Ибн Хордадбехом, который сообщает, что «за пределами ал-Баба [идут земли] владык сувар, лакзов, аланов, филана, ал-Маската, сахиба ас-Сарир и город Самандар»³. Из этого положения вытекает цепь следующих заключений М. И. Артамонова: коль скоро армянские источники к северу от Дербента помещают «Царство гуннов», а Ибн Хордадбех «за пределами ал-Баба», то есть Дербента, первым называет «владыку сувар», то, следовательно, населением названного «царства» были именно сувары.

Данная точка зрения имеет ряд слабых мест. Во-первых, сведения Ибн Хордадбега датируются временем его административной карьеры в качестве чиновника почтовой службы Багдадского халифата, то есть относятся ко второй половине IX в., тогда как «Царство гуннов» уверенно датируется лишь второй половиной VII в., следовательно, сведения Ибн Хордадбега отражают этнические реалии его времени, а не периода двухсотлетней давности. Во-вторых, в «Армянской географии» Анании Ширакаци, современника «царства гуннов», прямо говорится: «К востоку [от царства гуннов] живут савиры до реки Талта, отделяющей азиатскую Сарматия от

Ойконим *Семендер*, по всей видимости, соответствует названию кумыкского селения Эндирей-аул. В хазарских источниках город Керчь именуется Сам-Керц. По аналогии с этим некоторые исследователи предполагают, что название *Семендер* могло также состоять из двух частей – Сам-Эндер.

¹ История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. С. 192.

² Артамонов М. И. История хазар. С. 183.

³ Ибн Хордадбех. Указ. соч. С. 110.

Скифии»¹. Как следует из источника, в VII в. сувары жили северо-восточнее «Царства гуннов», занимая район дельты Волги, сердце Хазарии и, следовательно, не могли населять Восточное Предкавказье².

Молчание армянских источников относительно его этнического состава заставило М. И. Артамонова обратить внимание на топонимию: «Однако возможно и другое предположение, основанное на названии столицы «царства гуннов» – Варачана. Это имя в различных вариантах упоминается не только в армянских, но и в византийских источниках и, очевидно, связывается с названием страны Барсилия...»³. В конечном итоге, названный исследователь приходит к компромиссному решению о том, что население «Царства гуннов» было смешанным и состояло из суваров и берзилов. А. К. Салмин пишет более определенно: после распада в 657–659 гг. Западно-Тюркского каганата «образуется государство Сувар со столицей Варачан»⁴. Следует также принять к сведению известия Ибн Мискавейха о том, что еще шаханшах Хосрой Ануширван переселил в Бурджан большую массу тюрков «из страны аль-Хазар»⁵. Кем они были в этническом отношении, неизвестно.

Анализ имеющихся источников приводит к следующим выводам: во-первых, «Царство гуннов» возникло на территории исторической области Берзилия (Бурджан), из чего, однако, не следует, что его население к VI–VII вв. состояло исключительно из берзилов (бурджан, б.н.дж.р); во-вторых, за неимением иных сведений для этнической атрибуции племен, обитавших к северу от Дербента, приходится учитывать данные Ибн Хордадбега о том, что в IX в. на данной территории обитал «владыка сувар»; в-третьих, вопрос

¹ Патканов К. Указ. соч. С. 31.

Слово *Талта* является искаженным названием Волги *Атил*, которое сохранилось в современных башкирских гидронимах Идель (р. Волга), Чулман-Идель (р. Кама), Ак-Идель (р. Белая), Кара-Идель (р. Уфа), Кук-Идель (р. Дёма).

² Хамидуллин С. И. «Царство гуннов» и княжество Бурджан на Северном Кавказе // ВИ. 2011. № 3. С. 159–164.

³ Артамонов М. И. История хазар. С. 184.

⁴ Салмин А. К. Краткая история савиров // Вестник Томск. гос. ун-та. 2014. № 382. С. 122.

⁵ Абу 'Али Ахмад бен Мухаммад бен Я'куб Мискавейх. Указ. соч. С. 137.

о происхождении правящей династии «Царства гуннов» остается открытым, поскольку на чаше весов оказывается позднее известие Ибн Хордадбеха (IX в.) о «владыке сувар» и синхронное с описываемыми событиями свидетельство Анании Ширакаци (VII в.) о жене хазарского кагана. Из «Рисале» Ибн Фадлана известно об обычае хазарских правителей брать в жены дочерей подвластных царей (эльтеберов). Поэтому, следуя логике, можно сделать вывод, что и супруга кагана, происходившая «из народа Басилов», была представительницей эльтеберской династии «Царства гуннов». Таким образом, однозначно атрибутировать этнический состав «Царства гуннов» (Берзилии) на нынешнем уровне знаний невозможно.

Армянский писатель Мовсес Каганкатваци называет правителя «Царства гуннов» Алп-Илитвером, то есть *эльтебером* по имени Алп¹. Следовательно, Хазарский каганат представлял собой федерацию. В его состав на правах вассальных владений в разное время входили Крымская Готия, Алания, Башкирия, земли буртасов, суваров, марийцев, удмуртов, славян и, по крайней мере, три эльтеберства – Болгарское, «Гуннское» и Хорезмийское². Статус последнего восстанавливается по сведениям двух независимых друг от друга традиций – армянской и арабской. Согласно арабским источникам, среди хазарских полководцев был некий Астархан, который в 764 г. во главе войска вторгся в Закавказье и разорил ряд провинций Халифата. Табари пишет: «напал Астархан аль-Хорезми с толпой турок на мусульман в области Армения и взял в плен множество мусульман и ахль аз-зимма»³. В армянских источниках он известен как Раш-тархан «из

¹ *Алп* по-тюркски означает 'исполин', 'герой', 'витязь'.

² Эльтебер – титул автономного, но вассального правителя в тюркской иерархии, стоящего на ступень ниже хана. Абу Саид Гардизи пишет: «...Башджурт был одним из хазарских вельмож и жил между владениями хазар и кимаков с 2000 всадников...» (см.: *Бартольд В. В.* Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбār» С. 109). Названный Башджурт (персонификация этнонима *башкурт*), вероятно, также был эльтебером, что, однако, не отражено в известных науке источниках.

³ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Prima series. Pars I. P. 328.* «Ахль аз-зимма» – это христианское или иудейское население, проживающее на территории исламского правления (*дар уль-ислам*) и находящееся под защитой мусульман.

поколения Хатирлитбера»¹. В последнем названии легко узнается слово эльтебер². Данное обстоятельство дает повод предполагать существование Хорезмийского эльтеберства.

Данные известия приобрели в свое время особую актуальность в связи с научной дискуссией относительно характера взаимоотношений между Хазарским каганатом и Хорезмом. С. П. Толстов выдвинул тезис об их политическом единстве, на что указывает знаменитое письмо хазарского царя Иосифа³. Однако, его точка зрения подверглась резкой критике со стороны М. И. Артамонова. Не углубляясь в суть вопроса, лишь отметим, что гипотеза С. П. Толстова о политическом единстве Хазарского каганата и Хорезма, по всей видимости, оказалась более близкой к истине. Например, в имени полководца Ас-тархана не сложно узнать предводителя хорезмийских асов (аорсов), а его нисба – аль-Хорезми – указывает на его отечество. О том, что аланы и аорсы продолжали обитать на восточном побережье Каспия даже в X в., сообщает Бируни⁴. Проживали они и на Северном Кавказе. С другой стороны, Плано Карпини, побывавший в 1246 г. в столице Хорезма городе Ургенче, утверждает, что до монгольского разорения в нем проживало много хазар и аланов⁵. Наличие в Хазарии мусульманской гвардии *الارسية* (аль-арсийа) из Хорезма, состоявшей из племени арсиев (асов), которая, несмотря на иноконфессиональность хазарской верхушки, сохраняла ей верность, весьма показательна. Правящий класс Хазарии связывала с гвардией и, вообще, с Хорезмом не общность религии, а общность происхождения.

Упомянутый выше хорезмийский князь Ас-тархан сражался против арабов не только по причине родства с хазарами. В 712 г. арабский

¹ История халифов вардапета Гевонда. СПб., 1862. С. 92.

² «Хатирлитбер» – это, по всей видимости, искаженное *Хорезм-эльтебер*. В ряде языков топоним *Хорезм* читался как «Хоритм», как, например, в слове *алгоритм*, которое происходит от имени географа и математика аль-Хорезми. В результате метатезиса слово «Хоритм» (Хорезм) могло трансформироваться в Хатир.

³ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 229.

⁴ Волин С. Указ. соч. С. 194.

Название *ясы*, или *осы*, (осетины) является стяженной формой этнонима *аорсов*.

⁵ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М, 1957. С. 46.

полководец Кутейба ибн Муслим завоевал Хорезм и учинил жестокую расправу над хорезмийской знатью. Тем не менее, из китайских источников известно, что хорезмшах Шаушафар в 751 г. посылал в Китай посольство. Значит, Хорезм освободился от власти арабов. Участие в арабско-хазарских войнах Ас-тархана аль-Хорезми в 60-х гг. VIII в. может говорить только о том, что Хорезм, опасаясь вторичного вторжения войск Халифата, передался под протекторат Хазарии, успешно отбивавшей натиск мусульман. Об обстоятельствах восстановления арабского суверенитета над Хорезмом ничего неизвестно. Во всяком случае, лишь в самом конце VIII в. внук Шаушафара принимает арабское имя 'Абдаллах и чеканит на своих монетах имена арабских наместников.

В X в. происходит обратное явление. Теперь Хорезм протягивает руку помощи слабеющей иудейской Хазарии: в Итиль прибывает мусульманская гвардия аль-арсийа, которая отказывается сражаться с единоверцами, но охотно расправляется в 912 г. с 35-тысячным войском варягов-русов, возвращавшимся из грабительского похода в прикаспийские страны¹. Через полстолетия гвардия по какой-то причине в столице отсутствует, и беззащитная страна в 965 г. подвергается разгрому со стороны русского князя Святослава. Однако, Хазария, вопреки распространенному мнению, не погибает. Она вновь получает поддержку из Хорезма: в 985 г. эмир Ургенча Мамун ибн Мухаммад вводит в страну войска, но принуждает хазар к принятию ислама². Мукаддаси пишет: «Слышал я, что аль-Мамун совершил на них (хазар – С. Х.) нападение из Джурджании³, подчинил их и обратил в Ислам»⁴. Окончательный удар Хазарии, по всей видимости, нанесли в XI в. хлынувшие с востока *кыпчаки*. Таким образом, предположение о локализации прародины хазар в Приаралье, основанное на предании аль-Калби о родстве между хазарами, хорезмийцами и берзилами, имеют под

¹ *Maçoudi*. Op. cit. Т. II. Р. 23.

² *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 253–255.

³ Джурджания – арабское название города Ургенч.

⁴ *Mokaddasi*. Op. cit. Р. 361

собой реальные факты многовековых этнических и политических связей между Хазарией и Хорезмом.

Мовсес Каганкатваци оставил красочное описание религиозных представлений населения «Царства гуннов»: «Преданный сатане, народ этот, охваченный заблуждением древопоклонения, по северной холодной глупости своей вздорные и ложные верования, скверные языческие обряды свои считал выше [других]. Если громогласное огненное сверкание молнии, обжигающее эфир, поражало человека или другое животное, то они считали, что это жертва, посвященная богу Куару, и служили ему. И еще почитаемому ими идолу какому-то, огромному и безобразному богу Тангри-хану, которого персы называют Аспандиат, приносили в жертву коней на кострах»¹. В этом пассаже принято видеть отражение этнического многообразия «Царства гуннов»: А. В. Гадло в поклонниках бога Куара видел ираноязычных кочевников массагетов-маскутов, а Тангри-хан, соответственно, был богом тюркоязычных гуннов.

Исследователи сопоставляют имя *Куар* с древнеиранским словом *hvar* 'солнце'. Солярные культы были распространены среди индоевропейских народов. Например, высшим божеством древних славян был громовержец *Сварог* (*Svar* или *Surya* – бог солнца у индийцев – через оппозицию индоевропейского *-s-* иранскому *-h-* сходятся с *Hvar*). Так же и северокавказский *Hvar*, судя по описанию Каганкатваци, был богом-громовержцем. Что касается, имени *Аспандиат* или *Аспандиар* (Асфандиар), то с иранских языков его можно перевести как 'сотворенный святыми'². Впрочем, возможна и другая семантика: *Аспанд* (ср. авестийское *Spenta* и латинское *Santa*) 'святой' + *дад* (ср. английское *dad*, русское 'дед', таджикское 'дада') 'батюшка' = 'небесный отец' или *Аспанд* 'святой' + *дад* 'дар' = 'дар святого', как, например, в имени Митридат 'дар Митры'. Что касается *Тенгри-хана*, то он является тюркским аналогом *Куара-Аспандидада*,

¹ История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. С. 193.

² Чунакова О. М. Указ. соч. С. 210–211.

так как эти имена коррелируются между собой. Земной парой «небесного отца» Тенгри-хана, Куара-Аспадиата, была некая Афродита. Кагакатваци пишет: «колдуны, ворожеи и чародеи [слуги богини] Афродиты начали свое неистовое колдовство, стали обращаться к земле, с лживыми призывами»¹. Обращение «слуг Афродиты» к земле разоблачает в названной богине тюркское божество *Йер-Суб* (Земля-Вода), небесной персонификацией которого была богиня *Умай*². Почитание наряду с иранскими божествами тюркских божеств свидетельствует о далеко зашедшем процессе тюркизации населения Берзилии (Бурджана).

«Царство гуннов», судя по источникам, в VII в. было передовым пограничным заслоном на пути к центру Хазарского каганата и его главной ударной силой. В 684 г. «полководец и великий князь гуннов Алп-Илитуер, взяв свое многочисленное войско, и пришедших к нему из разных стран, из мужественной страны Гога (Гог и Магог, то есть север – С. Х.), вооруженных в броню ратников с их воеводами, знаменами, полками, броненосных стрелков и вооруженных всадников, покрытых кольчугами, сделал набеги на Агванию», то есть в Кавказскую Албанию³.

Незадолго до этого ее правитель князь Джуаншер признал власть Арабского халифата. Когда он был убит в результате заговора, *Алп-Илитвер*, вернее *Алп-эльтебер*, под предлогом мести за его смерть, вторгается в соседнюю страну и принуждает нового албанского князя Вараз-Трдата признать себя вассалом Хазарии. Страдая от гнета «лютого племени таджиков», то есть арабов, знать и духовенство Албании склоняет «великого князя гуннов» Алп-эльтебера к принятию христианства с тем, чтобы затем использовать его в качестве своего защитника от мусульман. Вараз-Трдат отправляет в «царство гуннов» миссию во главе с епископом Исраэлем, которая добирается до Дербента. «Там горожане с большими почестями

¹ История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. С. 202.

² *Хамидуллин С. И.* Тюркское Небо // Вестник Бирской социально-педагогической академии. № 7. Бирск, 2006. С. 126–127.

³ История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. С. 185.

приняли их, а затем и проводили дальше. [Наконец] накануне сорокадневного поста они прибыли в великолепный город Варачан»¹.

Автор «Истории Албании» не скупится на похвалы Алп-эльтеберу: «Сам он, прославившись силой, богатством и храбростью в войнах, как олимпийский народ греков, прослыл пред всеми могущественным и наследовал великолепную, доблестную силу; показал много подвигов храбрости в Туркестане хазарскому хану. Он успел снискать его любовь, и принужден был дать ему свою дочь в супружество, а сам, достигши почетной старости, прославлен был в трех странах»². Данный пассаж звучит в унисон данным «Армянской Географии», согласно которым жена хазарского кагана – *хатун* – происходила из племени базилов. Таким образом, между правящей династией Хазарского каганата и княжеским родом «Царства гуннов» существовали близкие матримониальные отношения. Кстати сказать, вардапет Гевонд правителя «Царства гуннов» («Гуннского» эльтеберства) именуется *Алп-тарханом*. По-видимому, титул эльтебера отражал отношения вассала и сюзерена, тогда как тархан был служебным чином каганата.

Арабские источники не знают города Вараджан, упоминаемого армянскими авторами в качестве столицы «царства гуннов». Арабский полководец Салман ибн Раби'а в 654 г. ставил целью захват Беленджера. Йакут ар-Руми пишет, что мусульмане в это время нападали на хазарскую область Бурджан. Оставив позади Дербенд, Салман захватывает «гуннский город» Таргу (село Тарки близ Махачкалы), двигается на север и достигает «быстрой реки». Севернее Махачкалы есть только одна крупная река, это – Сулак. За рекой стояло хазарское войско, прикрывавшее город Беленджер. Полководец форсировал реку и пошел к городу, под стенами которого произошло генеральное сражение между мусульманами и войсками кагана. Битва закончилась победой хазар. Аль-Куфи через много лет писал: «Их

¹ История агван Моисея Каганкатваца, писателя X века. С. 192.

² Там же. С. 199.

могилы известны там, в Баланджаре, их до сих пор именуют «могилами мучеников»¹.

По мнению М. Г. Магомедова, Терско-Сулакское междуречье было центром Берзилии: «Очевидно, именно здесь должен был сложиться и первый центр Хазарии, известный под названием Беленджер». Что касается его локализации, то «наиболее возможный пункт его формирования – незаурядное по своим особенностям Верхнечирюртовское городище, расположенное у реки Сулак и занимающее стратегически важный пункт на границе предгорий и низменности»². Обнаруженные археологами могильники близ Буйнакса в Дагестане приписываются берзилам³. Следовательно, считают исследователи, Беленджер и был столицей «Царства гуннов». Его название выводится из персидского языка: *боланд*, то есть ‘высокий’ и «джор» – ‘ущелье’. Однако, именно в предгорьях Кавказа находился город Вараджан, которому армянские авторы также отводили роль столицы «царства гуннов». Не исключено, что все три названия (персидское, армянское и аланское) – Беленджер, Вараджан и Бурджан – относятся к одному и тому же населенному пункту.

По традиции того времени, политические центры носили имя господствующего на данной территории этноса: Булгар, Сувар, Ошель (Ашкиль/Изгиль), Мокша, Башкурд⁴. Не был исключением и город Бурджан (Вараджан). Его население было смешанным: одним была характерна примесь монголоидных признаков, другим – кольцевая деформация черепов⁵. Обычай деформации черепов был характерен для сармато-аланских племен, в нашем случае – для бурджан. Монголоидами могли быть тюрки или сувары.

¹ *Абу Мухаммад ибн А'сам ал-Куфи*. Указ. соч. С. 11.

² *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата : по материалам археологических исследований и письменных данных. М., 1983. С. 49.

³ *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в Дагестане в 1948–1950 гг. // КСИИМК. Вып. XLV. М.-Л., 1952. С. 83.

⁴ *The Geographical Part of the Nuzhat-al-qulub, composed by Hamd-Allāh Mustawfī of Qazwīn in 740 (1340).* Leyden, 1919. P. 255; *Hamd Allah Qazvini. Kitab Nuzhat al-qulub, 1641* // *The University of Michigan, Ann Arbor. Islamic Manuscripts.* 274. P. 513 (Казвини пишет: «М.к.с и Башкурд – два больших города в седьмом климате» (مکس و باشقرد دو شهر بزرگ باقليم هفتم)).

⁵ *Гаджиев А. Г.* Древнее население Дагестана. М., 1975. С. 71.

Очевидно, в древнем центре Хазарии проживали и собственно хазары. Позднее, по причине разорения, нанесенного городу в результате арабских нашествий, часть населения этого города переселяется на территорию будущей Волжской Булгарии, где становится известной под именем баранджар. М. Г. Магомедов считает, что в конце VII в. Беленджер, административный центр Берзилии, и был столицей Хазарского каганата. «Не сумев закрепиться на Тереке, хазары под натиском арабов вынуждены были перенести резиденцию кагана на Волгу – сначала в аль-Бейда, а затем в Итиль»¹.

В самом начале своей истории молодой Хазарский каганат вступил в противоборство с таким грозным противником, каким был Арабский халифат, перед которым пал Сасанидский Иран и едва держалась Византийская империя. Непобедимые арабские армии завоевали Испанию на западе и часть Западного края Китая на востоке, но покорить Хазарию им так и не удалось. Как сообщает арабский историк Халифа ибн Хайят, в 683 г. (64 г.х.) арабы «воевали аль-Бурджан и нанесли поражение многобожникам»². В 685 г. хазары совершили ответный поход против арабов. Армянский автор Пилон Тиракаци сообщает: «На первом г. его (византийского императора Юстиниана II – С. Х.) правления захватил северный народ под названием хазары Хайк, Вирк и Алуанк. Во время сражения были убиты правители Хайка (Армении – С. Х.), Вирка (Грузии – С. Х.) и Алуанка (Албании – С. Х.)»³. Хазары двинулись дальше и дошли до Ирака. Ибн Хайят сообщает, что в области Мосул ими был убит эмир Ибрахим бен Аштар бен Зияд⁴. Из этого сообщения можно представить, насколько далеко простирались набеги хазар.

¹ Магомедов М. Г. Указ. соч. С. 60.

² Тарих Халифа бен Хайят. С. 261.

³ Шагинян А. К. Армянско-албанская церковная миссия в великом княжестве Гуннском в 682–685 гг. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2013. № 2. С. 10.

⁴ Тарих Халифа бен Хайят. С. 263.

Арабы совершали контрудары. В 721 г. наместник Армении Джеррах ибн 'Абдаллах захватил Дербент и встретился с войском, возглавляемым, как единодушно сообщают источники, сыном кагана. Аль-Куфи пишет: «Барс-бек сын Хакана, царя хазар, узнал, что ал-Джаррах ибн 'Абдаллах остановился у реки ар-Ран с 25 тысячами воинов-арабов, и что он наградил имущество, перебил людей и захватил множество трофеев. Он призвал своих воинов, а затем во главе 40-тысячной армии подошел к реке ар-Ран»¹. В завязавшемся сражении победили мусульмане. Джеррах двинулся к Беленджеру, защитники которого вступили в ожесточенное сражение с арабами. Однако, тем вновь улыбнулась удача: город был взят и разграблен. После этого Джеррах, узнав о приближении свежих хазарских войск, отступил в Азербайджан. Далее обратимся к рассказу Бал'ами: «Царь хазарский послал к Хакану и ко всем неверным повеление, чтобы они явились на войну с мусульманами, что они и исполнили и выступили в поход. Хакан поручил войско своему сыну Барджилю и приказал идти в Азербайджан»². Бросается в глаза, что авторы – аль-Куфи и Бал'ами – по-разному называют «сына кагана»: Барс-бек (بارسيك)³ и Барджил. Из этого можно сделать вывод, что одно из них является личным именем, а другое родовым прозвищем. Следовательно, Барс-бек должен был принадлежать к племени барджил, то есть берзил.

Справедливости ради необходимо высказать некоторые сомнения относительно данного соответствия, поскольку не исключена возможность того, что имя Барджиль является всего лишь искаженным Барс-бек. Абу Рейхан аль-Бируни писал: «У арабского письма есть великое несчастье, именно сходство в нем форм похожих букв и необходимость для различения их точек и признаков флексии. Если их отбросить, то делается неясным

¹ Абу Мухаммад ибн А'сам ал-Куфи. Указ. соч. С. 19.

² Дорн Б. А. Известия о хазарах восточного историка Табари // ЖМНП. Ч. XLIII. Отд. II. СПб., 1844. С. 68.

³ Большаков О. Г. Уточнения к переводу «Записки» Ибн Фадлана // Древнейшие государства Восточной Европы, 1998 г. М., С. 61.

смысл»¹. Таким образом, антропоним **بارسيك** (Барс-бек) мог легко превратиться в **بارجيل** (Барджиль). В литографированном издании сочинения Бал'ами данный персонаж назван **بارجك بن خاقان** (Барджик бен Хакан)², что могло быть ошибкой переписчика: поставив соответствующий знак, он мог превратить конечную букву *l* (ل) в *k* (ك).

Нам неизвестно, какими списками компендиума «Истории царей и пророков», составленного Бал'ами, пользовался Б. А. Дорн. Однако, в пользу правильности написания имени Барджиля говорит форма **بارخيل** (Бархиль)³, запечатленная в другой редакции данного текста, так как случайная замена «дж» (ج) буквой (خ) относится к разряду широко распространенных погрешностей. Следовательно, если придерживаться его конъектуры, то перед нами князь берзилов/бурджан. Следовательно, Барс-бек не мог быть сыном кагана. Будь он таковым, у него не было бы родовой фамилии Барджиль. К тому же, он, скорее всего, именовался бы *тегином* или *шадом*, а не *беком*⁴. По всей вероятности, он приходился сыном *эльтеберу* «Царства гуннов». Барс-бек или Барджиль настиг Джерраха под Ардебилем и наголову разбил его. Бал'ами рассказывает: «Хазары нападали стремительно и мусульмане уже обратились в бегство, как вдруг один из окружавших Джерраха воскликнул: «Мусульмане! Идите в рай, а не в ад, по дороге к Богу, а не к дьяволу». При сих словах мусульмане выстроились и в порядке обратились на неприятеля»⁵. Однако, победил Барс-бек, а мусульмане вместе с Джеррахом погибли. Халиф Хишам ибн 'Абд аль-Малик «при известии о таком поражении горько плакал, а с ним вместе и все правоверные». Между тем, Барс-бек осадил и принудил к сдаче один из крупнейших городов провинции Азербайджан Ардебиль.

¹ Крачковский И. Ю. Указ. соч. С. 255.

² Бал'ами. Тарих-е Табари. Т. IV. Лакхнау, 1874. С. 717.

³ Бал'ами. Тарихнама-и Табари. Тегеран, 1997. С. 928.

⁴ *Тегин* – титул наследного принца. *Шад* – принц крови.

⁵ Дорн Б. А. Указ. соч. С. 69.

Хазарский каганат сумел отстоять свою независимость в борьбе с могущественным Арабским халифатом, что стало возможным благодаря авторитету власти хазарского кагана из тюркютской династии Ашина, которую поддерживали все племена Хазарского каганата. Однако, в конце VIII в. хазарские верхи принимают иудаизм в качестве государственной религии. Власть кагана становится номинальной. Все рычаги управления переходят в руки иудейского правителя, носившего тюркский титул *бек* или его еврейский аналог *мелех* (царь). Этот шаг имел роковые последствия для дальнейшей истории Хазарии. От каганата отпадают его христианская провинция Крымская Готия, а также ряд союзных племен, например, *кабары*, населявшие территорию современной Кабарды.

Бурджаны, принявшие христианство еще в конце VII в., по всей вероятности, также оказались в рядах протестантов. Однако, в источниках, описывающих события после 20-х гг. VIII в., более нет сведений о «царстве гуннов» и княжестве Бурджан. Правда, если не считать того, что хазарский царь Иосиф (X в.) в письме к Хасдаю ибн Шафруте, высокопоставленному еврею при дворе кордовского халифа 'Абд ар-Рахмана III, называет в числе вассальных племен и берзил (биз.л). Надо думать, что это были лишь остатки некогда многочисленного и могущественного племени, значительная часть которого покинула свою родину.

Потомки, оставшихся на Кавказе берзилов, были зафиксированы турецким путешественником Эвлией Челеби, посетившим в XVII в. окрестности Эльбруса: «На арабском языке эта гора называется Абульджибаль – отец гор. Персы называют эти высокие горы Кух-и Альборзи, потому что у подножия этих высоких гор поселились горцы племени Борзи»¹. Несмотря на то, что попытка Челеби поставить название Альбурз во взаимосвязь с горцами *борзи*, довольно сомнительна, в основном его сведения заслуживают доверия. Как пишет И. В. Зайцев, «Эвлия в целом очень точно передавал увиденное и услышанное, записывая подробности и

¹ Эвлия Челеби. Указ. соч. С. 93.

обстоятельства»¹. Интересно отметить, что карачаевцы и балкарцы, живущие в Приэльбрусье, до сих пор именуют себя аланами. Несмотря на то, что попытка Челеби поставить название Альбурз во взаимосвязь с горцами *борзи*, довольно сомнительна, интересно отметить, что карачаевцы и балкарцы, живущие в Приэльбрусье, до сих пор именуют себя аланами. Точно также их называют мегрелы и ногайцы². По всей видимости, какая-то часть карачаево-балкарцев, учитывая несомненную связь между аланами и берзилами, еще в XVII в. именовалась борзи, что и зафиксировал Эвлия Челеби.

В этой связи нелишне упомянуть, что грузинские источники XIV–XV вв. территорию современной Балкарии именовали областью Басиани, в названии которой А. В. Гадло видит видоизмененный этноним барсиллов³. О. Б. Бубенок пишет: «Весьма примечательно, что южные соседи карачаево-балкарцев – грузины – называют первых басиани, что может свидетельствовать о проживании в прошлом на территории Карачая и Балкарии потомков басиллов. Мегрелы так не называют карачаевцев и балкарцев, но используют по отношению к карачаево-балкарскому населению термин аланы»⁴. А. А. Туаллагов замечает: «Некоторые частные наблюдения позволяют предполагать сохранение в балкарских легендах воспоминаний о массагетах как прежних насельниках их земель, что в историческом плане могло бы сблизить их судьбу с судьбой части барсил (басиан)»⁵. Грузинский термин *басиани*, судя по всему, состоит из корня *ба[р]с*, в котором, как и в армянских источниках, опущена буква *r*, а также грузинского форманта множественности *ани*. Грузинское название

¹ Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV – XVIII вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники / И.В. Зайцев; Институт востоковедения РАН. – М.: Восточная литература, 2009. – С. 218.

² Хабичев М. А. Об этнонимах Alan, byzynnly, malkarly, karaçajly, tegejli // СТ. 1971. № 2. С. 126.

³ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 67.

⁴ Бубенок О.Б. Страна Берсилия: миф или реальность? С. 33; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 94.

⁵ Туаллагов А. А. Сведения «Ашхарауц» об аланах // Известия СОИГСИ. 2010. № 4 (43). С. 33.

ба[р]сиани, вероятно, является вариацией народного имени *бурз* ('высокий') + *ан* (иранский суффикс коллективности), то есть бурджан.

В результате опустошительных походов, которые совершали в VI в. иранские шаханшахи Кавад I и Хосров Ануширван, а в VII в. арабские полководцы, так называемое «царство гуннов» или княжество (эльтеберство) Бурджан пришло в упадок. Его население мигрировало в разных направлениях – на Среднюю Волгу, на Южный Урал и на Балканы. Та часть берзилов, которая все же осталась на Кавказе, по мнению А. А. Туаллагова, вошла также в состав этнографической группы осетин – дигорцев¹.

¹ *Туаллагов А. А.* Сведения «Ашхарацуйц» об аланах. С. 33.

§ 4. Бурджаны на Балканах, Средней Волге и Южном Урале

Под 679 г. в «Хронографии» Феофана Византийца сообщается, что хан Аспарух, переправившись через Днепр и Днестр, поселился севернее Дуная в укрепленном и неприступном месте, чтобы «народу, ослабленному разделом, отдохнуть от нападений врагов»¹. Схожие сведения приводит автор «Армянской географии» Анания Ширакаци. Он помещает орду Аспаруха на острове Пюки, образуемом шестью рукавами Дуная: «На этом острове живет Аспар-Хрук, сын Хубраата, бежавший от хазар из гор Булгарских и прогнавший авар на запад»². Победа над аварами, по всей видимости, вызвала приток в орду Аспаруха новых групп населения, в частности, *кутригуров*, находившихся под гнетом аварских каганов. Эта этническая группа была численно доминирующей в составе дунайских булгар, так как в VIII в. последних часто называли оногурами, то есть так, как назывались до своего разделения кутригуры и утигуры³. Судя по «Именнику» булгарских ханов, а также надписям эпохи Первого Булгарского царства (Булгарского ханства) орда дунайских булгар состояла из таких родов, как *дуло*, *вокиль* (*укиль*), *угаин*, *ерми/ермиар*, *чакарар*, *кубиар*, *кюригир*⁴. В последнем узнаются упоминаемые византийскими источниками кутригуры. Частично сохранившееся название еще одного племени содержит надпись эпохи хана Омортага: «Кан субиги Омуртаг...беше мой сътрапезник и като отиде във войската умря във войната. Беше от рода ... дуар»⁵. Перевод может быть примерно таким: «[Говорит] хан и предводитель (бег) войска (сю) Омортаг: (имярек) был моим сотрапезником, который отправился с войском и погиб в

¹ Чичуров И. С. Указ. соч. С. 61.

² Патканов К. Указ. соч. С. 26.

³ Moravcsik Gy. Zur Geschichte der Onoguren // Ungarische Jahrbücher. Bd. X. Berlin, 1930. S. 71; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 80.

⁴ Карасик А. Древнейшая Болгарская летопись // ВИ. 1950. № 5. С. 114; Рашиев Р. Болгарската езическа култура VII–IX век. София, 2008. С. 265.

⁵ Бешевлиев В. Прабългарски епиграфски паметници. София, 1981. С. 146.

войне. Он был из рода [...]дуар». Испорченная надпись может обозначать [кун]дуар, то есть собственно болгар-унногундуrow.

В названии *вокил/укиль* некоторые исследователи видят отражение этнонима *вогул* (манси). Другие видят в нем сакское племя *аугал* (*αυγαλοι*), упомянутое Птолемеем на территории Согдианы¹. Если от названий ермиар, кубиар, чакарар, отсечь суффикс *ар*, то получаем *ерми*, *куби*, *чакар*. Племя *ерми*² упоминается в «Именнике» и соответствует роду *юрми* башкирской родоплеменной номенклатуры³. Название *куби*, возможно, имеет отношение к башкирскому роду *кубау*⁴. В Башкортостане есть села *Юрмияз* и *Кубияз*, названия которых соотносятся с родами *ермиар* и *кубиар* с учетом перехода $[z] > [r]$, характерного для тюркских языков⁵. Что касается названия *чакар*, то оно восходит к этнониму *аскил*, который имеет несколько вариантов звучания: *изгиль* в Большой надписи в честь Кюль-тегина, *чигиль* в Худуд аль-‘Аламе и *джигир* (جفر) в сочинении Ибн Хордадбега⁶. Последний вариант этнонима соответствует названию *чакар* болгарских надписей. В то же время присутствие изгилей в составе дунайских болгар подтверждает Ибн Русте: «Между страной печенегов и страной аскил (اسكل) из числа болгар – первый из краев мадыарских»⁷. Как видим, орда Аспаруха состояла из разнородных этнических компонентов тюркского, иранского, угорского происхождения. Всего в его ханстве, согласно Бертинским анналам, было 10

¹ Толстов С. П. Огузы, печенеги, море Даукара // СЭ. 1950. № 4. С. 49.

² Карасик А. Указ. соч. С. 114.

Башкиры рода Юрми этнически связаны с родом Юрматы, отмеченным Константином Багрянородным в составе венгерской орды в форме *Гермат* (Γερματου). Юрмийцы ныне населяют Бакалинский район Башкортостана, а также Азнакаевский, Альметьевский, Бугульминский районы Татарстана.

³ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 124.

⁴ Этноним *куби* отразился в родовом названии северокавказских болгар «купи-булгар», отмеченном в «Армянской Географии».

⁵ Название *Юрмияз* носят аулы в Аскинском и Татышлинском районах Башкортостана. Кроме того, на Южном Урале зафиксированы гидронимы *Юрмияз* и *Юрмаиш* в бассейне реки Ак-Идель, а также два оронима *Юрма-тау*.

⁶ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности : тексты и исследования. М.-Л., 1951. С. 42; Ибн Хордадбех. Указ. соч. С. 66; Kitab al-masalik wa'l-mamalik. P. 31.

⁷ Ibn Rosteh. Op. cit. P. 142; Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадыарах, славянах и русских Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста... С. 669.

округов или графств (*decem comitatus*), под которыми некоторые исследователи подразумевают десять родов болгарской орды¹. Семь из них были перечислены. Однако, племя берзил/бурджан известные науке источники в их составе не упоминают.

В предыдущих главах были установлены факты географического тождества кавказской Берзилии и Бурджана-на-Кавказе, а также соответствия друг другу этнонимов берзил/берсула/барсил/бурджан, под которыми скрывался один и тот же этнос. Кроме того, было высказано предположение о переселении бурджан/берзилов на Дунай в ходе аварской или болгарской миграции на запад (Рис. 3). Если данный вывод верен, то это должно было вызвать перенос названия Бурджан/Берзилия с Кавказа на Балканы. И такое дублирование обнаруживается в арабских и византийских источниках, хотя в европейской и отечественной историографии утверждается, что термин бурджан применительно к Балканам есть всего лишь арабская передача этнонима дунайских болгар. Однако в мусульманской литературе эти этнонимы используются как названия двух отдельных народов, следовательно, такое объяснение вряд ли можно считать удовлетворительным. Проанализируем контекст использования мусульманскими авторами этих названий.

Табари, писавший о Бурджане-на-Кавказе в связи со строительством шахом Хосровом Ануширваном крепости Баб аль-Абваб, упоминает также Бурджан-на-Балканах. В 717 г. во Фракии высадилось арабское войско и осадило Константинополь². Описывая осаду византийской столицы полководцем Масламой бен 'Абд аль-Маликом, Табари сообщает: «Мухаммад бен 'Амр сказал: в год 98-ой напали бурджаны на Масламу бен 'Абд аль-Малика»³. Под бурджанами здесь подразумеваются болгары, так как известно, что в это время арабы подверглись нападению войск

¹ *Les annals de Saint-Bertin et de Saint-Vaast*. P., 1871. P. 162.

² *Мюллер А.* История ислама. М., 2004. Т. 2. Кн. 3. С. 587–588.

³ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Secunda series. Pars III. Lugduni Batavorum*, 1885–1889. P. 1317.

булгарского хана Тервеля. По сообщению Феофана, в сражении с ним мусульмане потеряли убитыми 22 тысячи человек, и осада Константинополя была сорвана¹.

Интересно, что в сокращенной редакции сочинения Ибн Хордабеха при описании Балканского полуострова болгары не упоминаются ни единым словом². Он пишет: «Сообщают, что Муслим ибн Аби Муслим аль-Джарми говорил, что провинций ар-Рума, куда царь назначил наместников, четырнадцать. Из них тех, которые следуют за заливом (т. е. на европейском берегу Босфора – С. Х.), три [провинции]. Первая провинция Таф.ла, и это – область аль-Кустантинийя. Границы этой провинции: с востока залив моря аш-Шам³, с запада – стена, построенная от моря аль-Хазар⁴ до моря аш-Шам, длиною в четыре дня пути⁵. Она находится на расстоянии двух дней пути от аль-Кустантинийя. С юга [от нее] море аш-Шам, с севера – море аль-Хазар. Вторая провинция находится за этой провинцией и называется Таракийя (Фракия). Ее границы: с востока – стена, с юга – провинция Макадунийя, с запада – страна Бурджан, с севера – море аль-Хазар. Ее длина – пятнадцать дней пути, ее ширина – три дня пути и в ней 10 крепостей. Третья провинция – Макадунийя. Ее границы: с востока – стена, с юга – море аш-Шам, с запада – страна ас-Сакалиба, с севера – Бурджан»⁶. Судя по описанию, упомянутая страна Бурджан не совпадала с Дунайской Булгарией, которая находилась к северу от Фракии, но никак не к западу от нее. Бурджан, расположенный к северу от греческой провинции Македония, располагался, по всей видимости, на территории современной Республики Македония.

Написанный через сто с лишним лет, в 982–983 гг., «Худуд аль-‘Алам» фиксирует Бурджан уже как составную часть византийской провинции **ترقييه**

¹ Летопись византийца Феофана до царей Михаила и его сына Феофилакта. С. 290.

² Однако в пространной редакции его сочинения «Китаб аль-масалик ва-ль-мамлик» болгары, по всей видимости, фигурировали, т. к. у других авторов, также использовавших в качестве источника сочинение аль-Джарми, болгары упоминаются.

³ Аш-Шам – Сирия, море аш-Шам – «Сирийское», то есть Средиземное море.

⁴ В данном случае море аль-Хазар соответствует не Каспийскому, а Черному морю.

⁵ Речь идет о так называемой «Долгой стене» Анастасия на подступах к Константинополю.

⁶ Kitab al-masalik wa'l-mamalik. P. 105.

(Thrakia): «Бурджан – провинция с шахром, называемым Фракийя. Это цветущее место, весьма облагодетельствованное природой, но обладающее малым богатством. В целом же это равнина и обработанные земли. Это место благоустроенное и имеющее проточные воды. Это часть Рума, которая платит харадж царю Рума». Ниже приводятся сведения о Булгарском царстве: «Булгари – это название народа, живущего на горе Булгари на северо-западе от Рума. Они – неверные (т. е. христиане – С. Х.). Они тоже румийцы, но состоят непрестанно в войне с остальными румийцами. Эти булгари – горные жители, владеющие полями и большим количеством скота»¹. Из приведенного отрывка ясно, что речь идет о разных географических понятиях, упоминание которых автором «Худуд аль-‘Алам» вряд ли было обусловлено искусственным разделением одного и того же народа на болгар и бурджан, как предполагал В. Ф. Минорский². Важная деталь: у Ибн Хордадбеха Бурджан является самостоятельным владением, а в «Худуд аль-‘Алам» область названа уже провинцией Византии.

В вопросе соотношения этнонимов бурджан и болгар большое значение имеют сведения аль-Мас’уди. Его источник информации относительно Византии и прилегающих к ней стран – Муслим бен Абу Муслим аль-Джарми – писал «об истории византийцев и их царей и сановников, об их земле и ее путях и дорогах, о периодах [благоприятных] для набегов на их территорию, о военных походах в ту землю, о соседних с ней (Византийской империей – С. Х.) царствах – Бурджан, Абар, Бургар, Сакалиба и Хазар»³. Как видно из цитаты, Муслим аль-Джарми проводил различие между царствами Бурджан и Булгар. Мас’уди, используя данные Муслима, следует этому неукоснительно. Рассказывая о содержании своей книги, он перечисляет упоминаемые в ней страны и народы: «из населяющих гору аль-Кабк – аль-Лакз⁴, а из граничащих с Баб аль-Абваб и живущих

¹ Худуд ал-‘Алам. С. 185–186.

² Hudud al-‘Alam. P. 423.

³ *Mas’udi*. Op. cit. P. 191.

⁴ Лезгины.

поблизости от этой горы – аль-Лан¹, ас-Сарир², аль-Хазар, аль-Джурзан³, аль-Абхаз, ас-Санарийя⁴, Кашак⁵, аль-Касакийя⁶ и прочих, а также аль-Абар, Бурджан, ар-Рус, аль-Бургар, аль-Ифрандж, ас-Сакалиба»⁷. Как видно из данного фрагмента, болгары и бурджаны названы им по отдельности. В своем сочинении «Мурудж аз-захаб ва ма’адину-ль-джавахир» («Золотые копи и россыпи самоцветов») аль-Мас’уди рассказывает о походе разноплеменной 100-тысячной армии византийского императора Феофила в 837 г. вглубь территории Малой Азии, захваченной арабами: «В этом году, а это год двести двадцать третий, выступил Туфил (Феофил), царь ромеев, с воинами своими, и с ним – цари бурджан, аль-бургар (البرغر), ас-сакалиба (الصقالبة) и других»⁸. Из этого отрывка следует, что у бурджан был свой царь, и бурджаны являлись отдельным от аль-бургар и ас-сакалиба, т. е. болгар и славян, народом.

В главе «аль-Бургаз» того же сочинения аль-Мас’уди пытается соединить воедино сведения «Рисале» Ибн Фадлана и сводки с византийского фронта, не понимая, что речь в них идет о разных частях болгар: «И царь бургаз в настоящее время является мусульманином с 332 (922) года. И он принял ислам в дни аль-Муктадира Биллахи...И этот царь воевал страну аль-Кустантинийя (Византию – С. Х.) силами около 50 тысяч человек и более того, а также совершил набеги вокруг нее – в страну ар-Румийя, аль-Андалус, землю Бурджан, аль-Джалалика и аль-Ифранджа»⁹. Не трудно заметить, что аль-Мас’уди путает между собой дунайских и волжских болгар. Он также приписывает им набеги венгров во Францию (Ифранджа), Испанию (аль-Андалус) и Галисию (Джалалика). Тем не менее,

¹ Аланы.

² Аварцы.

³ Грузины.

⁴ Цанары, племя вайнахской этнической общности.

⁵ Касоги, адыгское племя.

⁶ Название аль-Касакийя также относится к касогам.

⁷ *Mas'udi*. Op. cit. P. 184.

⁸ *Maçoudi*. Op. cit. T. VII. P., 1873. P. 134.

⁹ *Maçoudi*. Op. cit. T. II. P. 16.

совершенно ясно, что для аль-Мас'уди названия болгар и бурджан относятся к двум разным народам.

В сочинении «Китаб танбих ва-ль-ишраф» аль-Мас'уди дает довольно четкую локализацию болгар и бурджан. Рассказывая о так называемой стене «Макрун Тихас»¹, защищавшей Константинополь с запада, он говорит, что «она является преградой между страной Бурджан и между пятью пунктами позади Константинополя». Данная стена находится южнее «большой реки, именуемой по-славянски Данабий» (Дунай). На ней обитает «множество аль-бургар, ас-сакалиба и других племен из числа пришельцев на севере»². Как уже говорилось, у ряда арабских авторов (ат-Табари, аль-Мас'уди, Ибн Са'ид) заметна тенденция причислять бурджан к числу древнейших обитателей Балканского полуострова, находящихся в непосредственной близости от Константинополя, тогда как болгары обитают гораздо севернее – на Дунае и даже Днепре.

Несмотря на явное противопоставление их друг другу в приведенном выше фрагменте, в двух других местах своего трактата Мас'уди все же путается, называя болгарских ханов царями бурджан. Так, например, рассказывая историю византийского императора Юстиниана II Ринотмета (685–695 и 705–711 гг.), аль-Мас'уди сообщает, что тот вернул себе отнятый трон при помощи войск «Т.р.фла, царя бурджан»³. Учитывая историчность передаваемых фактов, под последним, безусловно, подразумевается болгарский хан Тервель. Он также говорит, что император «Н.к.фур был убит в войне, которая была между ним и между Бурджаном в 193 году [хиджры]»⁴. Известно, что Никифор I погиб во время сражения с болгарским ханом Крумом в 811 г. Учитывая, что представления аль-Мас'уди о болгарях были весьма смутными, нельзя требовать от него последовательного разграничения двух терминов. Возможно, это объясняется разнородностью

¹ Имеется в виду «Долгие стены» Анастасия (греч. **Μακρά Τείχη**).

² *Mas'udi*. Op. cit. P. 183.

³ *Ibid.* P. 164–165.

⁴ *Ibid.* P. 168.

цитируемых им источников. Как бы то ни было, аль-Мас'уди довольно последовательно проводил линию раздела между булгарами и бурджанами.

Коснемся анонимного сочинения «Ахбар аз-заман», до сих пор ошибочно приписываемого аль-Мас'уди. Как справедливо замечал И. Ю. Крачковский, оно не может принадлежать ему ни по содержанию, ни по стилю¹. Подлинное сочинение «арабского Геродота» с тем же названием не дошло до наших дней². В подложном списке «Ахбар аз-заман» сообщаются интересные, и даже экзотические сведения, приписываемые анонимом бурджанам. Он пишет: «Что касается бурджан, то они – потомство Юнана бен Яфета. Это большое и обширное государство. Они воюют ар-Рум, ас-Саклаба, аль-Хазар и ат-Турк. Самым опасным для них в отношении войны является ар-Рум. И между аль-Кустантинийя и страной Бурджан 15 дней пути. А размер царства Бурджан 20 на 30 дней пути... Жители Бурджана – маги (аль-маджус, то есть язычники – С. Х.) и нет у них священной книги... И нет у бурджан ни динаров, ни дирхемов. Все свои сделки и товарооборот они осуществляют с помощью коров и овец. Когда между ними и Румом перемирие, тогда привозят бурджаны в Рум невольниц и мальчиков из племени ас-сакалиба и подобных им. А если кто-нибудь умрет у людей бурджан, то они обращаются к слугам и приближенным покойного, собирают их и объявляют им завещание, а затем сжигают вместе с покойным, говоря: «Мы сжигаем их в этом мире, чтобы им не быть сожженными в будущей жизни». У них есть большая гробница: когда умирает кто-нибудь, то его спускают туда. И заключают туда же его супругу и слуг, которые остаются там до тех пор, пока не умрут»³.

А. Я. Гаркави, безоговорочно принимавший тождество булгар и бурджан, по поводу этого отрывка недоумевал: «Неверно о дунайских булгарах X в., что они язычники и не имеют священной книги, тогда как

¹ Крачковский И. Ю. Указ. соч. С. 182.

² Микульский Д. В. Арабский Геродот. М., 1998. С. 112.

³ Мас'уди. Ахбар аз-заман. Бейрут, 1966. С. 97–98.

именно в это время процветала богословская литература в Булгарии»¹. Однако, анонимный автор «Ахбар аз-заман» не дает повода для отождествления болгар и бурджан, так как называет их по отдельности. Перечисляя потомков Яфета бен Нуха, он называет «аль-Ишбан, ар-Рус, аль-Бурджан, аль-Хазар, ат-Турк, ас-Сакалиба, Йаджудж и Маджудж, Фарс, Мазнан, обитатели островов и морей, ас-Син, аль-Булгар»². Аналогичное разделение болгар и бурджан прослеживается и в главе того же сочинения о славянах: «Что касается ас-сакалиба, то их несколько племен. Среди них есть христиане и те, кого называют язычниками, а также солнцепоклонники. У них есть пресное море, тянущееся с севера на юг. У них также море, тянущееся с востока на запад до тех пор, пока не впадает в другое море, идущее со стороны болгар... Среди них есть племя, расположенное между ас-Сакалиба и аль-Ифрандж и пребывающее в вере сабиев, поклоняющихся звездам. В них присутствует интеллект и тонкое искусство во всех науках. Они ведут войну с ас-сакалиба, Бурджан и ат-Турк»³. Источник приведенных сведений о бурджанах неизвестен. Как нам кажется, в этом обобщении смешались воедино отголоски сведений о кавказских булгарах, ведших войну с хазарами и тюрками, со сведениями о собственно бурджанах. Размеры царства Бурджан, заявленные в «Ахбар аз-заман», фантастичны для Дунайской Болгарии, но вполне могут соотноситься с размерами Болгарии Великой.

Свежие для начала XI в. сведения о расположении различных племен и стран Евразии приводит аль-Бируни: «Шестой климат начинается от местожительства восточных тюрков – племен кай и кун, кыргыз и кумак, тогуз-огуз к стране туркменов и Фарабу, к стране хазар и северной части их моря (Каспийское море – С. X.), к аланам и асам, занимающим страну между этим морем и морем Трабзунда (Черное море – С. X.), которое ведет в Константинополь, землю Бурджан, Ифранджа и север аль-Андалуса, где оно

¹ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С. 146.

² Мас'уди. Указ. соч. С. 91.

³ Там же. С. 92–93.

заканчивается в Западном море. Седьмой климат включает в себя редко населенные земли. Тем не менее, на востоке есть леса и горы, которые укрывают группы тюрков, живущих в жалких условиях, затем тянутся Башкирские горы (جبال باشخرت)¹, границы гузов и печенегов, два города Сувар и Булгар, ар-Рус и ас-сакалиба, аль-Булгарийа и аль-Маджар»². Как видно из приведенных описаний, аль-Бируни считал Бурджан и Дунайскую Болгарию отдельными странами. Причем, первая находится в VI климате, то есть к югу от второй, расположенной в VII климате. А это соответствует представлениям об их взаимном расположении, которые мы находим у Ибн Хордадбега и в «Худуд аль-‘Аламе».

В вопросе о соотношении Болгарии и Бурджана решающее значение имеют сведения географа XIII в. Ибн Са’ида аль-Магриби, который, будучи уроженцем Испании, довольно хорошо должен был представлять себе политическое устройство и этнографию Европы. Он пишет: «К западу от него (Босфора — С. X.) находится город аль-Кустантинийа, который построил Константин, основоположник христианства. И была область [этого города] пастбищами царя аль-Бурсан (برسان). И пришлось ему (Константину — С. X.) прибегнуть к уловке, [чтобы построить город]. После того, как были прерваны коммуникации дождями и распутицей, он построил этот город, который стал ставкой кесарей. И не был в состоянии царь аль-Бурсан [что-либо сделать] против этого. Затем погиб аль-Бурсан». Ибн Са’ид там же поясняет, по какой причине «погиб Бурсан»: «К северо-западу от него (Константинополя — С. X.) есть город Бурсан, который был столицей народа, захваченного алманами³. И не осталось о них более упоминаний»⁴. Как известно, в 1204 г. Константинополь был захвачен крестоносцами, после чего возникла Латинская империя (1204-1261), охватывавшая запад Малой Азии и

¹ Название *Джибаль Башхурт*, несомненно, относится к Уральским горам.

² The book of instruction in the elements of the art of astrology by Abu'l-Rayhan Muhammad ibn Ahmed al-Biruni written in Ghaznah, 1029 A.D. P. 145.

³ Название *аль-алманийа* соответствует алеманам, т. е. немцам и латинянам вообще.

⁴ *Ibn Sa'id al-Magribi*. Op. cit. С. 117–118.

часть Греции. Византийские императоры в это время были вынуждены перенести свою столицу в Никею. Арабский автор проявляет осведомленность в византийском вопросе, когда пишет, что правителем аль-Кустантинийа (Византии), в то время Никейской империи, является аль-Ашкри, то есть представитель греческой династии Ласкари. Отдельно арабский географ упоминает «город Б.р.гадна, который также называется Бургар». Ибн Са'ид, в отличие от Табари и Мас'уди, неплохо разбирается в восточноевропейских вопросах. Правда, он не всегда использует свежую информацию. Так, описывая причерноморские области, он пишет, что «Танабрис (Днепр – С. Х.) – протяженная и полноводная река, текущая через земли аль-булгар и ат-турк»¹. Булгары действительно занимали земли между Дунаем и Днепром в начальный период Первого Булгарского царства, но в к XIII в. они уже давно были заняты кипчаками, а затем монголами.

Проанализируем сведения Ибн Са'ида. Он, как и его предшественники, относит появление царства Бурджан во времена Константина Великого. То, что под Бурсаном он не подразумевал Болгарию, следует хотя бы из того, что в состав Латинской империи территория последней не входила. Тем более, ни о какой гибели могущественного Второго Булгарского царства (1185–1396 гг.) не могло быть и речи, тогда как арабский автор прямо утверждает, что Бурсан «погиб» в результате оккупации латинян. Обращает на себя внимание и то, что Ибн Са'ид, в основу сочинения которого был положен труд аль-Идриси «Нузхат аль-муштак», отходит от установок своего предшественника в части, касающейся Болгарии. Он не только отличает друг от друга булгар и бурджан, но и именуется последних термином Бурсан (в некоторых рукописях Буршан)², передавая, тем самым, еще один вариант написания этого этнонима, что говорит в пользу оригинальности сведений Ибн Са'ида. И. Г.

¹ Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 31.

² Слово *Бурсан*, точнее *Б.рсан* (برسان), можно читать и как Берсан, что является еще одним доводом в пользу неустойчивости корня *-берс/берз/буриш/бурдж/буриц/бурч-* и отсутствия непроходимой преграды между этими формами.

Коновалова пишет, что испано-арабский географ создал «собственную картину физической и этнополитической географии Восточной Европы»¹. Тожественность терминов Бурсан и Бурджан подтверждена Абу-ль Фидой: «Буршан (برشان) – местоположение народа, который именовался Бурджан. В давние времена они обладали славой и могуществом. И напали на них аль-Алманийа и истребили их так, что даже не осталось из их числа ни одного человека и не осталось от них следов»². Однако, часть берзилов/бурджан, возможно, сохранилась в лице этнографической группы македонцев, еще в XIX в. носившей название бързяцы (бързяки)³. Таким образом, такой серьезный ученый, как Ибн Са'ид, однозначно говорит в пользу реальности владения Бурджан-на-Балканах и отличает его от Дунайской Булгарии.

Если аль-Мас'уди, автор «Худуд ал-'Алама», аль-Бируни, Ибн Са'ид, ад-Димашки считают бурджан и болгар отдельными народами, то в сочинениях других авторов наблюдается смешение этих понятий, как например, у аль-Фазари, аль-Хорезми, аль-Фергани и др., либо сознательное именование Дунайской Болгарии Бурджаном, как это делает аль-Идриси. Выдающийся сицилийский ученый XII в., прекрасно владевший географией Европы, а Средиземноморья в особенности, безусловно зная о существовании двух одноименных царств, во избежание путаницы именуется Булгаром государство волжских болгар, а Бурджаном – дунайских. О том, что последние были ему известны под собственным названием, свидетельствует следующий пассаж: «Булгары – это племена и многочисленный род людей, местожительства которых находятся вблизи от селений страны ар-Рум»⁴. В то же время, перечисляя страны, лежащие на берегу Черного моря, он пишет: «страна аль-Хазарийа, страна аль-Куманийа, ар-Русийа, земля Бурджан»⁵. Поздние арабские писатели, например, Ибн

¹ Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. С. 12.

² Geographie d'Aboulfeda. P., 1840. P. 211.

³ Иречек К. Указ. соч. С. 111.

⁴ Idrisi. Op. cit. P. 918.

⁵ Ibid. P. 905.

Халдун на современной им политической карте мира уже не находят ни Бурджан-на-Балканах, ни, тем более, Бурджан-на-Кавказе, поэтому они слепо следуют авторитету аль-Идриси: волжских болгар называют их собственным именем, а дунайских – архаическим термином бурджан, давно утратившим свое настоящее содержание: «На севере моря Ниташ¹, с западной части этой секции, находится земля Бурджан, а в восточной части – Русийа. Все эти страны расположены на море Ниташ. Страна Русийа охватывает страну Бурджан с востока»². Европейские исследователи XIX–XX вв., придя к выводу о соответствии термина бурджан дунайским болгарам, начинают автоматически причислять к ним также бурджан Кавказа, не потрудившись найти доказательства их эквивалентности друг другу.

Особняком стоят сведения о бурджанах, имеющиеся в сочинении Ибн Русте. Данный автор приводит рассказ другого византийского пленника – Харуна ибн Яхьи. Около 900 г. он был захвачен пиратами в Палестине и доставлен в Константинополь. Оттуда он попал в Салоники, а затем в Рим. На основе сведений, полученных там, он составляет рассказ, в котором, как пишет И. Ю. Крачковский, «упоминает Бургундию, франков и Британию»³. Сам лично Харун названные страны не посещал, поэтому, его сведения носят полуфантастический характер: «А из этого города (Рима – С. Х.) нужно плыть три месяца морем, чтобы попасть в страну царя Бурджан; идя оттуда через горы, через месяц пути достигаешь страны Франджа (Франция); выйдя оттуда, через четыре месяца пути достигаешь города Бартинийа (Британия)»⁴. Как можно заметить, расстояния между упоминаемыми странами не соответствуют действительности. Например, чтобы попасть из Рима в Бургундию, то есть на юг современной Франции, не обязательно плыть морем три месяца.

¹ Форма *Nitash* или *Nitac* (نيطس) появилась как искажение в результате ошибочной перестановки диакритических точек названия *Бонтос* (بنطس) – арабской передачи греческого названия Понт (Черное море).

² Ибн Халдун. Указ. соч. С. 98.

³ Крачковский И. Ю. Указ. соч. С. 132.

⁴ *Ibn Rosteh*. Op. cit. P. 130.

Это касается и его описания пути в Британию. Дорогу из Константинополя в Рим Харун ибн Яхья прошел сам, поэтому описание его маршрута вполне реалистично: выступив из столицы Византии, он достигает Салоник через 12 переходов. Затем он попадает в страну славян (ас-сакалиба): «У них – деревянные дома, и они живут в них. Они – христиане, которые были христианизированы во времена царя Бориса (Басус аль-малик)»¹. Страна ас-сакалиба, которой правил он, по всей видимости, соответствует Дунайской Болгарии. Вспомним, что Ибн Фадлан называл царя Волжской Болгарии «малик ас-сакалиба», а одного из его спутников по пути из Багдада на север звали Барис ас-Саклаби (Борис Славянин)². Последний, без всяких сомнений, был волжским болгаринном. Попутно Харун амечает, что «жители Булгара воюют ар-Рум, а ар-Рум воюет их»³. Далее он описывает свой проезд по венецианской земле, после чего говорит, что прибыл в город, «которым управляет царь, называемый Папа (аль-Баб)»⁴. Тогда возникает вопрос о причинах появления в его рассказе этнонима Бурджан и причинах его применения к бургундам. По всей вероятности, это произошло по ошибке. Проезжая по Балканам, Харун слышал это название, что уже само по себе доказывает существование данной области. Узнав в Риме со слов неизвестного нам информатора о существовании Бургундии, он связал с ней схожий по звучанию термин Бурджан. Таким образом, если отбросить в сторону сведения ранних (аль-Фазари, аль-Хорезми, аль-Фергани) и поздних (Ибн Халдун) арабских писателей, получается относительно ясная картина: Бурджан-на-Балканах не совпадает с Дунайской

¹ *Ibn Rosteh*. Op. cit. P. 127.

В тексте – بسوس (Басус), что, конечно же, с учетом пропуска буквы ر (r) соответствует برسوس (Барсус или Барисус). Болгарское имя *Борис* является вариацией тюркского *Барыс*, то есть ‘барс’ или ‘тигр’. Хан Борис правил Булгарией с 852 по 889 г. В 865 г. ввел христианство в качестве государственной религии. При крещении принял имя Михаил.

² Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. С. 56.

³ *Ibn Rosteh*. Op. cit. P. 126.

⁴ *Ibid*. P. 128.

Булгарией. Судя по сведениям Мас'уди, «Худуд аль-'Алама», Ибн Са'ида, Димашки, это было отдельное владение со своей династией правителей.

Некоторые арабские авторы XIV-XV вв., не находя бурджан в современном им мире, приводят о них фантастические сведения, хотя и они отделяют их от болгар. Абу-ль Фида в «Мухтасар фи ахбар аль-башар», например, пишет: «Из числа христиан – [народ] болгар, обязанный своим происхождением городу (вероятно Булгару на Волге – С. X.), который они же и населяют. И он находится к востоку от моря Ниташ (Черное море – С. X.). И победили среди них христиане, но часть их приняла ислам... Из числа христиан – [народ] Бурджан. Они также большой, но весьма незаконный народ. И среди них распространено учение о Троице. Страна их глубоко вклинивается в сторону севера. Известия о них и деяниях их царей отрезаны от нас по причине отдаленности их страны и дикости их нрава»¹. Закарийа ал-Казвини усиливает тенденцию к ассоциации бурджан с каким-то северным народом².

Данные арабо-персидской историко-географической традиции необходимо сравнить с византийскими источниками. Под 765 г. в «Хронографии» Феофана записано: «владелец Болгарии послал 12 тысяч войска под предводительством Воилы³, увести в плен жителей Берзитии (**Βερζητια**) и переселить их в Болгарию»⁴. Это были те самые *берзиты*, которые, согласно «Чудесам святого Димитрия Солунского», в 616 и 618 гг. вместе со славянами и аvaraми осаждали Салоники. Если они соответствовали северокавказским берзилам, то, вероятно, целью экспедиции Воилы было пополнить население ханства близкородственным болгарам народом на фоне все более усиливающегося преобладания славян. Берзиты вели активную внешнюю политику: в борьбе между Константином VI и его матерью августой Ириной они приняли сторону императора. После убийства

¹ Абу-ль Фида. Китаб аль-мухтасар фи ахбар аль-башар. Т. 1. Каир, 1907. С. 93.

² Zakarija Ben Muhammed Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. S. 412.

³ Бойла – титул тюркской военной иерархии.

⁴ Летопись византийца Феофана до царей Михаила и его сына Феофилакта. С. 326.

последнего в 799 г. берзитский князь Акамир в союзе с «элладиками», то есть знатью фемы Эллада, составил против Ирины, ставшей первой самодержавной царицей в истории Византии, заговор и пытался вернуть престол сыновьям убитого императора Константина: «Акамир начальник славян в Берзитии, подушаемый жителями Эллады, хотел увести сынов Константина и которого-нибудь из них провозгласить царем»¹.

Опираясь на этот пассаж Феофана, Павел Шафарик объявляет Берзитию славянским княжеством, а самих берзитов – славянами. При этом он делает оговорку, что ее не следует «смешивать с Барзелией, родиной печенегов и половцев, лежавшей на пределах Европы и Азии, называемой армянскими писателями и Феофаном Берзилия»². Однако, Шафарик затрудняется сказать, «как они собственно назывались: Брезичи или Брежичи»³. Неудачной следует признать также попытку Макса Фасмера увязать данный этноним со славянами-велегизитами (**Βελεγεζίται**): посредством ротацирующего перехода $[l] < [r]$ и пропуска одного слога слово **Βελε(γε)ζίτια**, якобы, превращается в **Βερζίτια**, что является явной натяжкой⁴. Во-первых, автор «Чудес» упоминает велегизитов и берзитов по отдельности, следовательно, нет никаких оснований связывать их друг с другом. Во-вторых, имя князя Акамира, как считал Н. С. Державин, не является славянским⁵. Да и сам пассаж Феофана – **Ακαμηρος ὁ τῶν Σκλαβινῶν τῆς Βελζητίας ἀρχὼν** (Acamerus Sclauinorum, Belzetiae princeps)⁶ – можно трактовать по-разному. Как и в Дунайской Болгарии, в Берзитии большинство населения составляли славяне-склавины, а берзиты, по всей видимости, были господствующим слоем, из чего не вытекает с необходимостью их славянское происхождение.

¹ *Микулчи́к И.* Средновековни градови и тврдини во Македонија. Скопје, 1996. С. 28; *Летопись византийца Феофана до царей Михаила и его сына Феофилакта.* С. 347.

² *Шафарик П.* Славянские древности. Т. 1. Кн. 1. С. 366.

³ Там же. С. 228.

⁴ *Vasmer M.* Die Slaven in Griechenland. Leipzig, 1970. S. 85–86.

⁵ *Державин Н. С.* История Болгарии. Т. 1. М.-Л., 1945. С. 170.

⁶ *Memoria populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paluden Meotidum, Caucasum, mare Caspium, et inde magis ad septentriones incolentium.* Т. II. СПб., 1774. С. 83.

Шафарик полагал, что княжество Берзития находилось в Македонии, а «может быть даже в Фессалии или Ливадии»¹. Вопрос об обстоятельствах и времени его появления представляет собой загадку. Возможно, берзиты обосновались в тех местах еще со времен аварских походов под Фессалоники в начале VII в. Не исключено также, что туда их занесла миграционная волна с территории Аварского каганата, связанная с именем хана Кубера, которого многие исследователи принимают за сына великобугарского хана Кубрата². Как сообщается в «Чудесах», от аварского кагана отложился болгарский «архонт» (греч. ‘правитель’) по имени Кубер или Кувер (**Κουβερ**) и со всем своим народом под предлогом службы императору переселился в Македонию³. Г. Г. Литаврин, относивший это событие к 686 г., писал: «В действительности Кувер помышлял не о службе императору, а о захвате Фессалоники и затем о борьбе за Константинополь»⁴. Состав его орды неизвестен. Возможно, она состояла из кутригуров или той группы болгар, которая достигла Балкан еще в конце VI в. и присоединилась к аварам. Вместе с ними в составе Аварского каганата, как говорилось выше, могли быть также берзилы. О путях их миграции с Кавказа на Балканы, возможно, свидетельствует название города *Б.рзула* (برزولة), упоминаемого аль-Идриси в Поднепровье⁵. Б. А. Рыбаков отождествлял его с Переяславлем, а И. Г. Коновалова – с Треполем⁶. Данные соответствия были сделаны на основании указания арабского географа о расстоянии между Киевом и городом Б.рзула, а также кажущегося созвучия ойконимов (Переяславль/Треполь/Б.рзула). Но если принимать во внимание лишь второй критерий, то наиболее подходящим является топоним Бирзула, старое название сначала села, а затем современного города Котовск Одесской области Украины (Рис. 5).

¹ Шафарик П. Славянские древности. Т. 1. Кн. 1. С. 365.

² Златарски В. Н. История на българската държава през средните векове. Т. I. Ч. I. София, 1970. С. 205–206.

³ Чудеса св. Димитрия Солунского. С. 171.

⁴ Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 39.

⁵ Idrisi. Op. cit. P. 912.

⁶ Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. Вып. 43. М., 1952. С. 33–35; Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 131.

Когда Кубер поднял восстание против аварского кагана, берзилы могли присоединиться к нему, а затем вместе с ним уйти из Паннонии в Македонию или обитать там уже к моменту переселения Кубера. Однако, факт остается фактом: на территории Македонии арабские источники фиксируют область Бурджан, а византийские – Берзитию. Болгарские авторы заключают: «В сущности, в конце VII в. в пределах Балканского полуострова сформировались две Булгарии: первая – Аспарухова, вторая – Куберова»¹. Орда последнего была разноплеменной: в ее состав, кроме болгар, входило большое число потомков плененных в разные времена византийцев, жителей дунайских городов и различных племен.

Интересно, что другой болгарский князь по имени Мавр притворно восстал против Кубера и по сговору с последним перешел на сторону императора, надеясь обманным путем захватить Салоники. По мнению болгарских ученых, император назначил его архонтом в новоучрежденной феме Фракия². Легенда его печати гласила: «принадлежит патрицию и архонту сирмисиан и болгар»³. Данный вывод перекликается с данными «Худуд аль-‘Алам» о том, «Бурджан – это провинция с шахром (владением – С. Х.), называемым Фракия». Основываясь на протоболгарских надписях, Веселин Бешевлиев пишет, что в начале VIII в. сын Аспаруха хан Тервель действовал совместно со «своим дядей» из Македонии⁴. Подразумевая под последним хана Кубера, исследователи склоняются к признанию его братом хана Аспаруха. Таким образом, можно констатировать, что арабский хороним Бурджан, применявшийся по отношению к территории своеименной Македонии, географически совпадал с владением Кубера и княжеством Берзития.

¹ Божилев И., Гюзелев В. История на средновековна България, VII–XIV век. Т. I. София, 1999. С. 94.

² Там же. С. 96.

³ Сирмисиане – жители придунайского города Сирмий, ныне г. Сремска-Митровица автономного края Воеводина в Сербии.

⁴ Бешевлиев В. Първобългарские надписи. София, 1979. С. 94.

Подводя итог анализу источников, остается ответить на вопрос о том, как и по какой причине в мусульманской историко-географической традиции возникло смешение двух этнонимов – болгар и бурджан. Предлагавшийся рядом исследователей выход из создавшейся ситуации путем перевода этой исторической проблемы в плоскость лингвистики и даже чистописания, не дает адекватного ответа на весь комплекс вопросов, связанных с одновременным существованием на Балканах двух образований – Болгарии и Бурджана. Говоря о поставленной проблеме, нужно сказать, что ее корни уходят вглубь веков. Уже один из самых ранних арабских географов и астрономов аль-Фазари, а вслед за ним аль-Хорезми и аль-Фергани упоминают «владение Бурджан», но умалчивает о Болгарии. Поэтому решение этой географической коллизии нужно искать в области этнографических представлений арабов.

Ранние арабские писатели VIII–IX вв. не знают имени болгар, но зато им хорошо знаком этноним бурджан, причем, не только по опыту непосредственного общения арабов с хазарами во время войн с ними, но и по пехлевийским источникам. Затрудняясь, как именовать конгломерат северокавказских племен – болгар или *v.n.nd.r* (унногундуrow), они дают им название уже известного племени. Словом, арабский термин бурджан, как и сакалиба, в ряде случаев имел собирательное значение, подобно «скифам» и «гуннам» византийской традиции и использовался для обозначения всех кочевников Восточной Европы. Вспомнить, к примеру, рассказ аль-Мас'уди о войне императора Константина Великого с «бурджанами или какими-то другими народами»¹. Автор не уверен, кем именно были противники римского цезаря. Следовательно, в образе бурджан слились многочисленные северные племена, прорывавшиеся через кавказские проходы в Закавказье, Иран и Малую Азию, а также на Балканский полуостров. Произошло это по причине того, что ближайшим народом к Дербенту, северному форпосту персов, а затем арабов, были именно они. Поэтому аль-Фазари, аль-Хорезми,

¹ *Maçoudi*. Op. cit. Т. II. P. 311–315.

аль-Фергани, ат-Табари и в некоторых случаях аль-Мас'уди называют болгар бурджанами.

Первые упоминания о булгарах под их собственным именем мы находим только в сочинении автора начала X в. Ибн Русте. Источники его неизвестны, но они не ранее второй половины IX в., так как венгры в его сочинении уже находятся в Паннонии¹. А. П. Новосельцев полагает, что цикл известий о Восточной Европе Ибн Русте восходит к утраченной полной редакции труда Ибн Хордадбеха². А источник самого Ибн Хордадбеха хорошо известен – Муслим аль-Джарми. Следовательно, аль-Фазари, аль-Хорезми и аль-Фергани, писавшие ранее или одновременно с ним, а потому не знакомые с его сочинением, не имели точных сведений о народах Балканского полуострова и, в частности, о дунайских булгарах, поэтому именовали их и племена Великой Болгарии собирательным термином бурджан. Это в полной мере касается и ат-Табари, который, хотя и писал в начале X в., то есть одновременно с Ибн Русте, тем не менее, ничего не знал о сочинении аль-Джарми. К тому же ат-Табари, будучи историком, не ставил целью написать географическое описание ойкумены. Что касается аль-Мас'уди, то он также создавал фундаментальный труд по всеобщей истории, используя при этом разнородные источники, в том числе известия упомянутого византийского пленника, не вдаваясь, как и бывает в сочинениях подобного рода, в частности, например, в вопрос соотношения болгар и бурджан.

В отличие от Великой, или Кубратовой, Болгарии, владение Бурджан-на-Кавказе было хорошо известно арабам со времен халифата 'Усмана ибн 'Аффана (644–656 гг.). Тот же полководец Маслама ибн 'Абд аль-Малик перед тем, как в 717 г. высадиться во Фракии для осады Константинополя, в

¹ Венгры поселяются в Паннонии около 895 г.

² Следовательно, впервые о дунайских булгарах должен был упоминать Ибн Хордадбех в полной редакции «Китаб аль-масалик ва-ль-мамалик», однако, она не дошла до сегодняшнего дня.

708 г. воевал против хазар на Кавказе и отличился взятием Дербента¹. Впервые встретившись на Балканах с булгарами хана Тервеля, арабы прозвали их бурджанами по вышеуказанным причинам. Впрочем, не исключено, что они стокнулись в сражениях во Фракии с настоящими носителями данного этнонима, обитавшими во владении князя Кубера. Лишь авторы X-XI вв., получившие в свое распоряжение записки Муслима аль-Джарми и Ахмеда ибн Фадлана, а потому обнаружившие существование дунайских и волжских булгар, начинают отделять их от бурджан.

Возникает вопрос о населении Куберовой Булгарии, Берзитии и Бурджана-на-Балканах, т. е. представляло ли оно собой один и тот же народ – бурджан. Определенно говорить о данном предмете не позволяет неопределенность арабских источников и, главное, скудость сведений византийской литературы. Другая трудность заключается в отождествлении упоминаемых в «Хронографии» Феофана и «Чудесах святого Димитрия Солунского» балканских берзитов с берзилами Кавказа, а через них с бурджанами. На основании имеющегося материала пока нельзя однозначно говорить об эквивалентности их друг другу, однако, такая вероятность существует. Уверенный вывод можно сделать лишь о том, что Бурджан-на-Балканах арабской литературы не мог соответствовать ранним булгарам и Аспаруховой Болгарии. Является ли книжный термин Бурджан отражением этнонима реального народа, жившего на Балканах или он был просто клишированным обозначением Куберовой Болгарии или Берзитии, пока остается загадкой.

Теперь проследим судьбу другой группы берзилов/бурджан, переселившейся на Среднюю Волгу в конце VIII – начале IX вв., где возникла Волго-Камская Болгария (Рис. 3). В болгарских ордах – дунайской и волжской – процент уннугундуров был значительно снижен. Ибн Русте зафиксировал три наиболее крупных отделов последней: 1) *берсула*; 2) *аскил* (вар. ашкиль, изгиль, чигиль, джигир); 3) собственно *булгары-уннугундуры*.

¹ Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 178.

Кроме них, по Ибн Фадлану, на территории Волжской Болгарии проживали также племена: 4) *суваз* (*сувар*) и 5) *баранджар*. Наконец, шестым коленом было племя 6) *бияр*, ставшее затем частью башкирского народа. Русские источники упоминают некие группы населения, носившие название 7) *темтюзы*¹ и 8) *чолматы*². Но что они представляли собой, неизвестно. Многие из названных родовых подразделений имели одноименные города – Булгар, Сувар, Ашкил (Ошель), Бияр.

Значительное число монет, обнаруженных на территории Волжской Болгарии в начале XX в., были признаны «варварскими» подражаниями саманидским дирхемам. Однако среди них был обнаружен и собственно болгарский чекан³. Некогда было высказано предположение, что к чекану эльтебера Алмуша, принявшего мусульманское имя Джа'фар ибн Абдаллах, следует относить монеты, в легендах которых значится загадочный титул «амир Бармал» (*الامير بارمال*). Если первое слово «аль-амир», т. е. 'повелитель', не вызывает сомнений, то вторая часть потребовала ряд толкований: В. В. Бартольд читал как *بارمان* «Барман» и полагал, что это имя является собственным именем Джа'фара ибн Абдаллаха, а имя Алмуш – опиской. С. А. Янина предложила собственную конъектуру – *بارصال* «Барсал». «В таком случае, – пишет она, – перевод загадочного имени было бы «аль-амир Барсал», то есть эмир (племени или из племени) барсал, а в хутбе читалось «О, Аллах! Сохрани эмира барсал, царя булгар»⁴. Расшифровка С.А. Яниной основывается на внешнем сходстве написания арабских слогов *-са-* *صا* и *-ма-* *ما*. Впрочем, если учесть нюансы обеих трактовок, то может получиться «аль-амир Барсан». Таким образом, правящая династия Волжской Болгарии могла происходить из племени берзил или бурсан. С этим выводом

¹ Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Изд. 2-е. СПб., 1908. С. 626.

² *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. Кн. I. Ч. II. М., 1769. С. 310.

³ *Фасмер Р. Р.* О монетах волжских болгар X в. // ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. I. Казань, 1926. С. 40.

⁴ *Янина С. А.* Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // МИА. № 111. М., 1962. С. 187.

соглашается А. Х. Халиков, однако, с его этимологией имени берсилов вряд ли можно согласиться: «Само название этого племени состоит из двух древнетюркских слов: барс – хищный зверь, тигр...и ель, иль – племенной союз, племя, народ, государство, страна»¹. Как было показано выше, этнонима берсула имеет иранское происхождение.

Ибн Фадлан в своей «Рисале» упоминает сувар, аскил, баранджар, болгар, но почему-то обходит молчанием племя берсула. Если обратить внимание на все случаи упоминания этих этнонимов Ибн Фадланом, то можно заметить, что название болгар используется в собирательном смысле, когда речь идет вообще о жителях этой страны. В то же время этнонимы суваз, аскил, баранджар упоминаются в «Рисале» в тех случаях, когда речь идет о трудностях с распространением ислама среди этих этнических групп. Например, часть суваров/сувазов, отказавшись принимать ислам, избрала своим предводителем некоего Вирага и, по-видимому, отделилась от болгар². В болгарскую орду в качестве ее составной части они не входили, так как в числе трех ее отделов, перечисляемых Ибн Русте, не упоминаются. А. П. Ковалевский считал, что «большое племя или народ, носивший название «саваз» или «суаз»...к числу болгарских племен не принадлежало»³. Сувары, согласившиеся принять ислам, остались на месте и образовали особое владение. С. А. Янина, обнаружившая монеты двух суварских эмиров – Талиба ибн Ахмеда и Му'мина ибн Ахмеда, заключает: так как «на монетах Сувара суверенитет Булгара над этим городом не выражен совершенно, мы получили право говорить не только о политической независимости Сувара от Булгара в середине X в., но и том, что Сувар был особым государством независимых от Булгара племен»⁴. С этим трудно не согласится. Здесь следует вспомнить, что многие арабские авторы, например, аль-Истахри, аль-

¹ Халиков А. Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских болгар в археологических материалах // Из истории ранних болгар. Казань, 1981. С. 10.

² Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. С. 76.

³ Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. Чебоксары, 1954. С. 49.

⁴ Янина С. А. Указ. соч. С. 196.

Гарнати, Бируни, всегда упоминают болгар и сувар по отдельности. Как пишет А. К. Салмин, «болгарские и савирские племена пришли на Волгу отдельно»: первые в конце VIII в., вторые – в 60-х гг. IX в.¹

Поначалу довольно независимым было также племя аскил, так как у них был свой «царь». Они также противились исламу. Племя берсула, наиболее могущественное (в списке болгарских «отделов» Ибн Русте берсула названы первыми), принимает новую религию безоговорочно по предложению своего родового вождя и одновременно болгарского царя Алмуша еще до миссии Ибн Фадлана. Вероятно, именно поэтому оно не удостоилось упоминания со стороны секретаря багдадского посольства. Исследователи локализуют их в долинах рек Ахтай и Черемшан². Так как представителей прежнего правящего рода дуло в Волжской Булгарии не было, то правителем стал глава наиболее сильного племени. Однако в качестве имени для всех членов нового племенного союза был принят этноним болгар, «страшных по всей земле», как наиболее известный и прославленный³.

В дальнейшем, а конкретно после монгольских и русских погромов XIII–XV вв., собирательное название «булгары» постепенно выходит из употребления и ко времени завоевания Казанского ханства Иваном Грозным полностью исчезает. Если в первой половине XV в. русские летописи еще упоминают болгар, а также Булгарское и Жукотинское княжества, то затем население бывшей Волжской Болгарии именуется «бесермянами», то есть просто мусульманами⁴. Утрате болгарской идентичности, возможно, способствовало вхождение бияров в состав башкирского народа. Это могло случиться в XIII в. после учиненного монголами разгрома. Они образовали

¹ Салмин А. К. Краткая история болгар // Вестник Томск. гос. ун-та. 2015. № 395. С. 117.

² Греков Б. Д., Калинин Н. Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Вып. I. Казань, 1948. С. 107; Халиков А. Х. О столице домонгольской Булгарии // СА. 1973. № 3. С. 95.

³ Сиротенко В. Т. Указ. соч. С. 204.

⁴ Смирнов А. П. Волжские болгары // Труды ГИМ. Вып. XIX. М., 1951. С. 72; Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 99.

отдельную этнотерриториальную единицу – Булярский улус или эль. После присоединения Башкортостана к Русскому государству, начиная с XVI в. и до XIX в. включительно, в числе башкирских волостей была и Булярская.

Вопрос о самоназвании автохтонного оседлого населения Казанского ханства, исповедовавшего ислам, долгое время остававшийся открытым, ныне можно считать в целом решенным. Как показали исследования последнего времени, в русских официальных документах XVI–XVII вв. оно именовалось чувашами¹. В синхронных тюркоязычных документах эта этническая группа обозначается аналогично, что ставит точку в вопросе об их самоназвании². Не случайно, первый русский историк В.Н. Татищев писал: «Вниз по реке Волге чувашаи, древние болгары, наполняли весь уезд Казанский и Синбирский»³. Эпиграфика болгарского и даже казанского периодов красноречиво говорит в пользу того, что мусульманское население Среднего Поволжья разговаривало на языке близком, если не идентичном, чувашскому⁴. По всей видимости, на определенном этапе истории сувары (сувазы), некогда составлявшие население Суварского эмирата, стали численно преобладающей частью тяглого населения Казанского ханства, а потому их этноним распространился на всех автохтонов⁵.

В русских документах XVII в. для обозначения чувашей-мусульман начинает применяться аллоэтноним «татарин» и социальный термин «ясачный татарин», дабы отличать эту группу податного населения Казанского края от языческих чувашей, живших на правобережье Волги. Тем не менее, во внутреннем употреблении, а также со стороны окружающих народов они по-прежнему назывались чувашами. В 1682 г. казанский воевода Петр Шереметев докладывал: «в нынешнем же де во 190 году... Аюкай и

¹ Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам Нового времени. Казань, 1998. С. 96.

² Юсупов Ю. М. История Башкортостана XV–XVI вв. Уфа, 2009. С. 58–59.

³ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 317.

⁴ Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960.

⁵ Правящий слой Казанского ханства составляли пришлые роды тюрко-монгольского происхождения, в том числе Барын, Ширин и Кипчак, зафиксированные в племенной номенклатуре башкир (см.: Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 49–53).

Солом Сереев и иные тайши, собравшись с своими ратными людьми, пошли под Казанские и Уфинские уезды войною по присылке воровских башкирцев и казанских татар...»¹. Однако параллельные показания ногайского мурзы Алабека Асанова рисуют несколько иную картину: «...в нынешнем де в 190 году... по присылке изменников башкирцев и чуваш, пришел к ним башкирцам Аюка тайша с калмыки и ногайцы и с едисаны и ныне стоит в башкирской деревне Карабаш»². Речь идет об одних и тех же событиях с той лишь разницей, что русский воевода помимо башкир упоминает казанских татар, а мурза – чувашей. Следовательно, эти два термина тождественны друг другу. В. Ф. Генинг писал: «В русских писцовых книгах по Казанскому уезду, составленных непосредственно после присоединения Казанского ханства к Русскому государству, встречаются любопытные указания на этническую принадлежность населения. Почти абсолютно во всех населенных пунктах указываются «служилые татары» и «ясачная чуваша», причем последние численно преобладают. Когда же речь идет о выходцах из современной Чувашии, то оговаривается «из-за реки Суры». Таким образом, чувашами в Камско-Волжском районе называлась основная масса местного населения»³. Таким образом, в XVI–XIX вв. в Поволжье было две группы чувашей – чуваша-язычники и чуваша-мусульмане, предки современных казанских татар. Следы берзилов среди них не обнаруживаются.

Гибель Бурджана-на-Кавказе, Бурджана-на-Балканах, а также полное растворение берзилов в разноплеменном населении Волжской Болгарии, не привели к окончательному исчезновению этого древнего этноса. В родоплеменной номенклатуре башкирского народа есть подразделение бурджан – живой потомок некогда могущественного народа, предположительно, в VII в. мигрировавшего на территорию Южного Урала

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 5 (1676–1700 гг.). СПб., 1842. С. 138.

² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 10. СПб., 1867. С.70.

³ Генинг В. Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н. э. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 335.

(Рис. 3). Находки из многочисленных уфимских могильников, датируемые VII–VIII вв. и относящиеся к так называемой турбаслинской культуре, имеют явные северокавказские аналогии¹. Р. Б. Ахмеров отмечал, что уфимские погребения «по некоторым признакам аналогичны с северокавказскими погребениями Кумбулты, Камунты и Чми». Тем не менее, в «их компоненте значительную роль сыграли аланские племена южноуральского происхождения»². Аланские племена обитали в степной южной зоне современного Башкортостана, о чем говорит открытие Левашовского могильника близ современного Стерлитамака, предметы которого схожи с украшениями Салтовского и северокавказских катакомбных могильников³.

Современные исследования показывают, что население городища Уфа-2 сформировалось в результате миграции гунно-сарматского населения. Ф. А. Сунгатов пишет, что носители турбаслинской культуры, которой принадлежат уфимские древности, являются потомками позднесарматских племен Приуралья, увлеченных в западном направлении гуннским движением: «На наш взгляд, турбаслинское население представляло собой формирующийся на территории Волго-Донья новый этнос, что происходило за счет взаимодействия позднесарматских племен Приуралья с племенами, входившими в состав европейских гуннов»⁴. В. А. Иванов и М. Ф. Обыденнов также видят истоки турбаслинской культуры в памятниках Крыма, Северного Кавказа и Нижнего Поволжья, датированных концом IV – началом VII вв., «то есть это как раз и было время прихода и расселения «турбаслинцев» на территории современного Башкортостана»⁵. Н. А. Мажитов и А. Н. Султанова пишут, что «турбаслинские племена

¹ Смирнов А. П. Железный век Башкирии // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири : мат. и исслед. по археологии. Вып. 58. М., 1957. С. 66.

² Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения IV–VII века н. э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970. С. 161–194.

³ Он же. Могильник близ г. Стерлитамака // СА. 1955. № 22. С. 162.

⁴ Сунгатов Ф. А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н. э.). Уфа, 1998. С. 104–105.

⁵ Иванов В. А., Обыденнов М. Ф. Археология города Уфы : Очерки древней и средневековой истории и культуры города. Уфа, 2001. С. 149.

принадлежали к выраженному европеоидному типу... По физическому типу турбаслинцы являются прямыми потомками сако-массагетских племен»¹. Примечательно, что первооткрыватель турбаслинской культуры Н. А. Мажитов первоначально связывал ее происхождение с аланами². Его вывод коррелируется с данными Михаила Сирийца, называвшего Берзилию «страной алан», и башкирскими преданиями о племени «алан-бурджан». Р. Б. Ахмеров и С. Р. Станчев отмечали несомненные параллели между погребальным инвентарем уфимских погребений и материалами дунайских болгар³. Но поскольку письменных свидетельств о пребывании болгар на Южном Урале не имеется, то данная точка зрения не получила дальнейшего развития. Зато в самом факте наличия в башкирской родоплеменной номенклатуре рода бурджан заключено неоспоримое свидетельство древних миграций с территории Северного Кавказа и Волго-Донья на Южный Урал. Этот регион являлся северо-восточной периферией сармато-аланского мира и был одним из районов их более или менее постоянного обитания в ходе сарматских движений по периметру треугольника Приаралье – Дон – Южный Урал. Думается, что предки бурджан в течение тысячелетий неоднократно меняли территорию своего обитания, двигаясь маршрутами этих кочевий. И лишь их последняя миграция с Кавказа на Урал стала достоянием истории.

Этногенетические предания башкир-бурзян сохранили память об обитании их предков на Северном Кавказе и Придонье. «Род бурзянцев в глубокой древности был разделен на две части, вследствие того, что первый их родоначальник или прародитель [по имени Бурджан], имея трех сыновей, меньшего из них любил и уважал больше старших братьев, почему последние, как оскорбленные отцом и имеющие ненависть к младшему брату, оставили навсегда отца, родину и отправились на запад. Перейдя реку

¹ Мажитов Н., Султанова А. Указ. соч. С. 102.

² Мажитов Н. А. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // БАС. Уфа, 1959. С. 42.

³ Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения IV–VII века н. э. и их место в древней истории Башкирии. С. 171–172; Станчев С. Р. Новый памятник древней болгарской культуры // Советская археология : сб. ст. Вып. XXVII. М., 1957. С. 128.

Дон, они избрали там место для постоянного жительства и составили из себя род, от которого, по преданию, и произошел род знаменитого в свое время кавказского властителя Шамиля»¹. Имам Шамиль был аварцем, которые ныне населяют часть территории древней Берзилии. Претензию на родство с имамом Шамилем не следует понимать буквально, так как здесь налицо стремление поздних передатчиков предания привязать родословие бурджан к какой-нибудь известной личности Северного Кавказа. А. П. Смирнов пишет: «Археологический материал Волжской Болгарии и немногочисленный пока уфимский материал указывают на приход сюда из Предкавказья значительных племенных групп»². Анализ всего комплекса нарративных, этнографических и археологических источников позволяет утверждать, что носителями турбаслинской культуры, а, следовательно, населением городища Уфа-2 на определенном этапе (VII–X вв.) могли быть бурджаны, переселившиеся с территории Хазарии.

Согласно традиции, в период монгольского нашествия бурджаны были в числе ведущих башкирских племен, якобы, поддержавших Чингиз-хана в критический момент его политической карьеры. В средневековом башкирском сочинении «Кысса-и Чингиз-хан», входившим в состав сборника «Дафтар-и Чингиз-наме», среди предводителей, поддержавших завоевателя, помимо Кунграт-бея (род Кунграт)³, Майкы-бея (род Табын), Муйтен-бея (род Усерген), Калдар-бея (род Кыргыз), Тамьян-бея (род Тамьян), Урдач-бея (род Минг), Джурматы-бея (род Юрматы), Керейт-бея (род Гирей), Салжиут-бея (род Салжиут), Катай-бея (род Катай), Кыпчак-бея (род Кыпчак), Буркут-бей (роды Гайна и Уран) назван Бурджан-бей. К последнему Чингиз-хан обращается со словами: «О, Бурджан-бей (بورجان بي)! Пусть твоим деревом будет дуб, птицей – кучуган⁴, ураном¹ – «Актуган!», тамгой – джагалбай»².

¹ Бикбов. Указ. соч.

² Смирнов А. П. Железный век Башкирии. С. 66.

³ Башкирский род Кунграт в 70-е гг. XVIII в. находился в составе Куваканской волости Исетской провинции (см.: Новиков В. А. Сборник материалов по истории уфимского дворянства. Уфа, 1879. С. 242).

⁴ Кучуган – орел-могильник.

Башкирский историк начала XX в. Мурад Рамзи отмечает различное происхождение башкир и бурджан: «В наше время сохранилась небольшая группа людей в Орском уезде, именуемая башкурд с добавлением [слова] бурджан. Помимо них (т. е. вышеназванной группы бурджан — С. Х.), они рассеяны повсюду, где превратились в отдельные народы, но не осталось о них преданий. И не считали их [наши] предшественники башкурдами, а напротив, они упоминаются по отдельности в [посвященных им] статьях. И не считает самих себя сохранившаяся группа [бурджан происходящими] от башкурдов, но проявляют сильный племенной дух ('асабийя)»³.

Род бурджан был одним из самых влиятельных. Из него происходил знаменитый старшина Бурзянской волости, батыр и тархан Алдар Исекеев⁴, являвшийся вождем башкирского восстания 1704–1711 гг. и неформальным лидером Башкортостана первой трети XVIII в. П. И. Небольсин писал: «Цвет башкирского населения составляют волости Усерганская, Тунгауровская и особенно Бурзянская: это народ высокого роста, здоровый, плотный, смелый и расторопный»⁵. Дополнительную характеристику дает им Ю. Бикбов: «Необходимо заметить, что бурзянцы во всех отношениях имеют существенные различия от других башкир: они отличаются ловкостью, бойкостью, они отчаяннее и плутоватее других башкир...Здесь бурзянцы неоднократно и после принятия русского подданства бунтовали; каждый

¹ Уран – боевой клич.

² Хальфин И. И. Указ. соч. С. 53.

Джагалбай (или *ягылбай*) – тюркское название дербника, хищной птицы из семейства соколиных. Тамга джагалбай по форме напоминала эту птицу.

³ Рамзи М. Указ. соч. С. 242.

⁴ Имя *Алдар* восходит к скифо-сарматскому имени *Ardara*, которое в современном осетинском языке превратилось в *ældar* – ‘старшина’, ‘начальник’, ‘князь’, в венгерском *aladar* – ‘начальник военного отряда’, ‘знатный’ (имя некогда распространенное среди венгерской знати). Слово проникло также в монгольские языки: *aldar* – ‘военная слава’, в калмыцком языке – ‘господин’. Имя *Ardara* впервые упомянуто в ассирийском документе 820 г. до н. э. (см.: Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. С. 244).

⁵ Небольсин П. И. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник РГО. Ч. IV. Кн. 1. СПб., 1852. С.1–34.

бунт башкирский не обходился без активного участия бурзянцев»¹. Со слов сэсэна² из рода бурзян Габита Аргынбаева в 1910 г. был записан башкирский народный эпос «Урал-батыр», являющийся одним из древнейших памятников духовной культуры человечества.

Таким образом, бурджаны, сформировавшись в этнической среде массагетов (туров) Кангюя, во II–III вв. приняли участие в аланском движении из Приаралья на запад. По всей видимости, они двигались в составе той волны алан-массагетов, которая основала в Закавказье царство Маскут. Последнее располагалось по обе стороны от Дербентского прохода. Маскуты (массагеты) и бурджаны являлись частью одного массива ираноязычных кочевников, обосновавшихся в Восточном Предкавказье в первых веках нашей эры. До VI в. берзилы/бурджаны были одним из ведущих племен Северного Кавказа, которым Сасанидский Иран выплачивал дань в обмен на мир.

Став федератами западнотюркских каганов, они вместе с хазарами стали играть важную роль в международных отношениях Кавказского региона. Однако в конечном итоге пальма первенства была перехвачена хазарами, сумевшими создать могущественный Хазарский каганат. Тем не менее, арабские источники фиксируют к северу от Дербента владение Бурджан, которое территориально совпадало с гуннским эльтеберством или «Царством гуннов». Оно, судя по источникам, в VII–VIII вв. было передовым пограничным заслоном на пути к центру Хазарского каганата и его главной ударной силой против арабов.

В результате опустошительных походов, которые совершали в VI в. иранские шаханшахи Кавад I и Хосров Ануширван, а в VII в. арабские полководцы, так называемое «Царство гуннов» пришло в упадок. Его население мигрировало в разных направлениях – на Среднюю Волгу, на Южный Урал и на Балканы.

¹ Бикбов. Указ. соч.

² Сэсэн – башкирский сказитель, хранитель памятников устного творчества и эпического наследия. Сэчен, цецен или чечен в переводе с монгольских языков значит ‘мудрец’.

ГЛАВА IV. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА БАШКИР КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНДОИРАНСКОЙ МИФОЛОГИИ

§ 1. Мифология древних ариев и эпос «Урал-батыр»

Сравнительный анализ башкирского народного эпоса демонстрирует его связь с индоиранской мифологией, а конкретно – с Авестой и Ригведой. Например, образ Урал-батыра имеет ряд типологических сходений с Йимой, героем Авесты. Он также является «первоцарем» человечества и демиургом, спасающим людей от вселенской катастрофы. Урал-батыр, как и Йима, увеличивает площадь земной тверди. Последний использует при этом золотой рог и кнут, в английском переводе – золотое кольцо и кинжал¹. Урал-батыр орудует мечом, а из тел рассеченных им драконов и дивов складываются горы. И хотя имя Йимы не нашло отражения в эпическом наследии башкир, в башкирском языке его имя является синонимом красоты: *йам* ‘красота’, *йамле* ‘красивый’, буквально, «йимистый»².

Как может показаться, это слово проникло в башкирский язык благодаря новоперсидской эпической традиции, в частности, широкой распространенности среди тюркских народов поэмы Фирдоуси «Шахнаме». Однако есть достаточные основания считать данное и многие другие слова ирано-тюркскими изоглоссами, являющимися отголоском туранского этапа истории Евразии. На это указывает, например, наличие у слова *йам* его антитезы в форме *йамак* ‘некрасивый’, ‘уродливый’. В связи с этим стоит привести следующий отрывок из среднеперсидского сочинения «Бундахишн»: «Йима, когда от него ушел фарр³, из страха перед дэвами взял у них себе жену, а Йимак, которая была его сестрой, дал в жены дэву. И от

¹ Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата. С. 177; The Zend-Avesta: the Vendidad // The Sacred Books of East. Vol. IV. Part I. Oxford, 1880. P. 14.

² Этимологически имя фирдоусиевского Джемшида восходит к авестийской форме *Йима хшаета* – «Йима блестящий», «великолепный» или «прекрасный». В других тюркских языках (узбекский, казахский, кыргызский, туркменский) для понятия «красота» используются слова *güzellik*, *körkemlik*, *sululuk*.

³ «Фарр», «фарн» или «хварно» – божественная харизма, дарующая царскую власть.

них произошли обезьяна, хвостатый медведь и другие безобразные виды»¹. В английском переводе: «хвостатые обезьяна и медведь, а также другие виды дегенеративности»². Вероятно, от этого древнеиранского мифа происходит дихотомическая пара слов *йэм* – *йамак* (красота – уродство). Если слово *йэм* теоретически могло быть заимствованием из новоперсидской языковой стихии, то его антоним *йамак* не мог иметь тот же источник, так как предки башкир не были знакомы с пехлевийскими сочинениями, в которых излагается миф о *Йиме* и его сестре *Йимаке*. В «Шахнаме» сестра *Йимы* или *Джамшида* не упоминается ни единым словом. Коль скоро имя антипода *Йимы*, *Йимака*, в качестве синонима уродства имело распространение среди башкир независимо от влияний эпического цикла «Шахнаме», то и сам *Йима* в качестве необходимой части дихотомии «красота – уродство» был известен им независимо от новоперсидских влияний.

Пройдя эволюцию от имени собственного до имени нарицательного, данная лексема, по всей вероятности, бытовала среди башкир до того, как персидская литература нашла в их среде многочисленных почитателей. Все вышесказанное справедливо и для слова *йомарт* – ‘добрый’, ‘приветливый’, происходящего от имени первочеловека *Гайомарда*³. Как и в первом случае, эпос «Шахнаме» не мог послужить источником для заимствования имени этого персонажа рядом тюркских языков, ибо в новоперсидской традиции *Гайомард* трансформировался в *Кеюмарса* (کیومرث). Одним словом, можно констатировать, что многие иранизмы в современные тюркские языки пришли не из новоперсидской литературы, а из туранской языковой стихии.

Иллюстрацией этого тезиса может послужить также тюркское слово *сыра* ‘пиво’. На санскрите *sura* значит ‘хмельной напиток’, персонификацией которого в индийской мифологии является *Сура-дэви*. При пахтанье

¹ Сотворение основы (Бундахишн) // Зороастрийские тексты. М., 1997. С. 298.

² Bundahis or the original creation. P. 87.

³ Слово *Гайомард* переводится как «земной смертный», а его семантика имеет корни в индоевропейских языках. Для сравнения: иранское слово *гайо* близко по значению греческому *geo* – ‘земля’, а иранское *мард* – латинскому *morte* и славянскому ‘смерть’. *Мардан* (‘смертный’) – по-персидски ‘человек’, *мардом* – ‘народ’.

Молочного океана из него вышла Сура-дэви, принятая другими богами, но отвергнутая Дити и Дану, которые с тех пор стали называться *асурами* (*a-sura* «не принимающий суры»). Слово *sura* стало эпитетом богов (дэва), а *asura* стало обозначением демонов. Напротив, абстинентная мораль иранского маздеизма отказывала небожителям класса *hura* или *deva*, вправе называться богами. Иранскими богами стали существа класса *ahura* (*a-hura*, т. е. «не хмель»), верховным божеством стал *Ahura-Mazda*, а все *deva*, носившие эпитет *hura* ‘хмель’, стали демонами. Башкирское слово *һырға* ‘пиво’ отражает иранскую семантику и фонетику названного понятия (оппозиция иранского *h* индоевропейскому *s*).

Еще одно типологическое сходство с древнеиранскими мифами обнаруживает эпос «Урал-батыр» в сюжете об *Урал-батыре* и его брате *Шульгане*. Близнечный миф является мифологической универсалией. В иранских сказаниях он представлен парой близнецов Йимой и Йимак (вариант *Йима* и его брат *Спитьюра*), в индийских – Ямой и Ями. В иранской традиции данный архетип претерпевает дальнейшую трансформацию, став мифологемой о происхождении добра и зла. Стержнем зурванизма, завоевавшего в эпоху Сасанидов роль господствующей идеологии Ирана, стал миф о двух духах-близнецах¹. В основе этого вероучения лежит идея о предшествовании всякому творению, даже богу Ахуре-Мазде, *Зурвана*, нейтральной абстракции, отождествляемой со *Временем*². В греческой мифологии его аналогом является Кронос или Хронос, породивший Зевса. От *Зурвана* произошли два духа-близнеца: «есть пара изначальных духов, смешивающих свои противоположные стремления, и каждый свободен в своих действиях...»³ Один избрал добро, другой – зло. Духов звали *Спента-Манью* (Святой дух или Бог) и *Ангра-Манью* (Злой дух или дьявол). Согласно

¹ *Boysc M. Some reflections on Zurvanism // BSOAS. Vol. 19. 1957. № 2. P. 305.*

² *Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 310; Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. СПб., 2003. С.108–109.*

³ *The Zend-Avesta: the Yasna // The Sacred Books of East. Vol. XXXI. Part III. Oxford, 1887. P. 29.*

зурванизму выходило, что благой Бог не предвечен, а возник в результате распада чистой потенции на две равновеликие половины. Отсюда выходило, что Святой дух и Злой дух онтологически равнозначны друг другу, а, следовательно, добро и зло также равнозначны по силе и бытийному статусу. Так родилась знаменитая концепция иранского дуализма, ошибочно принимаемая за чистый зороастризм. Религия *Заратуштры* трактуется учеными как монотеистическое учение, которое для иранцев было дотоле «неслыханным словом»¹. Как показал Л. А. Лелеков, *зурванизм*, являвшийся, по определению И. М. Стеблина-Каменского, зороастрийской ересью, на самом деле, имел более древние корни, чем зороастризм².

Таким образом, в философском аспекте зурванизма, жестко делящим бытие на внеположные ноуменальный и феноменальный миры, Йима становится земной персонификацией Спента-Манью (Святой дух или Бог), а Спитьюра – Ангра-Манью (Злой дух или дьявол). Не случайно, Урал-батыр и Йима, в конце концов, погибают от рук своих братьев-антиподов Шульгена и Спитьюры, призвавших на помощь драконов *Кахкаху* и *Ажи-Дахака* соответственно.

В эпосе «Урал-батыр» *Янбирде* («Дающий жизнь») и его жена *Янбика* («Вмещающая жизнь») порождают двух сыновей, обладающих, как и полагается мифическим героям, сверхъестественными способностями, которые становятся по собственному выбору олицетворениями добра (Урал-батыр) и зла (Шульган), в чем нельзя не увидеть отголосков древнего иранского дуализма (зурванизма). Братья вступают в непримиримую борьбу. Шульган стоит во главе сонма дивов и драконов, а Урал-батыр разит их своим мечом. Люди были бессмертны, но дивы и их предводитель Шульген устраивают потоп, породив, тем самым, смерть, то есть концентрированное выражение зла. Урал-батыр пытается вернуть людям золотой век, когда они

¹ Geiger W., Windischmann F. Zarathushtra in the Gathas and in the Greek and Roman classics. Leipzig, 1897. P. 29.

² Лелеков Л. А. Авеста в современной науке. М., 1992. С. 173.

«не зная болезней-недугов, о смерти не ведали они»¹. Он отправляется в поисках смерти, которую клянется убить. Когда же понимает бессмысленность своего намерения, решает отыскать напиток бессмертия. Таким образом, один из братьев является творцом жизни, другой – смерти. В «Гате Выбора» (Ясна 30) есть следующий стих: «Когда эти два духа сошлись, то изначально создали жизнь и смерть»². Сходство Авесты и «Урал-батыра» в вопросе происхождении добра и зла налицо.

Обращает на себя внимание типологические параллели между главными героями эпоса «Урал-батыр» и легенд о происхождении скифов, которые приводит Геродот, Диодор Сицилийский, Валерий Флакк. Согласно реконструкции, предложенной Д. С. Раевским, на верхнем горизонте генеалогии стоит скифский Зевс – бог *Папай*, имя которого этимологически отражает отцовское начало. Он был олицетворением неба, чей брачный союз неба, как мужского начала, с землей, началом женским, является общим мифологическим мотивом для многих народов Евразии. Д. С. Раевский отмечает, что его происхождение с рационалистических позиций объяснял еще Аристотель: «Самцом мы называем животное, порождающее в другом, самкой – порождающее в себе; поэтому и во вселенной природу земли считают обыкновенно женской и матерью; небо же, солнце и другие предметы подобного рода именуется родителями и отцами»³. Супругой Папая была богиня земли *Апи*, имя которой восходит к иранскому слову аб/ап ‘вода’. Давно отмечено, что богиня земли у скифов носит имя, отражающее связь с водой, воплощением нижнего мира⁴. Как сообщает Геродот, от брака Зевса (Папая) и дочери реки Борисфен⁵ (Апи) родился сын Таргитай, которому в ряде других версий генеалогического предания

¹ Урал-батыр // Башкирский народный эпос. С. 265.

² Гаты Заратуштры. С. 53.

³ Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен // Мир скифской культуры. М., 2006. С. 66 67.

⁴ Абаев В. И. Культ «семи богов» у скифов // Избранные труды : Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990. С. 94.

⁵ Борисфен – греческое название Днепра.

соответствует сын Зевса Геракл. Обращение к эпосу «Урал-батыр» разоблачает в Янбирде («дающий жизнь») и Янбике («вмещающая жизнь») эквиваленты Папая и Апи. Данные божества, пройдя процесс фольклоризации, трансформировались в персонажи сказок о старике и старухе, зато их сын Урал не утратил черт своего божественного прототипа Таргитая-Геракла. Отметим также, что имя Папая в значении ‘отец’ проникло во многие в тюркские языки, в которых приняло форму *баба/бабай*. Имя скифской богини Апи в форме *ана* получило значение ‘мать’ или ‘старшая сестра’. Имя согдийской богини *Нанай* в ряде памирских языков значит ‘мать’, ‘матушка’¹, а в башкирском языке стала обозначением бабушки².

Очень интересна параллель сюжета о конфликте между Уралом и Шульгеном с мифом об *Имире*, герое исландской Младшей Эдды. Имир, как считают исследователи, является скандинавским аналогом Йимы. Он был убит *Одином*, и из его тела возникло мироздание: из плоти – земная твердь, из крови – моря, из черепа – небесный свод³. Урал-батыр также погибает от козней своего брата Шульгена и его тело превращается в Урал-тау, становой хребет Южного Урала, мировую гору башкирской мифологии. От его имени произошло название всей горной системы так называемого «Большого Урала», включающего в себя несколько субъектов РФ:

Дорога Урала – великая гора,
Могила Урала – славная гора –
Стала именоваться Урал-тау⁴.

По представлениям башкир этот хребет является мировой горой и центром мироздания. Таким образом, образ Йимы-Ямы-Имира, будучи

¹ Гафуров Б. Г. Таджики. С. 154.

² Там же.

³ Младшая Эдда. М., 2006. С. 68.

⁴ Урал-батыр // Башкирский народный эпос. С. 386.

центральным персонажем всей индоевропейской мифологии, нашел свое отражение в эпосе «Урал-батыр» в лице его главного героя.

Авестийский Йима стал жертвой грехопадения и лишился бессмертия. Что это за грех, объясняет Яшт 19 («Замъяд-яшт»):

И не было в том царстве [Йимы]
Ни холода, ни зноя, ни старости, ни смерти,
Ни зависти зловредной, покуда не солгал он:
Неистинное слово не взял себе на ум¹.

В отличие от Йимы, Урал-батыр отказывается от вечной жизни добровольно после встречи с бессмертным стариком, изнемогающим от того, что не может умереть. Он говорит Уралу:

Не пейте из Живого Родника,
Не обрекайте себя на муки, как я;
То, что мы смертью считаем,
Что злом привыкли называть, -
Это есть вечный порядок!²

Подобный пафос был чужд первобытно-цельному сознанию ираноязычных кочевников Евразии. Такой исход дела мог быть вполне приемлемым лишь для Заратуштры и его учения, которое обещало бессмертие за гробом, как посмертную награду после гибели ненавистного дольнего мира. Зато тема живой воды, общая для индоевропейской мифологии, без сомнения, имела место в мифологии племен скифо-сарматского мира. Как можно заметить, рассказ об источнике бессмертия, найденном Урал-батыром, имеет большое сходство с авестийским сюжетом, который можно условно назвать «напиток бессмертия (*хаома*) и первожрец». В «Хом-яште» рассказывается о том, как бог напитка бессмертия *Хаома* говорит пророку Заратуштре: «О, Заратуштра, я Хаома священный,

¹ Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата. С. 158; The Zend-Avesta : the Yasts. P. 293.

² Урал-батыр // Башкирский народный эпос. С. 361.

устраняющий смерть». При этом Заратуштра спрашивает его о том, кто первым из людей отжимал хаому. На что Хаома отвечает: «Вивахвант был первым человеком, который готовил меня для воплощенного мира». Он породил Йиму, «который своей властью освободил, как стада, так и людей от смерти»¹. Хотя в гимне не говорится, каким образом Йима сделал всех бессмертными, из его контекста очевидно, что это произошло с помощью приготовления того же напитка бессмертия *хаомы*. В современном зороастризме считается, что в будущем придет *Саошьянт* (Спаситель), совершит безупречную литургию *ясну*, и напитком бессмертия низвергнет смерть, чем остановит конечное земное время. Таким образом, Йима предстает еще и первожрецом, обессмертившим хаомой землю, животных и людей. Урал-батыр исполняет аналогичное священнодействие, однако, достаивает бессмертия лишь неодушевленную природу:

К Живому Роднику пришел, говорят,
Полный рот воды набрал, говорят,
По дороге сам поскакал,
Подъехал к возникшей из дивов горе,
Побрызгал там водой, говорят:
«Пусть зеленеют горы и леса,
Пусть обретут вечный цвет...»²

Рассмотрим другие персонажи башкирского эпоса «Урал-батыр», среди которых наибольший интерес представляют *Хумай*, *Самрау*, *Кахкаха* и *Катил-батшах*.

Змееборческая ипостась Урал-батыра сближает его с авестийским *Траэтаоной* или *Феридуном* поэмы «Шах-наме», победившим *Ажи-Дахака*. Слово *аž* означает 'змея' или 'змея', *Dahak* – личное имя Змея³. Урал-батыр также убивает *аждаху Кахкаху*. Интересно, что в «Шахнаме» авестийский

¹ The Zend-Avesta: the Yasna. P. 232.

² Урал-батыр // Башкирский народный эпос. С. 362.

³ В иранских и тюркских языках имя авестийского Ажи-Дахака стало нарицательным, обозначающим дракона (аждаху) вообще.

змей Дахак превратился в царя-тирана *Заххак*. Причины фонетической трансформации имени персонажа (Дахак ~ Заххак) довольно прозрачны. Как известно, при составлении эпического цикла «Шахнаме» Фирдоуси использовал ранние арабские переводы официальной сасанидской (пехлевийской) «Истории царей» («Хвадай намаг»). Арабские переводчики, стремясь придать семантическое наполнение имени древнеиранского Ажи-Дахака, переделали его написание в форму Даххак: ضحاك «даххак» по-арабски – ‘хохотун’¹. По всей видимости, облик эпического Ажи-Дахака рисовался иранскому народу накануне арабского завоевания в образе уже не сказочного дракона, с чем не могло мириться рациональное сознание зороастрийского духовенства, а в образе жестокого царя-хохотуна. Однако не везде его имя трансформировалось в форму *Даххак/Заххак*. В степях Анэрана (Турана) стал господствующим иной вариант с той же семантикой – Кахкаха (قهقهة), что в переводе с арабского языка значит ‘хохот’. Данное имя, по всей видимости, было введено вместо авестийского Ажи-Дахака сознательно, дабы избежать прямой и смысловой тавтологии. В самом деле, словосочетание «аждаха Дахак», удваивающее слово *daha*, звучало бы не слишком благозвучно. Поэтому, для удобства и рифмы было придумано новое имя – *аждахá Кахкахá*. Эти превращения демонстрируют, что в среде устного бытования эпических сказаний и легенд Турана хорошо осознавалась этимология переводных с персидского языка арабских слов. Но это вовсе не означает, что образ Ажи-Дахака или его новоперсидская словоформа Заххак были попросту заимствованы из «Шах-наме», а само имя Кахкаха является механической переделкой слова «заххак» ‘хохотун’. Уже одно то, что фирдоусиевский Заххак является антропоморфным персонажем, а Кахкаха, как и авестийский Ажи-Дахак, многоголовым драконом, делает невозможным их прямую взаимосвязь.

¹ На фарси это имя звучит как *Заххак*, т. к. арабская буква «dad» (ض) в новоперсидском алфавите выражает звук -з-.

Традиция связывать различные археологические объекты с демоническими существами является широко распространенной. В качестве примера можно привести многочисленные «чертовы городища» на территории России. Аналогично этому имя Кахкахи широко использовалось иранскими народами Средней Азии для атрибуции неизвестных им объектов. Например, развалины раннесредневекового города Бунджиката, являвшегося столицей Усрушаны, у местного таджикского населения известны под названием *Кала-и Кахкаха*, то есть ‘город Кахкахи’¹. Древняя крепость времен Кушанской империи, остатки стен которой находятся близ поселка Ишкашим в Горном Бадахшане, местным населением также именуется *Кахкаха*. По преданию, горная твердыня некогда принадлежала злему великану Кахкахе. Никто не мог с ним справиться, пока не пришел ‘Али, зять пророка Мухаммеда, и не сразил его мечом’². По всей видимости, после принятия ислама в преданиях местного населения ‘Али заменил авестийского Траэтаону (Феридуна), а Кахкаха – Ажи-Дахака. Явные параллели в мифологии башкир, таджиков и памирцев говорят об общих истоках их эпических сказаний, уходящих корнями в незапамятную древность. Причем, единство их духовной культуры сохранялось до довольно позднего времени, коль превращения имени Ажи-Дахака отразились не только в сказаниях иранского населения Средней Азии, но и в эпосе «Урал-батыр».

Коснемся теперь образа *Катил-батшаха*, то есть «падишаха Катила». В переводе с арабского *Катил* (قاتل) означает ‘убийца’, что выдает довольно позднюю интерполяцию этого персонажа в текст эпоса. Как нам представляется, толчком для этой новации послужила поэма «Шахнаме». Как уже говорилось выше, древний авестийский змей Ажи-Дахак прошел

¹ Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. М., 1985. С. 122; Негматов Н. «Капитолийская волчица» в Таджикистане // Наука и жизнь. 1968. № 1. С. 33.

Древняя Усрушана входила в состав Согда. В V–IX вв. была самостоятельным княжеством. В 822 г. была завоёвана арабами. Правитель Усрушаны, афшин Кавус, принял ислам.

² Войлошников М. Вахан // Вокруг света. 1992. № 12. – URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/2248/> (дата обращения: 22.01.2013).

эволюцию от обыкновенного Змея Горыныча до мифического правителя Ирана. Среднеперсидское сочинение IX в. «Денкард» называет его «хорошим властелином демонов и людей». В другом фрагменте его текста народ бросает упреки Феридуну: «Зачем ты сокрушил Аждахака, который был хорошим правителем?»¹ А Фирдоуси прямо называет Заххака «основателем трона державы». Словом, Ажи-Дахак предстает перед нами во вполне антропоморфном облике. Влияние новоперсидской эпической традиции, где Дахак предстает в качестве иранского царя, который затем превращается в злого людоеда, приводит к появлению двух отдельных персонажей: остается змей Кахкаха, прототипом которого был древний Ажи-Дахак, но при этом появляется Катил-батшах, ‘падишах Убийца’, навеянный поэмой Фирдоуси. Он не имеет самостоятельного онтологического статуса в эпосе «Урал-батыр», являясь лишь позднейшей ипостасью древнего Змея.

Семантика змееборческого мифа связана с космологическими представлениями о черной туче-драконе, побежденной солнцем-божеством. Данный миф является древнейшим архетипом человеческого сознания. Мирча Элиаде пишет, что «до своей фольклоризации миф представлял царствование Дракона, как «хаотический» период, когда подвергались опасности истинные источники жизни»². В древнеиндийской мифологии он символизировал преодоление первичного космического хаоса и торжество справедливого миропорядка. Исследователи пишут: «Основной мифологический мотив, связанный со ‘Змеем’, это противоборство верховного божества с главным воплощением ‘Нижнего мира’. В архаических индоевропейских мифологических мотивах изображается убийство Змея его божественным противником»³. Именно этот сюжет является центральным в эпосе «Урал-батыр», главный герой которого выступает в роли мироустроителя, то есть божества. Как пишет Е. Е. Кузьмина, «главная функция индоиранских богов – поддержание мирового

¹ Dinkard. P. 216.

² Элиаде М. История веры и религиозных идей. М., 2002. С.137.

³ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Указ. соч. С. 527.

порядка, борьба с темными силами и победа над ними»¹. Именно поэтому в ассоциативный ряд мифологии древних ариев было включено название племени *daha*, представители которого с незапамятных времен были их антагонистами. Так возникла изафетная конструкция *Аж-и Дахак*, в которой к слову *až* ‘змей’ было присоединено этническое *Dahak* (этнонима *daha* + именной суффикс *-ak-*) в качестве личного имени.

Возникает резонный вопрос об имени этого древнего змея в среде самих дахов и позднейших скифо-сарматских кочевников, поскольку они вряд ли могли именовать олицетворение сил зла своим племенным названием. Учитывая, что Урал-батыр творил Уральские горы из тел поверженных им драконов, в числе которых был и Кахкаха², отметим единственный ороним Южного Урала, имеющий в названии древнеиранское слово *až* ‘змея’. Это – гора *Ажи-Гардак*, расположенная на территории Челябинской области. Предположим в качестве рабочей гипотезы, за неимением иных вариантов, что Змей, персонаж скифо-сарматской мифологии, легшей в основу башкирского эпоса «Урал-батыр», мог именоваться Ажи-Гардаком. Данное имя (اژ گردک) с иранских языков можно перевести как ‘Небесный Змей’. Первый член изафетной конструкции اژ (*až*) значит ‘змей’. Второй член گردک (*gardak*) состоит из корня گرد (*gard*), что значит «небесная сфера» и иранского суффикса личных имен اک (*-ak-*)³.

Рассмотрим следующий персонаж башкирского эпоса – птичьего царя *Самрау*. В поздней башкирской литературной традиции *Самрау* небезосновательно сопоставляется с *Симургом*. Например, в сюжетно идентичных друг другу сказках – курдской «Длинноухий Харзам» и башкирской «Аюголак» («Медвежье ухо») – мифическая птица, спасающая главного героя, носит имя *Симург* и *Самригуш* (баш. ‘птица Самри’)

¹ Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоевропейцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 57.

² Авестийского Траэаона также сокрушил Ажи-Дахака и заточил его в чреве горы Демавенд.

³ Персидско-русский словарь. Т. I. М., 1970. С. 388.

соответственно¹. В этногенетических преданиях башкирского рода Иректы она носит название Самруг². Согласно иранской традиции, Симуруг живет в горах Альбурза, где охраняет произрастание хаомы. В древности эта мифическая птица именовалась *Saeno margo*. Это написание и зафиксировала Авеста. Новоперсидскому времени соответствует стяженная форма Симуруг (Sa[eno] marg[o]). Этот факт говорит в пользу победы народного иранского произношения, отраженного в Авесте, тогда как среднеиранский (пехлевийский) персонаж носил название *Сэнмурв* (*Senmurw*). Эта форма, по всей вероятности, была привнесена в иранскую речь завоевателями Ирана парфянами и отражала дахо-парфянское произношение. Эту форму знают практически все среднеперсидские сочинения – «Бундахишн», «Денкард», «Айадгар-и Зареран» и другие. Близость туранизма *Senmurw* и башкирского *Samraw* очевидна.

Необходимо заметить, что башкирская традиция, четко осознавая соответствие Самрау/Самригуш/Самруг фирдоусиевскому Симуругу, продолжала сохранять древнее произношение от ассимиляции с новоперсидским звучанием. Несмотря на семантическую идентичность, их имена звучат по-разному. К. В. Тревер замечает, что «образ Сэнмурва мог сохранить за собою в литературной традиции имя, происходящее не из того диалекта, который лежит в основе языка Авесты»³. Иными словами, название Сэнмурв происходит не из языка официальной литературы, а из туранских диалектов, чем и объясняется его большая вариативность: пехл. *Сэнмурв*, перс. *Симуруг*, курд. *Симыр*, арм. *Синама*, баш. *Самрау*, *Самруг* или *Самри*, рус. *Семаргл*. Место, где живет Самрау, описывается как страна бессмертия: «Есть там такая страна, где крови не пьют, мяса не едят, куда путь для Смерти закрыт...Днем и ночью веселье одно»⁴. Иранская птица Симуруг

¹ Волшебные сказки далеких стран и островов. М., 1994. С. 365–376; Башкирские сказки и легенды. Уфа, 1996. С. 79–84.

² Кииков Ф. Башкорт тарихы вә иректе нәсәбе. Өфө, 2011. 26 б.

³ Тревер К. В. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л., 1937. С. 26.

⁴ Урал-батыр // Башкирский народный эпос. С. 279.

живет на горе Альбурз или Хара Березайти, которая является обителью иранских богов. В Авесте говорится: «Мы почитаем Митру..., которому обитель создал Ахура-Мазда над Харою Высокой [Хара Березайти], многоотрогой, светлой, где нет ни тьмы, ни ночи, ни холода, ни зноя, болезней смертоносных, ни скверны, что от дэвов...»¹ Таким образом, соответствие друг другу Самрау и Симурга/Сэнмурва очевидно.

Если истоки образа Самрау лежат в скифо-сарматском фольклоре, то уместно задать вопрос о вероятности бытования образа Симурга в среде исторических туранских кочевников. Данные археологии отвечают на этот вопрос утвердительно. Одним из немногих зримых образов Сэнмурва считается изображение на золотой пластине из скифского кургана V в. до н. э. на Кубани. На предмете изображено двуприродное существо – птица с головой собаки². На обкладке ножен меча, найденной в Придонье и датируемой VI в. до н. э., дана птица с мощными звериными лапами, которая держит в клюве змею. На этом самом раннем изображении Сэнмурва подчеркивается его змееборческая функция, что особенно интересно с учетом аналогичного контекста эпоса «Урал-батыр». Таким образом, башкирский Самрау имел своим источником туранские или индоиранские (арийские) мифы.

Не менее интересным персонажем башкирского эпоса является птица *Хумай*. Сначала обратим внимание на то, каким предстает этот персонаж в поэме «Шахнаме».

Ту крепость высокую – чудо земли –
Из водных глубин колдовством вознесли.
Обилие благ наполняет ее,
И птица Хомай осеняет ее³.

По иранской традиции, человек, попавший под тень крыла птицы Хомай, становится царем. Османский титул *Хумаюн* по-персидски значит

¹ Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата. С. 89.

² Тревер К. В. Указ. соч. С. 36–37.

³ Фирдоуси. Шахнаме. Т. I. С. 139.

«августейший», «счастливый»¹. От этого деривата происходит название «вещей птицы» *Гамаюн* русского фольклора. Мифологи отмечают, пока не совсем понятную, связь этого образа с богиней тюркского пантеона *Умай*². Ее прототипом, по всей видимости, была *Дэви*, жена *Шивы*, которая является древнейшим ведийским божеством, проявляющимся в роли богини-матери³. В своей благой ипостаси она известна, как *Ума* («светлая»), а в грозной, как *Кали*. Тюрки выбрали светлую ипостась индийской богини, назвав ее *Умай* и сделав женой *Тенгри-хана*. Одним из веских аргументов в пользу этой точки зрения, кроме несомненного семантического сходства двух богинь, можно назвать следующее: в мифологии тюркских народов *Умай* обитала на горе *Сумер*⁴.

Сумер или *Су-Меру*, то есть «Прекрасная Меру», в Ригведе является обителью богов, где пребывают всемогущие индийские боги Брахма, Шива, Вишну. В сако-хотанских текстах она корреспондируется с иранской Хара Березайти⁵. Вместе с Шивой там же находится и его жена Дэви (*Ума*). Как видим, *Умай* и *Ума* имеют местом своего пребывания одно и то же место – гору *Сумер* или *Су-Меру*, что говорит в пользу эквивалентности названных богинь.

В результате заимствования в тюркском пантеоне, изначально включавшем в себя всего два божества – *Тенгри-хана* (Небесного царя), олицетворение духа, и *Идук Йер-Су* (Священную Землю-Воду), персонификацию материи, – появляется совершенно лишняя в законченной дуалистической квазифилософской концепции тюрков богиня *Умай*. *Тенгри-хан* по примеру *Шивы* приобретает себе жену, хотя его пассивной и подчиненной противоположностью изначально была *Идук Йер-Су*, как олицетворение женского родящего начала: *Тенгри-хан*, изливая свое семя в

¹ Зайцев И. В. Цари и падишахи // Родина. 2006. №12. С. 56.

² Мифы народов мира. 2-е изд. Т. II. М., 1988. С. 547.

³ Хамидуллин С. И. Тюркское Небо. С. 119–128.

⁴ Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972. С. 215.

⁵ Bailey H. W. Saka studies: the ancient kingdom of Khotan. P. 70.

виде дождя, оплодотворял ее. Однако здесь возникает определенная трудность. Образ птицы Хумай, являющейся воспроизведением индийской Умы, есть в «Шахнаме», но почему-то отсутствует в Авесте. Эта коллизия открывает новые перспективы для анализа данных персонажей.

Фирдоуси жестко следовал переводам «Хвадай-намаг», который вобрал в себя авестийские и пехлевийские эпические традиции, поэтому непонятный причины появления в «Шахнаме» индийско-туранской птицы Хомай, поскольку Туран и Индия были антагонистами зороастрийского Ирана. Новация в виде птицы Хомай могла войти в кодифицированный канон официального иранского эпоса вместе с сако-согдийскими сказаниями о Рустаме, прошедшими культурную адаптацию и натурализацию в Иране.

Среда североиранских кочевников была восприимчива к индийским влияниям по причине того, что они были поклонниками дэвасны и противниками иранского маздеизма¹. Иран, напротив, всегда находился в жесткой оппозиции к религиозным и культурным установкам Индии. Так, например, Авеста и «Денкард» квалифицируют индийского бога Варуну, Будду и верховного бога индоиранского пантеона Индру как демонов². Именно поэтому птицы Хомай, в которой иранское жречество без труда разглядело бы «ересь», нет ни в Авесте, ни в пехлевийских зороастрийских сочинениях. Следовательно, индийские влияния могли проникать в иранскую духовную культуру не напрямую, а опосредованным путем. Идя окольной дорогой, индийские мотивы легко находили себе прибежище в среде

¹ Дэвасяна — поклонение божествам природных стихий, называемым дэва (сравните: индийское *deva*, латинское *deus* – ‘бог’, славянское *диво*). В скифо-сарматское время в среде евразийских кочевников это слово носило положительный смысл, о чем говорит ономастический материал из Согда. Известен согдийский царь по имени Деваштич, т. е. «одержимый дэвами» (См.: Юридические документы и письма (Согдийские документы с горы Муг, вып. 2) / Чтение, пер. и коммент. В. А. Лившица. М., 1962. С. 57). Смена полюса этического восприятия этого понятия у североиранских кочевников и тюркоязычных народов произошла под влиянием новоперсидской традиции. В башкирском языке слово «дейеу» теперь переводится как ‘бес’. В самом же Иране дэвасянский пантеон был низвергнут в результате религиозной реформы Заратуштры.

² Чунакова О. М. Указ. соч. С. 28.

кочевников Евразии. Богиня Умай пришла не только в сако-сарматские, но и в тюркские степи.

Отдельно стоит вопрос о трансформации имен индийской Умы и тюркской Умай в форму Хумай. Эта метаморфоза могла произойти в результате спирантизации, которая характерна для тохарского языка и сакских наречий. «Анализ хотанского (значит, и тохарского) языка установил наличие в качестве его фонетической особенности спиранта *kh, gh* перед начальным гласным», – пишет А. Н. Бернштам¹. Хотанцы, потомки саков Восточного Туркестана, даже тюркизировавшись, вместо тюркского *ata* (اتا), то есть «отец», говорили *hata* (هاتا); вместо *ana* (انا), то есть «мать», говорили *hana* (هانا)². То есть превращение Умай в Хумай закономерно по правилам сако-тохарских диалектов.

Поскольку башкирская Хумай является невестой Урал-батыра, героя и полубога, то данный факт наводит на мысль об их сходстве с другими супружескими парами Тенгри-Умай и Шива-Ума. В башкирском эпосе божественные атрибуты мироустроителя принадлежат Урал-батыру, а Тенгри представлен второстепенным кровожадным божком, которому Катил-батшах приносит человеческие жертвы. Хумай также является богиней, так как именно ей принадлежит право божественной инвеституры: тот, кому она вручит алмазный меч, «в целом мире будет самым большим богатырем, всех склонить головы заставит он»³.

Обладая обликом прекрасной девы, она, в то же время, могла обращаться в белую лебедь. Тем не менее, антропоморфность Хумай превалирует над ее птичьим обликом, хотя она все же приходится дочерью птичьему царю Самрау. Эта генеалогия была придумана лишь для связности сюжета. Имея в своем распоряжении древний индоиранский образ птицы *Saeno margo/Senmurw/Samraw*, и ни как не связанный с ним персонаж индо-

¹ Бернштам А. Н. К вопросу об усунь||кушан и тохарах (Из истории Центральной Азии) // СЭ. 1947. № 3. С. 43.

² *Kaşgarlı Mahmud. Divanü Lugat-it-Türk Tercümesi. S. 32.*

³ Урал-батыр // Башкирский народный эпос. С. 312.

тюрко-сакской богини Умай-Хумай, эпос превратил их в отца и дочь. В башкирской среде имя Хумай сохранило сако-тохарские фонетические особенности в виде спирантизации. Это может означать только то, что образ Хумай достался башкирам от их сако-сармато-аланских предков – древних бурджанов, муйтенов и кангаров. Тюркские предки башкир – древние башкурты (прабашкиры)¹, кипчаки, енисейские кыргызы – принесли несколько иные представления об Умай. Поэтому, волшебная дева-птица Хумай, дарительница воинской удачи и власти, ассимилировала в себе обе линии – тюркскую и туранскую, соединив в себе человеческие и птичьи признаки богинь.

Связь башкирского эпоса с мифологией древних ариев также проявляется в сюжете об убийстве или приручении небесного (космического) быка. Этот древнейший архетип ближневосточной культуры объединяет образы Урал-батыра и индоиранского бога Митры. Последний изначально был богом договора, гарантирующим мир и согласие между людьми, а если брать шире, то и упорядоченное мироздание, противоположное хаосу. Не случайно, авестийское слово *miθra* и пехлевийское *mihra* значит ‘договор’². Так как огненные ордалии у древних ариев были основным методом проверки на верность договору, сначала огонь, а затем солнце стали олицетворением Митры³. Семантика его образа была связана с небом и его концентрированным выражением, солнцем, уже в незапамятные времена индоиранского единства, так как в Ведах оно прямо именуется Митрой⁴.

Как считают исследователи, именно Митра, а не Ахура Мазда, был верховным божеством туранских племен. А.К. Акишев пишет: «Культ Митры (в отличие от маздеизма) – центрального образа в религии саков и

¹ Хамидуллин С. И. Прабашкиры // Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа : материалы Всерос. науч.-практ. конференции, посв. 70-летию С. Н. Шитовой (Уфа, 22 декабря 2006 г.). Уфа, 2006. С. 74–78.

² Чунакова О. М. Указ. соч. С. 152.

³ Boyce M. A history of Zoroastrianism // Handbuch der Orientalistik. Vol. I. Leiden-Köln, 1975. С. 28–29.

⁴ Kak S. Vedic Elements in the Ancient Iranian Religion of Zarathushtra // The Adyar Library Bulletin. Vol. 67. Madras, 2003. P. 53.

других народов Средней Азии – являлся универсальным выражением производственных, социальных и политических связей внутри пестрого этнокультурного комплекса, который определяли обобщающим этнонимом «саки»¹. Данный вывод делается на основе свидетельств Геродота. В своем рассказе о войне персидского царя Кира с массагетами он сообщает, что «единственный бог, которого они почитают, это – солнце». Царица массагетов Томирис обратилась к Киру со словами «клянусь тебе солнцем, владыкой массагетов»². У скифов аналогом Митры был Колаксай, сын Таргитая и внук Папая (Валерий Флакк называет его сыном Юпитера, то есть Зевса). Его имя восходит к иранскому *Hvar-xšaya*, то есть «Царь-Солнце»³.

Согласно «Бундахишну», из тела «единосотворенного» быка возникла вся флора и фауна земли⁴. В западном митраизме, распространившемся по эллинистическому миру, а затем в Римской империи, из частей быка, заколотого Митрой, также возникает все живое⁵. Как можно судить по более ранним источникам, в иранской традиции бык ассоциировался с луной: «Взойди, вознесись, месяц, - ты, который порождает быка!»⁶. Данная ассоциация возникла по причине схожести бычьих рогов с нарождающейся луной. Следовательно, сцена убийства быка солярным божеством символизирует победу света над тьмой, дня над ночью. Видимо, именно эта очень простая идея первоначально и лежала в основе митраизма, имевшего распространение среди ариев Ближнего Востока во II тысячелетии до н. э.⁷ Аналогичные представления о небесном быке бытовали и в среде туранских племен, что подтверждено на археологическом материале. Петроглифы Тамгалы и Хантау в Казахстане содержат изображения быка, на котором едет

¹ Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. С. 89.

² Геродот. Указ. соч. С.93–94 (I, 212, 216).

³ Раевский Д.С. Указ. соч. С. 84.

⁴ Сотворение основы (Бундахишн). С. 276.

⁵ Cumont F. The mysteries of Mithra. Chicago, 1903. С. 137.

⁶ The Zend-Avesta: the Vendidad. P. 226.

⁷ Крюкова В. Ю. Зороастризм. СПб., 2005. С. 79–80.

солнечное божество¹. Мотив его убийства здесь не прослеживается. Скорее, речь и идет о его укрощении и приведении его в бессильное состояние, о чем говорится и в эпосе «Урал-батыр»:

Землю с ревом взрывая,
В ярости брызжа слюной,
Подбежал бык огромный,
Как гора, говорят...

Урал схватил быка за рога с такой силой, что тот от натуги по колено в землю ушел, из его пасти потекла кровь, выпал верхний зуб, а копыта треснули пополам. После чего батыр произнес:

Рога твои, что держал я в руках,
Согнутыми останутся навсегда,
В щербатой пасти твоей
Верхний зуб не вырастет никогда,
Раздвоенные копыта твои
Не сомкнутся никогда.
Не только ты, но и потомство твое
Такими останетесь навек².

Космогонический мотив укрощения или принесения в жертву быка сближает Урал-батыра с Митрой, являвшимся верховным божеством туранцев. Интересно, что схожий сюжет имеется и в греческой мифологии. Как сообщает Геродот, Геракл угнал у Гериона, ужасного трицефала, стадо быков, а затем убил и самого трехголового великана. Главный герой башкирского эпоса также убивает многоголовое чудовище и укрощает его быка. Герой Ригведы Трита, аналог авестийского Траэаоны, также убивает трехглавое чудовище и освобождает быков³.

Йима и Урал погибают от рук своих братьев – Спитьюры и Шульгена⁴. Таким образом, Урал-батыр соединил в себе черты древнего солярного божества, демиурга и культурного героя-земееборца, которые в иранской традиции распределились между Йимой, Траэаоной и Митрой.

¹ Акишев А. Указ. соч. С.37.

² Урал-батыр // Башкирский народный эпос. С. 291.

³ Раевский Д. С. Указ. соч. С. 108.

⁴ Авеста в русских переводах. СПб., 1997. С. 389.

§ 2. Иранизмы в мировоззрении древних башкир

Составляющий основу башкирской мифологии, эпос «Урал-батыр», как было показано выше, содержит отголоски мировоззрения туранских кочевников Евразии, а через них является отражением мифологии древних ариев. Насколько эпос «Урал-батыр» близок к эпическим сказаниям Авесты и Ригведы, настолько он далек от религиозных воззрений древних тюрков, зафиксированных в орхонских памятниках рунического письма. Тюркский тенгризм был у башкир без остатка поглощен исламом, тогда как архаический эпос «Урал-батыр» сохранился в качестве реликта мифологического мировоззрения. Он вобрал в себя пестроту дэваяснийского пантеона и демонологии. Тенгрианство, которое некоторые исследователи склонны рассматривать как религиозную систему, доктринально сходилось с современными ему развитыми монотеистическими религиями, так как ему были характерны вера в Единого Вседержителя Тенгри-хана (Небесный царь), вера в загробную жизнь, предвечное существование духовных субстанций людей¹.

К сожалению, скудость источников не позволяет говорить об эсхатологии религиозной системы древних тюрков. Упоминание в ряде поздних тюркских и уйгурских источниках «адского Эрлик-хана» может говорить в пользу представлений о посмертном воздаянии за земные поступки человека². Обитель Тенгри-хана, куда «улетают», согласно эпитафиям, каганы и беки, вероятно, являются «раем»³. Слово Тенгри современными башкирами употребляется как синоним арабского Илах и персидского Худай, то есть в значении бога. Что касается Эрлик-хана, то он сохранился лишь в башкирских народных сказках. Таким образом, близость тенгрианства к мировым монотеистическим религиям облегчило его

¹ Хамидуллин С. И. Тюркское Небо. С. 119–128.

² Стеблева И. В. Указ. соч. С. 218.

³ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 39, 43.

ассимиляцию исламом, ставшим господствующей идеологией башкирского общества в средние века.

Нужно понимать, что элементы тенгризма обязаны своим происхождением тюркским предкам башкир, привнесшим религиозные представления Центральной Азии в инокультурную среду, существовавшую на Южном Урале задолго до их прихода. Единственным историческим источником о верованиях местного населения является «Рисале» Ибн Фадлана. Рассказывая о встрече с башкирами, он пишет: «один из них сказал, что у него двенадцать богов: бог зимы, бог лета, бог дождя, бог ветра, бог деревьев, бог людей, бог лошадей, бог воды, бог ночи, бог дня, бог смерти, бог земли, а самый большой бог находится на небе»¹. Для обозначения божеств башкирского пантеона Ибн Фадлан использует арабское слово *рабб* (رب), то есть 'Господь', синоним бога². Обожествление природных стихий и животных характерно именно для дэваяснийского политеизма. Поэтому наибольшее число соответствий башкирским небожителям можно найти именно в иранском, индийском и скифском пантеонах. С описанными Ибн Фадланом божествами природных стихий очень схожи иранский бог ветра Вай, демон зимы Змака, покровитель всех живых существ Геуш-Урван, богиня воды Ардвисура, бог неба Асман, богиня земли Зем; скифская богиня земли и воды Апи, бог воды Фагимасада; индийский бог огня Агни, бог воды Апам Напат, бог солнца Сурья и т.д. Под личиной «самого большого бога» башкир мог скрываться как тюркский Тенгри-хан, так и скифский Папай или Митра, или оба одновременно, как это было в «царстве гуннов» на Северном Кавказе.³ Описанный Ибн Фадланом культ более схож с индоиранским политеизмом, чем с бинарной системой тенгризма.

Одним из немногочисленных отголосков древнетюркской эпохи являются пережитки культа предков, отразившиеся в легендах о происхождении этнонима *башкорт*. В предании говорится: «В давние

¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. С. 65.

² *Йакут ар-Руми*. Указ. соч. Т. I. С. 323.

³ История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. С. 193.

времена наши предки кочевали из одной местности в другую...Долго шли, прошли великий путь и наткнулись на волчью стаю. Волчий вожак отделился от стаи, встал впереди кочующего каравана и повел его дальше. Еще долго следовали наши предки за волком, пока не дошли до благодатной земли...Посоветовавшись между собой аксакалы решили: «Нам не найти земли, прекраснее этой...Остановимся же здесь и сделаем ее своим становищем». И стали жить на этой земле...С тех пор наши предки стали называться «башкорттар», то есть людьми, пришедшими за главным волком. Раньше волка звали «корт». Баш корт – значит «головной волк»¹. Слово *gurt*, *kurt* ‘червь’ является табуированным именем волка, использовавшимся огузскими племенами – предками турок, башкир, азербайджанцев и туркмен². Табу на имя тотема, по всей видимости, было введено после поражений, которые понесли огузы от аваров (жужаней) или тюркютов в V-VI вв. Древние тюрки (кёк-турки) вообще и прабашкиры, в частности, отождествляли себя с волками³. В то же время иранские предки башкир, напротив, почитали, как своего предка, собаку. Как считают некоторые исследователи, «у иранских народов существовало поверье, что душа предков после смерти переселяется в собак, пища, даваемая собаке, обладала еще и сакральным смыслом – как ублажение духов предков»⁴.

Примером сохранившегося древнеиранского тотемизма, некогда бытовавшего среди башкир, может послужить топонимический и ономастический материал. Встречающиеся в архивных документах XVII–XIX вв. имена, отраженные также в названиях некоторых населенных пунктов, типа, *Эткинья* ‘сын собаки’, *Эткусты* ‘брат собаки’, *Эткул* ‘раб собаки’, *Этимган* ‘вскормленный собакой’, говорят в пользу бытования в

¹ Башкирское народное творчество. Т. 2 : Предания и легенды. Уфа, 1987. С. 103–104.

² Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 132–133.

³ Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII вв. М.-Л., 1946. С. 162.

⁴ Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат). С. 204.

прошлом среди башкир культа собаки¹. Иранская ономастика также сохранила его следы. Так, дочью правителя Аррана (Кавказской Албании) Барзабада была принцесса *Sagduxt*, имя которой можно перевести как ‘дочь собаки’².

О тотемистических представлениях древних иранцев сообщает Геродот. Последний мидийский царь Астиаг приказал умертвить своего внука Кира из опасения, что тот, как предсказывали прорицатели, займет его трон. Однако младенец не погиб, так как его подобрала и вскормила дочь пастуха Митридата по имени Спако (**Σπακω**), что значит ‘собака’ (**спака**)³. Далее Геродот пишет: «для того, чтобы спасение сына (то есть Кира — С. X.) казалось персам еще более чудесным, распространили слух, что подброшенного Кира вскормила собака»⁴. По этому поводу В.И. Абаев замечает: «Надо ли говорить, что в действительности имело место обратное тому, что говорит Геродот: первоначально легенда говорила, что Кир вскормлен собакой, и впоследствии предание было рационализировано в том направлении, что нарицательное собака было истолковано как собственное имя вскормившей Кира пастушки»⁵. Таким образом, перед нами древнейшее этногенетическое предание, считающее собаку тотемом персов.

Говоря об онтологических предпосылках культа собаки, следует обратить внимание на то, что этноним *saka* является видоизмененной формой слова *spaka* ‘собака’. Как считают исследователи, «фонетическое различие

¹ Например, село Иткулово (*эт* «собака» + *кул* «раб») Ишимбайского района; пугачевский полковник, башкир Гайнинской волости, Батыркай Иткинин (*эт* «собака» + *кинъя* «младший сын»); старшина Балыкчинской волости Сулейман Иткустин (*Эт* «собака» + *кусты* «младший брат»). Как видно из географии распространения «собачьих» имен, культ собаки охватывал всю территорию Башкирии, а не только ареал проживания бурджан. Однако, некоторым башкирским родам тюрко-монгольского происхождения был непонятен и даже неприятен культ почитания собаки, поэтому в их среде появляются имена, с оппозиционной семантикой, как, например, в фамилии старшины Кара-Табынской волости Расула Итжимясова (*эт* «собака» + *жиммяс* «не будет сосать [грудь] собаки»), то есть «не вскормлен собакой»;

² Histoire de la Géorgie P. 146.

³ *Spako* – один из многочисленных иранизмов в русском языке, синоним славянского «пёс» (ж. р. псица).

⁴ Геродот. Указ. соч. – С.57 (I, 122).

⁵ Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. С. 88.

между *spara* и *saka* он объясняет переходом, аналогичным тому, который был в хотано-сакском языке, где *sp* проявляется в форме *ss*, например, *aspa* ~ *assa*¹. Таким образом, иранское слово *asp* ‘лошадь’ превратилось в *assa*, а вместо древнеиранского *spara* в современных иранских языках (фарси, дари, таджикский) употребляется *sag* (سگ), то есть ‘сак’, в ахеменидских надписях – *saka*². Будучи кочевниками-скотоводами, саки отождествляли себя со сторожевыми псами, пасущими скот. Как писал Я.В. Чеснов с отсылкой к работам известного бельгийского лингвиста Альберта Виндекенса, «кажется наиболее вероятной этимологизация термина *sak* в значении ‘собака’, взятом в специальном смысле “страж стада”»³. Данное отождествление не было уничижительным, как не было уничижительным отождествление тюрков с волками, русских с медведями, а французов с петухами.

Подтверждением существования тотемистического культа собаки у башкир являются столь странные для тюрков и мусульман «собачьи» (сакские) имена⁴. В этой связи совсем иной смысл приобретает приведенная выше ономастика персов и башкир: «дочь сака», «брат сака», «сын сака», «вскормленный сакской женщиной» и т.д. Однако более вероятным является прямой смысловой подтекст означенных имен, так как почитание собаки в доисламском Иране было доведено до уровня религиозного закона. В зороастрийском каноне «Видевдат» («Закон против дэвов») говорится: «Кто убьет собаку пастуха, или собаку домохозяина, или собаку охотника, или

¹ Литвинский Б. А. Указ. соч. С. 157.

² Кстати, данный переход является общеиндоевропейской закономерностью: иранское *spenta* – ‘святой’ становится *santa* в романских языках.

³ Чеснов Я. В. О социальной мотивированности древних этнонимов // Этнонимы. М., 1970. С. 50.

⁴ Более естественными для тюрков-башкир были бы «волчьи» имена, которые также имели хождение, например, *Бурбай* или *Байбуре* (*буре* «волк» + *бай* «богатый»). В исламской бытовой традиции собака считалась нечистым животным. Это было связано, как нам кажется, с укоренившейся среди арабских завоевателей Ирана привычки мучить собак. Последние считались в Иране священными животными, посвященными богу Ахура-Мазде, поэтому, желая досадить персам и растоптать их религиозное чувство, арабы совершали вышесказанное. Нелишне вспомнить, что и персидские воины при завоевании Египта в эпоху династии Ахеменидов привязывали к своим щитам кошек, считавшихся священными животными египтян.

любую обученную собаку, - душа его, переходя в мир иной, взвоят горше, чем волк в западне»¹. Еще более почиталась собака в среде североиранских кочевников.

Однако она почиталась не только как тотем. Некоторые части ее тела стали элементами синкретических конструкций, составлявших образы мифических существ, например, грифонов. К. В. Тревер утверждает, что название Сэнмурв переводится как 'собака-птица', замечая при этом: «В Авесте 'собака' sра, но наличие пехлевийского sak, курдского sa... в значении 'собака' даёт основание думать, что образ Сэнмурва мог сохранить за собою в литературной традиции имя, происходящее не из того диалекта, который лежит в основе языка Авесты»². Функции этого существа известны из зороастрийских текстов: собака-птица садится на мировое «древо всех семян», вырастающее из океана, стряхивает семена в воду и они возвращаются вместе с дождем на землю, то есть она приводит в действие круговорот жизни³. Как замечает Ю. А. Раппопорт, сочетание этих природ грифона Сэнмурва – собачьей и птичьей – далеко не случайное. Оно объясняется той ролью, которую играли собаки и птицы в зороастрийских сочинениях, а если смотреть шире – в мировоззрении всех древних иранцев: «Крылатые полиморфные существа в искусстве этого времени в первую очередь благие посредники между небом и землей»⁴. Известно, например, что *Семаргл* был божеством древнерусского пантеона. Нестор сообщает, что киевский князь Владимир воздвиг кумиры *Перуна, Хорса, Даждь-бога, Стрибога, Симаргла и Мокоша*⁵. На русских колтах XII в. имеются

¹ Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат). С. 199–200.

² Тревер К. В. Указ. соч. С. 26.

³ Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд) // Зороастрийские тексты. М., 1997. С. 120.

⁴ Раппопорт Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье : История и культура. М., 1977. С. 63.

⁵ Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996. С. 37.

изображение древа жизни и Симаргла¹. Самрау, по всей видимости, также был божеством древнебашкирского пантеона.

Сэнмурв, согласно Авесте, является олицетворением божественной харизмы – *хварна (фарна)*². Сам же Хварн/Фарн представляет собой «некое божество, нисходящее на царей, жрецов и героев, символизирующее царственность, величие и могущество, способное принимать облик различных животных»³. В Яштах, т. е. гимнах в честь арийских небожителей, боги имеют несколько аватаров⁴. Это конь, птица (орел, сокол), кабан, баран, козел, бык, рыба. К примеру, одной из инкарнаций бога грома и победы *Веретрагны* был верблюд, ставший впоследствии тотемом династии Караханидов, представители которой носили титул *Богра-хан*⁵. Баран был аватаром Фарна, а в средние века стал тотемом туркменских династий *Ак-Коюнлу* и *Кара-Коюнлу* («Белобаранные» и «Чернобаранные»). Проникновение этих мифологических сюжетов в среду тюрков происходило посредством ранних контактов с иранскими кочевниками евразийских степей – скифами, саками, сарматами. О схожести религиозных воззрений Ирана и Анэрана (Турана), говорит факт преобладания всех упомянутых выше животных в так называемом скифском зверином стиле. Идея фантастических чудовищ также не была им чужда, о чем говорят археологические находки с изображением Сэнмурва. Важно подчеркнуть, что представления о фарне – небесной благодати – были важнейшей чертой их мировоззрения, о чем говорят имена скифо-сарматских, боспорских и понтийских царей с элементом *фарн* (божественная харизма), например, *Сайтафарн*, *Фарнак*, *Хофарн* и т.д.⁶.

¹ Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переплут // СА. 1967. № 2. С. 93.

² Раппопорт Ю. А. Указ. соч. С. 65–66.

³ Хазанов А. М., Шкурко А. И. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 46.

⁴ Кузьмина Е. Е. Указ. соч. С. 55.

⁵ *Богра* – это тюркская форма персидского имени *Бахрам*, которое, в свою очередь, является среднеперсидской формой эволюции авестийского имени *Веретрагна*.

⁶ Литвинский Б. А. Кангюско-сарматский фарн : К историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии. Душанбе, 1968. С. 60–64.

Важно отметить еще одну особенность древнеиранского политеизма, о которой сообщает Геродот: «Воздвигать статуи, храмы и алтари [богам] у персов не принято», потому что «не считают богов человекоподобными существами, как это делают эллины», вследствие чего совершают «жертвоприношения также солнцу, луне, огню, воде и ветрам»¹. Словом, божества природных стихий – *Митра*, *Ардвисура*, *Вай*, *Веретрагна*, *Асман* и другие – в физическом мире имели образ животных, а не людей. Аватаром Фарна был не только полиморфный Сэнмурв, но, возможно, просто собака. Во всяком случае, она однозначно была инкарнацией одного из божеств. Для всех культур характерна теофорная ономастика, отражающая подчиненное отношение человека к богу. В качестве примера можно привести такие имена, как иранское *Худайбенде* ‘раб Господа’, арабское ‘*Абду-Ллах* ‘раб Аллаха’ или эфталитское *Михиракула* ‘раб Митры’. В этой связи становится понятным значение, странного на первый взгляд, башкирского имени Эткул ‘раб собаки’. На самом деле, перед нами тюркская калька неизвестного нам древнего иранского имени, содержавшего теофорную семантику ‘раб божества’.

Необходимо коснуться еще одного аспекта эпоса «Урал-батыр», уводящего нас в мир в авестийских кочевников. Согласно древнеиранскому эпосу, во времена «золотого века» Йимы люди не ели мясо коров и других животных. В древних эпических песнях «душа стада коров» изображается как нечто единое с душой общины, которой принадлежат коровы². «Душа коров» вопрошает: «Зачем вы создали меня?», изливая свои горести Ахура-Мазде. Не случайно, пророк Заратуштра ввел запрет на убийство «добрых» животных и потребление мяса. Вегетарианский императив имел глубокие корни в индоарийской мифологии. Неизвестно, насколько твердо соблюдался этот запрет в зороастрийском Иране, вероятно, не слишком строго, тем более, вряд ли он соблюдался в среде скифо-сарматских кочевников, живших

¹ Геродот. Указ. соч. С. 61.

² Маковельский А. О. Авеста. Баку, 1960. С. 75.

за счет продуктов скотоводства. Вегетарианство победило лишь в среде ариев Индии. В пользу того, что скифо-сарматы также задумывались над природой зла, возникшего в начале творения по причине убийства скота, говорит «вегетарианский» пафос эпоса «Урал-батыр», весьма странный для башкир-скотоводов:

Пьющие кровь, рвущие мясо -
Врагами навек останутся им.
Обычаи хищные прекратим:
Тогда одинокой останется Смерть -
Вместе смерти ее предадим!¹

Таким образом, башкирский фольклор демонстрирует причудливое переплетение тюркской и туранской мифологии, при явном перевесе последней. Неистребимый индоиранский политеизм, победивший, несмотря на проповедь Заратуштры, в Ахеменидском Иране, и поныне беспредельно господствующий в Индии, захватил и мировоззрение древних башкир. От стройной доктрины тюркского тенгризма не осталось и следа, что является красноречивым свидетельством значительного удельного веса туранского компонента на ранних этапах этногенеза народности южноуральских башкир.

¹ Урал-батыр // Башкирское народное творчество. Т. I : Эпос. С. 43.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О бурджанах в контексте событий III–XIII вв., протекавших на обширной территории от Приаралья до Балкан, упоминали многие восточные авторы. Продолжительность их «книжной» истории, насчитывающей более тысячи лет, география их политической истории, а также большое число авторитетных писателей, считавших нужным писать о них, делают тему данного исследования сложной и неоднозначной. Это, в первую очередь, касается проблемы соотношения этнонимов бурджан и болгар, которую нельзя считать окончательно решенной. Как было показано в исследовании, бурджаны представляли собой самостоятельный этнос, вышедший на историческую арену в III в. Дальнейшая его судьба была тесно связана с булгарами и хазарами. Бурджаны с самого начала своей истории имели довольно тесные отношения с Сасанидским Ираном. Именно на страницах пехлевийских сочинений и официальных документов впервые появляются упоминания о них. К сожалению, первоисточники либо безвозвратно утрачены, либо недоступны современному исследователю. Основная информация о бурджанах дошла до нас в переложении арабских ученых – генеалогов, астрономов, географов, историков.

Бурджаны являлись потомками массагетов – древних насельников Южного Урала и Приаралья. Историческая память башкирского народа считает их аланами, которые, согласно античным источникам, являлись «древними массагетами». Арабская письменная традиция считает алан и бурджан «братьями». Именно в контексте массагето-аланских движений на запад следует связывать появление на территории Восточного Предкавказья царства Бурджан, правителя которого иранские шаханшахи называли Бурджан-шахом, то есть царем. Сирийские авторы именуют «страной алан» Берзилию, географически совпадающую с областью Бурджан арабских источников. На основании этих отождествлений и прямых указаний источников в исследовании делается вывод о туранском происхождении

бурджан и соответствии их берзилам, известным по армянским и византийским источникам. Лишь в результате последующего этнического симбиоза с гуннами, булгарами, суварями и другими тюркскими племенами произошла смена их этнического облика.

Бурджаны (берзилы) играли важную роль в политических событиях, происходивших в III–VII вв. на территории Восточного Предкавказья, хотя зоной их обитания был также Мангышлак. Первым противником, с которым столкнулись арабские завоеватели в середине VII в. к северу от Дербента (Баб аль-Абваба), были именно бурджаны. С этого момента их название стало применяться в двух значениях – в качестве их собственного этнонима и как собирательный термин для обозначения различных кочевников Восточной Европы. Во время кровопролитных арабско-хазарских войн (VII–VIII вв.) «Царство гуннов», одним из этнических компонентов которого являлись бурджаны, было пограничным заслоном Хазарского каганата и его ударной силой в борьбе с Халифатом.

Когда в начале VIII в. арабы встретились на Балканах с булгарами, у них возникла ассоциация с известными по военным кампаниям на Северном Кавказе бурджанами. Отождествление возникло в виду культурной близости первых и вторых, хотя не исключается возможность встречи завоевателей с настоящими носителями данного этнонима. С этого момента на протяжении почти двух веков для обозначения Дунайской Болгарии использовался термин Бурджан. Так в историографии возникла известная болгаро-бурджанская проблема. По мере накопления сведений о Восточной Европе арабским ученым стало понятно, что болгары представляют собой отдельный народ, и, начиная с Ибн Русте, они фигурируют в источниках под собственным именем. Однако сила традиции давала о себе знать, и многие арабские авторы продолжали именовать болгар бурджанами. Мусульманская историко-географическая литература так до конца и не избавилась от путаницы, имевшей место при употреблении этих терминов.

В связи с миграциями азиатских кочевников – авар и болгар – в Европу, бурджаны, по всей видимости, также оказались на Балканском полуострове. Как следует из арабских источников, там у них возникло новое государственное образование, условно названное на страницах диссертации Бурджаном-на-Балканах. Однако, проблема заключается в том, что имеющиеся в распоряжении науки весьма скудные византийские источники не знают такого названия. Единственным хоронимом, могущим претендовать на соответствие с ним – этимологическое и географическое – является княжество Берзития, находившееся в Македонии. Но, к сожалению, наличный материал не позволяет с достаточной уверенностью ставить между ними знак равенства. Между тем, довольно очевидным является то обстоятельство, что арабское географическое понятие Бурджан-на-Балканах не может соответствовать Дунайской Болгарии. Более или менее ему соответствует Куберова Болгария или Берзетия. Следовательно, не исключено, что именно там доминирующим племенем были бурджаны. Впоследствии данное владение, как сообщают арабо-персидские источники, стало провинцией Византийской империи, а в XIII в. погибло в результате экспансии крестоносцев.

Что касается Бурджана-на-Кавказе, то данное образование также пало в результате опустошительных персидских (V–VI вв.), а затем арабских нашествий (VII в.). Часть его населения переселилась на территорию Южного Урала, что нашло отражение в археологии. Памятники турбаслинской культуры, локализуемой вокруг и на территории г. Уфы, имеют явные северокавказские (аланские) и дунайско-болгарские параллели. Именно с миграцией группы населения из южных степей археологи связывают появление упомянутой археологической культуры. Ныне потомками древнего этноса бурджан являются башкиры-бурзяне. Интересно то, что имеющиеся в распоряжении науки этногенетические предания подчеркивают северокавказское происхождения бурджан и отличают их от других башкирских родов.

Бурджаны и другие этнические группы туранского происхождения сыграли большую роль в формировании башкирского народа, что отразилось не только на его гено- и фенотипе башкир, но и в их духовной культуре. Башкирская мифология, по сути дела, является отражением эпических сказаний древних ариев. Будучи потомками массагето-сармато-аланских кочевников, предки бурджан, канглы, усерган и юрматы стали той основой, на которой складывалась народность южноуральских башкир, вобравших в себя этнические реликты предшествующих исторических эпох. Таким образом, туранский субстрат является одним из самых древних и самых значительных в этнической стратификации башкир.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абу 'Али Ахмад бен Мухаммад бен Я'куб Мискавайх. Таджариб аль-умам ва та'акуб аль-химам / Ибн Мискавейх; изд. Сайид Касрави Хасан. – Т. I. – Бейрут : Дар аль-кутуб аль-'ильмия, 2003. – 383 с. (на араб. яз.).
2. Абу 'Али Мискавайх ар-Рази. Таджариб аль-умам / Ибн Мискавейх ; изд. Абу-ль-Касим Имами. – Т. I. – Тегеран : Сорущ, 2001. – 594 с. (на фарси).
3. Абу Мухаммад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний / Куфи ; пер. с араб. З. М. Буниятова. – Баку : Элм, 1981. – 83 с.
4. Абу-л-Хасан 'Али ибн ал-Хусайн ибн 'Али ал-Масуди. Золотые копи и россыпи самоцветов (История Аббасидской династии 749–947 гг.) / Масуди ; пер. с араб., коммент. Д. В. Микульского. – М. : Наталис, 2002. – 803 с.
5. Абу-ль Фида. Китаб аль-мухтасар фи ахбар аль-башар / Абу-ль Фида. – Т. 1. – Каир : Матба'а аль-Хусайнийя аль-мисрийя, 1907. – 215 с. (на араб. яз.).
6. Авеста : Избранные гимны; Из Видевдата / Пер. с авест., предисл., примеч. и словарь И. М. Стеблина-Каменского. – М. : Дружба народов : КРАМДС–Ахмед Ясави. 1993. – 208 с.
7. Авеста в русских переводах (1861 – 1996 гг.) / Сост., ред., примеч. И. В. Рака. – СПб. : Журнал «Нева» : РХГИ, 1997. – 480 с.
8. Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат) / Адапт. пер., исслед. и коммент. Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидова, К. В. Абдуллаева. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 301 с.
9. Агафий. О царствовании Юстиниана / Агафий ; пер., статья и примеч. М. В. Левченко. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – 219 с.
10. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею : в 5 т. с доп и указ. СПб., 1841–1872. – Т. 5 : 1676 – 1700 гг. / Под

ред. М. А. Коркунова. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1842. – 580 с.

11. Аммиан Марцеллин. Римская история / Аммиан Марцеллин ; пер. с лат. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. – М. : АСТ : Ладомир, 2005. – 634 с.

12. Армянская География VII в. по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Вступит статья, пер. с др.-арм., прим. К. П. Патканова. — СПб., 1877. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1877. – 84 с.

13. Бал'ами. Тарих-е Табари / Бал'ами . – Т. IV. – Лакхнау, 1874. – 867 с. (на фарси).

14. Бал'ами. Тарихнама-и Табари / Бал'ами. – Тегеран : Сорущ, 1997. – 1319 с. (на фарси).

15. Балазури. Футух аль-булдан / Балазури. – Бейрут : Му'ассаса аль-ма'ариф, 1987. – 768 с. (на араб. яз.).

16. Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбār» : Приложение к Отчету о научной поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893–1894 гг. / В. В. Бартольд // Записки Императорской Академии наук по Историко-филологическому отделению (VIII серия). – Т. I, № 4. – СПб., 1897. – С. 78–126.

17. Башкирские сказки и легенды / Сост. Ю. А. Андрианов. – Уфа : Китап, 1996. – 208 с.

18. Башкирские шежере / Сост., пер. текстов, введ. и коммент. Р. Г. Кузеева. – Уфа : Башкнигоиздат, 1960. – 304 с. (на тюркí).

19. Башкирское народное творчество : в 12 т. Т. 2 : Предания и легенды / Сост., вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надршиной. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1987. – 573 с.

20. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. – Т. II. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 334 с.

21. Галяутдинов И. Г. Тарих нама-и Булгар Таджетдина Ялсыгулова – 2-е изд., перераб. и доп. / И. Г. Галяутдинов ; отв. ред. Э. Р. Тенишев. – Уфа : Китап, 1998. – 272 с.
22. Гаты Заратуштры / Пер. с авест., вступит. статьи, коммент. и прил. И. М. Стеблина-Каменского. – СПб. : Петерб. востоковедение, 2009. – 192 с.
23. Геродот. История / Геродот ; пер. и прим. Г. А. Стратановского. – М. : АСТ : Ладомир, 2002. – 752 с.
24. Дербенд-наме // Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. – М. : Наука, 1993. – С. 14–44.
25. Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала / Джуаншер Джуаншериани ; пер., введ. и примеч. Г. В. Цулая. – Тбилиси : Мецниереба, 1986. – 150 с.
26. Динавари. Китаб аль-ахбар ат-тивал / Динавари ; изд. В. Ф. Гиргаса. – Лейден, 1888. – 402 с. (на араб. яз.).
27. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 10. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1867. – 504 с.
28. Дорн Б. А. Известия о хазарах восточного историка Табари / Б. А. Дорн ; пер. П. Тяжлова // ЖМНП, Ч. XLIII. Отд. II. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1844. – С. 67–98.
29. Ибн аль-Асир. Аль-камиль фи-т-тарих / Ибн аль-Асир. – Т. I. – Бейрут : Дар аль-кутуб аль-‘ильмийа, 1987. – 626 с. (на араб. яз.).
30. Ибн Исфандияр. Тарих Табаристан / Ибн Исфандияр. – Каир : Аль-маджлис аль-а’ля ли-с-сакафа, 2002. – 477 с. (на араб. яз.).
31. Ибн Фадл Аллах аль-‘Умари. Масалик аль-абсар фи мамалик аль-амсар / Аль-Омари ; изд. К. С. Джубури. – Т. 3. – Бейрут : Дар аль-кутуб аль-‘ильмийа, 1971. – 413 с. (на араб. яз.).
32. Ибн Халдун. Мукаддима / Ибн Халдун. – Т. 2. – Бейрут : Дар аль-фикр, 2001. – 851с. (на араб. яз.)

33. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Ибн Хордадбех ; пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. – Баку : ЭЛМ, 1986. – 429 с.
34. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1869. – XIII, 199 с.
35. Иосиф Флавий. Иудейская война / Иосиф Флавий ; с прим. К. А. Ревяко, В. А. Федосика. – Минск : Беларусь, 1991. – 512 с.
36. История агван Моисея Каганкатваца, писателя X века / Пер. с др.-арм. К. П. Патканова. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1861. – 376 с.
37. История Армении Моисея Хоренского. / Пер. Н. О. Эмина (с прил. и примеч.). – М. : Тип. В. А. Гатцук (Д. Чернышевский), 1893. – 323 с.
38. История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с др.-арм. и коммент. М. А. Геворкяна. – Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1953. – 238 с.
39. История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века / Пер. с арм. К. Патканьяна. – М. : Тип. Имп. Акад. наук, 1862. – 216 с.
40. История халифов вардапета Гевонда / Пер. с арм. К. Патканова. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1862. – 165 с.
41. Йакут ар-Руми. Му'джам аль-булдан : в 2 т. / Якут ар-Руми. – Бейрут : Дар садир, 1977. – Т. I. – 540 с.; Т. II. – 549 с. (на араб. яз.).
42. Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата : Тексты, переводы, комментарии / Т. М. Калинина ; отв. ред. В. Л. Янин – М. : Наука, 1988. – 178 с.
43. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. / Ст., пер. и коммент. А. П. Ковалевского. – Харьков : Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1956. – X., 345 с.
44. Книга деяний Ардашира сына Папака / Транскрипция текста, пер.

со среднеперс., введ., коммент. и глоссарий О. М. Чунаковой – М. : Наука, 1987. – 163 с. – (Памятники письменности Востока ; вып. LXXVIII).

45. Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке / П. К. Коковцев. – Л. : Изд-во АН СССР, 1932. – XXXVIII, 134 с.

46. Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы : Текст, перевод, комментарий / И. Г. Коновалова. – М. : Вост. лит., 2006. – 328 с.

47. Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. : Текст, перевод, комментарий / И. Г. Коновалова. – М. : Вост. лит., 2009. – 223 с. – (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

48. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Константин Багрянородный ; текст, пер., коммент. ; под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М. : Наука, 1989. – 496 с.

49. Крюков В. Г. Сообщения анонимного автора «Ахбар аз-заман» о народах Европы / В. Г. Крюков // Древнейшие государства на территории СССР : материалы и исследования, 1981 г. – М. : Наука, 1983. – С.194 – 208.

50. Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока / Н. В. Кюннер. – М. : Изд-во вост. лит., 1961. – 351 с.

51. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – Т. I : Греческие писатели. – Вып. 1 / В. В. Латышев. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. – 946 с.

52. Летопись византийца Феофана до царей Михаила и его сына Феофилакта / Пер. с греч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского // ЧМОИДР. – М., 1884. – Кн. 1. – 370 с.

53. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Лубсан Данзан ; пер. с монгол., введ., коммент. Н. П. Шастина. – М. : Наука, 1973. – 439 с. – (Памятники письменности Востока ; вып. X).

54. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности : Тексты и

исследования / С. Е. Малов. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – 92 с.

55. Мас'уди. Ахбар аз-заман / Мас'уди. – Бейрут : Дар аль-Андалус, 1966. – 278. (на араб. яз.).

56. Материалы по истории Башкирской АССР. – Ч. I. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1936. – 631 с.

57. Материалы по истории Башкортостана. – Т. VI : Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / Авт.-сост. Н. Ф. Демидова; под ред. Н. В. Устюгова. – Уфа : Китап, 2002. – 768 с.

58. Менандр // Византийские историки : Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. – Рязань : Александрия, 2003. – 431 с. – («Византийская историческая библиотека»).

59. Младшая Эдда / Изд. О. А. Смирницкая, И. М. Стеблин-Каменский. – М. : Наука, 2005. – 137 с.

60. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей : Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Мровели Леонти ; пер. с др.-груз. Г. В. Цулая. – М. : Наука, 1979. – 101 с.

61. Об областях Римской империи, сочинение Константина Багрянородного // ЧМОИДР. – М., 1858. – № 3. – 32 с.

62. Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому / К. Патканов // ЖМНП. – Ч. ССХХVI. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1883. – С. 21–32.

63. Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР / Н. В. Пигулевская. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – 172 с. – (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

64. Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. статьи и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Наука, 1996. – 668 с. – (Литературные памятники).

65. Полное собрание русских летописей. – Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. – 638 с.

66. Предание о сыне Зарера (Аййдгар-и Зареран) // Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе и другие тексты / Введ., транслитерация пехлевийских текстов, пер. и коммент. О. М. Чунаковой. – М. : Вост. лит., 2001. – 206 с. – (Памятники письменности Востока ; вып. СХХVI)
67. Псянчин А.В., Антонов И.В. Средневековые авторы о башкирах // Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.). Ф.Г.Хисамитдинова, А.В.Псянчин, В.В.Овсянников. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – С. 167 – 206.
- 68.
69. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. – М. : Наука, 1971. – 136 с.
70. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступит. статья и примеч. Н. П. Шастиной. – М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1957. – 272 с.
71. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и коммент. А. П. Ковалевского; под ред. И. Ю. Крачковского. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1939. – 212 с.
72. Рашид ад-дин. Сборник летописей / Рашид ад-дин.. – Т. 1. – Кн. 1. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – 197 с.
73. Ригведа : Мандалы IX–X / Изд. Т. Я. Елизаренкова. – М. : Наука, 1999. – 559 с.
74. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве / Собр., пер. и объясн. А. Я. Гаркави. – Вып. I. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1874. – 162 с.
75. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.) / Собр., пер. и объясн. А. Я. Гаркави. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1870. – IX, 308 с.

76. Сокровенное сказание : Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un Niruca tobciyan* : Юань Чао Би Ши : Монгольский обыденный сборник / Введ., пер., тексты, глоссарий С. А. Козина. – Т. I. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – 619 с.

77. Сотворение основы (Бундахишн) // Зороастрийские тексты / Изд. О. М. Чунаковой. – М. : Вост. лит., 1997. – 352 с. – (Памятники письменности Востока ; вып. CXIV).

78. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд) // Зороастрийские тексты / Изд. О. М. Чунаковой. – М. : Вост. лит., 1997. – С.79–138. – (Памятники письменности Востока ; вып. CXIV).

79. Тарих Халифа бен Хаййат / Изд. Акрам Дия' аль-'Умари. – Эр-Рияд : Дар Таййиба, 1985. – 628 с. (на араб. яз.).

80. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. I : Извлечения из сочинений арабских / В. Тизенгаузен. – СПб., 1884. – 563 с.

81. Урал-батыр // Башкирский народный эпос / Сост. А. С. Мирбадалева, М. М. Сагитова, А. И. Харисов. – М. : Наука, 1977. – С. 265–372.

82. Урал-батыр // Башкирское народное творчество. Т. I : Эпос. – Уфа : Башкнигоиздат, 1987. – С. 35–134.

83. Феофилакт Симокатта. История / Феофилакт Симокатта ; пер. с греч. С. П. Кондратьева. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – 222 с.

84. Фирдоуси. Шахнаме : в 6 т. / Фирдоуси . – М. : Наука, 1957–1989.

Т. I : От начала поэмы до сказания о Сохрабе / Пер. с фарси Ц. Б. Бану-Лахути, коммент. А. А. Старикова. – 1957. – 675 с.

Т. II : От сказания о Ростеме и Сохрабе, до сказания о Ростеме и хакане Чина / Пер. с фарси Ц. Б. Бану-Лахути, коммент. А. А. Старикова. – 1960. – 643 с.

Т. III : От сказания о Ростеме и хакане Чина до царствования Лохраспа / Пер. с фарси Ц. Б. Бану-Лахути, коммент. А. Азера и Ц. Б. Бану-Лахути. – 1965. – 591 с.

Т. VI : От начала царствования Йездгерда, сына Бахрама Гура до конца книги / Пер. с фарси Ц. Б. Бану-Лахути и В. Г. Берзнева, коммент. Л. Лахути. – 1989. – 655 с.

85. Хальфин И. И. Жизнь Джингиз-хана и Аксак-Тимура / И. И. Хальфин. – Казань : Тип. Казанского ун-та, 1822. – 71 с. (на тюрки).

86. Худуд ал-‘Алам / Ред. Манучехр Сотудэ. – Тегеран, 1962. – 150 с. (на фарси).

87. Худуд аль-‘Алам мин аль-машрик иля-ль-магриб / Изд. Юсуф аль-Хади. – Каир : ад-Дар ас-Сакафийа ли-н-нашр, 1999. – 109 с. (на араб. яз.).

88. Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. – СПб. : Тип. Фишера, 1851. – 636 с.

89. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения : «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора : Тексты, перевод, комментарии / И. С. Чичуров. – М. : Наука, 1980. – 214 с. – (Древнейшие источники по истории народов СССР).

90. Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших известий о славянах / Под. ред. Г. Г. Литаврина. – Т. II (VII–IX вв.). – М. : Вост. литер, 1995. – С. 91–211.

91. Эвлия Челеби. Книга путешествий / Эвлия Челеби. – Вып. I. – М. : Наука, 1961. – 338 с.

92. Юзбашян К. Н. Армянская эпопея V века : От Аварайрской битвы к соглашению в Нуарсаке. Елишэ. Слово о войне Армянской / К. Н. Юзбашян ; пер. с др.-арм. И. А. Орбели. – М. : ИД «XXI век» : Согласие, 2001. – 344 с.

93. Юридические документы и письма (Согдийские документы с горы Муг, вып. 2) / Чтение, пер. и коммент. В. А. Лившица. – М. : Вост. лит., 1962. – 222 с.

94. *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari* / Ed. M. J. De Goeje. – Ser. I–III. – Lugduni-Batavorum, 1879–1901. – Prima series. Pars I. – 1879–1881. – P. 1–528; – Prima series. Pars II. – 1881–1882. – P. 528–1072; – Secunda series. Pars III. – 1885–1889. – P. 1305–2017; – Tertia series. Pars I. – 1879–1880. – P. 1–459 (на араб. яз.).
95. *Argonautique de Valerius Flaccus* / Trad. par A. Dureau de Lamalle. – T. III. – P., 1811. – 423 p. (на фр. яз.).
96. *Biruni. The Chronology of ancient nations* / Biruni ; trans. and ed. by C. Edward Sachau. – L., 1879. – XVI, 464 p. (на англ. яз.)
97. *Bundahis or the original creation : Pahlavi texts* / Trans. by E. W. West // *The Sacred Books of East* – Vol. V. – Part I. – Oxford, 1880. – P. 1–151 (на англ. яз.).
98. *Chronique de Michel Syrien* / Ed. et trad. par J.-B. Chabot. – T. II. – P., 1901. – 547 p. (на фр. яз.).
99. *Chronographus anni CCCLIII* // *Monumenta Germaniae Historica* / Ed. Th. Mommsen. *Auctores antiquissimi*. – T. 9. – Vol. I. – Berlin, 1892. – P. 13–148 (на лат. яз.).
100. *Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie* / Publiée en français par Victor Langlois. – T. I. – P., 1867. – XVI, 421 p. (на фр. яз.).
101. *Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie* / Publiée en français par Victor Langlois. – T. II. – P., 1869. – XVI, 405 p. (на фр. яз.).
102. *Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui* / Texte arabe publié d'après l'édition commence par M. Fraehn et d'après les manuscrits de St.-Petersbourg, de Paris, de Leyde et de Copenhague par M. A. F. Mehren. – Saint-Petersbourg, 1866. – XC, 285 p. (на араб. яз.).
103. *Denkard* / Ed. by Peshotun Dastoor Behramjee Sanjana. – B. 3. – Vol. 6. – Bomday, 1876. – XXXIX, 378 p. (на англ. яз.).
104. *Dinkard : Pahlavi texts. B. 8* / Trans. By E. W. West // *The Sacred Books of East*. – Vol. XXXVII. – Part IV. – Oxford : OUP, 1892. – XLVIII, 506 p. (на англ. яз.).

105. Géographie d'Édrisi / Trad. par P. Amédée Jaubert. – T. II. – P., 1840. – VII, 503 p. (на фр. яз.).
106. Geographie d'Aboulfeda / Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et Leyde aux frais de la société asiatique par M. Reinaud. – P., 1840. – XLVII, 539 p. (на араб. яз.).
107. Hamd Allah Qazvini. Kitab Nuzhat al-qulub (كتاب نزهة القلوب), 1641 / Hamd Allah Qazvini // The University of Michigan, Ann Arbor. Islamic Manuscripts. V. 274. – 546 p. (на фарси).
108. Histoire de la Géorgie / Traduite du Géorgien par M. Brosset. – 1-re partie. – S.-Pétersbourg, 1849. – 694 p. (на фр. яз.).
109. Histoire des rois des Perses par Abou Mansour 'Abd al-Malik ibn Mohammad ibn Isma'il al-Tha'alibi / Texte arabe publié et traduit par H. Zotenberg. – P., 1900. – XLV, 758 p. (на араб. яз.).
110. Hudud al-'Alam : The Regions of the World : A Persian Geography, 372 A. H. – 982 A. D. / Trans. and expl. by V. Minorsky. – L., 1937. – 524 p. (на англ. яз.).
111. Ibn al-Fakih al-Hamadhani. Kitab al-boldan / Al-Hamadhani ; ed. M. J. de Goeje // BGA. – Pars V. – Leiden, 1885. – LXVII, 365 p. (на араб. яз.).
112. Ibn Haukal. Viae et Regna / Ibn Haukal ; ed. M. J. de Goeje. // BGA. – Pars II. – Leiden, 1873. – XXI, 405 p. (на араб. яз.).
113. Ibn Rosteh. Kitab al-a'lak an-nafisa / Ibn Rosteh ; ed. M. J. de Goeje. // BGA. – Pars VII. – Leiden. 1891. – VIII, 373 p. (на араб. яз.).
114. Ibn Sa'id al-Magribi. Libro de la extension de la tierra en longitud y latitud / Ibn Sa'id al-Magribi ; ed. J. Vernet Gines. – Tetuan : Instituto Muley El-Hasan, 1958. – 141 p. (на араб. яз.).
115. Ibn-Wadhih qui dicitur al-Ja'qubi. Historiae / Al-Ja'qubi ; ed. by M. Th. Houtsma. – Pars I. – Lugduni Batavorum, 1883. – 505 p. (на араб. яз.).
116. Idrisi. Nuzhat al-mushtaq fi-ikhtiraq al-afaaq / Idrisi. – Vol. II. – Cairo : Maktaba al-thaqafa al-denia, 2010. – P. 525–1107(на араб. яз.).

117. Kaşgarli Mahmud. Divanü Lugat-it-Türk Tercümesi / Kaşgarli Mahmud ; Çeviren B. Atalay. – Cilt I. – Ankara. 1992. – 530 s. (на тур. яз.).
118. Kitab al-masalik wa'l-mamalik auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Khordadbeh et excerpta e Kitab al-kharadj auctore Kodama ibn Dja'far // BGA / Ed. M. J. de Goeje. – Pars VI. – Leiden, 1889. – XXIII, 308 p. (на араб. яз.).
119. Le livre de la creation et de l'histoire de Motahhar ben Tahir el-Maqdisi / Publie et traduit d'apres de manuscrit de Constantinople par M. Cl. Huart. – T. 4. – P., 1907. – 242 p. (на араб. яз.).
120. Le livre des rois par Abou'l Kasim Firdousi / Traduit et commente par Jules Mohl. – T. I. – P., 1877. – CII, 451 p. (на фр. яз.).
121. Le livre des rois par Abou'lKasim Firdousi / Trad. et comm. Par J. Mohl. – T. IV. – P., 1877. – IV, 588 p. (на фр. яз.).
122. Les annals de Saint-Bertin et de Saint-Vaast / Publ. par l'Abbe C. Dehaisnes. – P., 1871. – XVIII, 472 p. (на лат. яз.).
123. Les Prolegomenes D'Ibn Khaldoun / Trad. et comm. Par M. De Slane. – Premiere Partie. – P., 1863. – CXVI, 486 p. (на араб. яз.)
124. Maçoudi. Les praires d'or / Maçoudi ; texte et traduction par C. Barbier de Meynard. – T. VII. – P., 1873. – 438 p. (на фр. и араб. яз.).
125. Maçoudi. Les praires d'or / Maçoudi ; texte et traduction par C. Barbier de Meynard. – T. II. – P., 1863. – 467 p. (на фр. и араб. яз.).
126. Maçoudi. Les praires d'or / Maçoudi ; texte et traduction par C. Barbier de Meynard. – T. III. – P., 1865. – 480 p. (на фр. и араб. яз.).
127. Maçoudi. Les praires d'or / Maçoudi ; texte et traduction par C. Barbier de Meynard. – T. VI. – P., 1871. – 518 p. (на фр. и араб. яз.).
128. Mas'udi. Kitab at-tanbih va-l-ishraf / Mas'udi ; ed. M. J. de Goeje // BGA. – Pars VIII. – Leiden, 1894. – XLIII, 508 p. (на араб. яз.).
129. Memoria populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paluden Meotidum, Caucasum, mare Caspium, et inde magis ad septentriones incolentium. – T. II. – СПб., 1774. – 1070 p. (на лат. яз.).
130. Mokaddasi. Descriptio imperii moslemici / Mokaddasi ; ed. M. J. de

- Goeje // BGA. – Pars III. – Leiden, 1877. – VIII, 498 p. (на араб. яз.).
131. Pauli Historia Langobardorum // Scriptores Rerum Germanicarum. – Hannoverae. 1878. – 266 p. (на лат. яз.).
132. Pliny. Natural history / Pliny ; trans. by H. Rackham. –Vol. II. – B. VI. – Cambridge-Massachusetts-L., 1961. – IX, 664 p. (на англ. яз.).
133. Prisci Fragmenta // Historci graeci minores / Ed. Ludovicus Dindorfius. – Vol. I. – Lipsiae, 1870. – P. 275–352 (на греч. яз.).
134. Šahrestānīhā ī Ērānšahr : a Middle Persian text on late antique geography, epic, and history / Trans. and com. by Touraj Daryaee. – Costa Mesa : Mazda publishers, 2002. – 90 p. (на англ. яз.).
135. The book of instruction in the elements of the art of astrology by Abu'l-Rayhan Muhammad ibn Ahmed al-Biruni written in Ghaznah, 1029 A.D. / Trans. by R. Ramsay Wright. – L., 1934. – XVIII, 333 p. (на англ. и араб. яз.).
136. The Geographical Part of the Nuzhat-al-qulub, composed by Hamd-Allāh Mustawfī of Qazwīn in 740 (1340) / Trans. by G. Le Strange. – Leyden : E. J. Brill, 1919. – 322 p. (на англ. яз.).
137. The Geography of Strabo / Trans. by H. C. Hamilton. – Vol. I. – L., 1854. – VI, 519 p. (на англ. яз.).
138. The Geography of Strabo / Trans. by Horace Leonard Jones. – Vol. V. – L., 1961. – 542 p. (на англ. яз.).
139. The letter of Tansar / Trans. by M. Boyce // IsMEO, Serie orientale Roma, vol. XXXVIII. – Rome, 1968. – 78 p.
140. The Karnamak-i-Artakhshir or records of Artakhshir // The Sacred books and early literature of East / Ed. by Ch. F. Horne. – Vol. VIII. – N. Y.-L., 1917. – С. 225– 54 (на англ. яз.).
141. The Shahnama of Firdausi / Trans. A. G. Warner, E. Warner. – Vol. IV. – L., 1909. – IX, 398 p. (на англ. яз.).
142. The Zend-Avesta : the Yasts / Ed. by M. Müller, trans. by J. Darmesteter // The Sacred Books of East / Vol. XXIII. – Part II. – Oxford: OUP, 1883. – P. 21–345 (на англ. яз.).

143. The Zend-Avesta: the Vendidad / Trans. by J. Darmesteter // The Sacred Books of East. – Vol. IV. – Part I – Oxford : OUP, 1880. – X, 240 p. (на англ. яз.).

144. The Zend-Avesta: the Yasna / Trans. by L. H. Mills // The Sacred Books of East. – Vol. XXXI. – Part III. – Oxford : OUP, 1887. – P. 195–332 (на англ. яз.).

145. Viae Regnorum : Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al'-Istakhri / Ed. M. J. de Goeje // BGA. – Pars I. – Ed. 2. – Leiden. 1927. – XI, 348 p. (на араб. яз.).

146. Zakarija Ben Muhammed Mahmud el-Cazwini's Kosmographie : Zweiter Theil كتاب أثر البلاد // Die Denkmäler der Länder, hrsg. von F. Wüstenfeld. – Göttingen, 1848. – X, 418 s. (на араб.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев, В. И. Антидэвовская надпись Ксеркса / В. И. Абаев // Иранские языки : в 2 т. Т. I / Труды Института языка и мышления АН СССР им. Н. Я. Марра. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1945. – С. 134–140.
2. Абаев, В. И. Культ «семи богов» у скифов / В. И. Абаев // Избранные труды: религия, фольклор, литература. – Владикавказ : Ир, 1990. – С. 89–96.
3. Абаев, В. И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада / В. И. Абаев. – М. : Наука, 1965. – 169 с.
4. Абаев, В. И. Скифский быт и реформа Зороастра / В. И. Абаев // Archiv Orientalni. – Praha, 1956. – Т. XXIV. – № 1. – С. 23–56.
5. Абаев, В. И. Фонема 1 в осетинском языке / В. И. Абаев // Иранская филология : труды науч. конф. по иранской филологии (24–27 января 1962 г.). – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. – С. 58–66.
6. Абемян, М. История древнеармянской литературы / М. Абемян; пер. с арм. К. А. Мелик-Оганджяна и М. О. Дарбинян. – Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1975. – 608 с.
7. Азнабаев Б.А. Апология власти племенной знати в «Дафтар-и Чингиз-наме» // Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сборник статей / Ответ. ред. И. М. Миргалеев. – Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. Вып. 1. – С. 189 – 193.
8. Акишев, А. Искусство и мифология саков / А. Акишев. – Алма-Ата : Наука, 1984. – 176 с.
9. Алексеев, В. П. Этногенез / В. П. Алексеев. – М. : Высш. шк., 1986. – 174 с.
10. Аликберов, А. К. Сасанидская титулатура правителей Кавказа в свете данных Хамзы ал-Исфахани / А. К. Аликберов // Восточная Европа в древности и средневековье : Политические институты и верховная власть :

XIX чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто : материалы конф. (Москва, 16–18 апреля 2007 г.). – М. : Ин-т всеобщ. истории РАН, 2007. – С. 7–9.

11. Артамонов, М. И. История хазар / М. И. Артамонов. – Л. : Гос. Эрмитаж, 1962. – 521 с.

12. Артамонов, М. И. Очерки древнейшей истории хазар / М. И. Артамонов. – Л. : Соцэкгиз, 1936. – VIII, 140 с.

13. Артамонов, М. И. Хазары и турки / М. И. Артамонов // Открытие Хазарии / Сост. и ред. А. И. Куркчи. – М. : ДИ-ДИК, 1996. – С. 423–464. – («Мир Льва Гумилева» ; вып. 6).

14. Асфандияров, А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий / А. З. Асфандияров. – Уфа : Китап, 2009. – 744 с.

15. Ахмеров, Р. Б. Могильник близ г. Стерлитамака / Р. Б. Ахмеров // СА. – 1955. – № 22. – С.151–176.

16. Ахмеров, Р. Б. Уфимские погребения IV–VII века н.э. и их место в древней истории Башкирии / Р. Б. Ахмеров // Древности Башкирии : сб. ст. – М. : Наука, 1970. – С. 161–192.

17. Бартольд, В. В. Болгары / В. В. Бартольд // Соч. : в 9 т. – М. : Наука, 1963–1977. – Т. V. – 1968. – С. 509–520.

18. Бартольд, В. В. Введение к изданию Худуд ал-‘Алам / В. В. Бартольд // Соч. : в 9 т. – М. : Наука, 1963–1977. – Т. VIII. – 1973. – С. 504–545.

19. Бартольд, В. В. Историко-географический обзор Ирана / В. В. Бартольд // Соч. : в 9 т. – М. : Наука, 1963–1977. – Т. VII. – 1971. – С. 31–225.

20. Баскаков, Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве» / Н. А. Баскаков. – М. : Наука, 1985. – 208 с.

21. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов : пер. с фр. / Э. Бенвенист ; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс–Универс, 1995. – 456 с.

22. Берлизов Н. Е. Аланы – скифы / Н. Е. Берлизов // Историко-

археологический альманах. – Армавир-М., 1996. – Вып. 2. – С.105–117.

23. Бернштам, А. Н. Древняя Фергана : науч.-популяр. очерк / А.Н. Бернштам. – Ташкент : Изд-во Акад. наук УзССР, 1951. – 48 с.

24. Бернштам, А. Н. К вопросу об усунькшан и тохарах (Из истории Центральной Азии) / А. Н. Бернштам // СЭ. – 1947. – № 3. – С. 41–47.

25. Бернштам, А. Н. Очерк истории гуннов / А. Н. Бернштам. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1951. – 256 с.

26. Бернштам, А. Социально-экономический строй орхононисейских тюрок VI–VIII веков / А. Бернштам. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1946. – 207 с.

27. Бешевлиев, В. Прабългарски епиграфски паметници / В. Бешевлиев. – София : Издателство на Отечествения фронт, 1981. – 184 с. (на болг. яз.).

28. Бешевлиев, В. Първобългарские надписи / В. Бешевлиев. – София : Издателство на Българската академия на науките, 1979. – 296 с. (на болг. яз.).

29. Бикбов. Башкурды (Материалы по истории башкирского народа) / Бикбов // Оренбургская газета. – 1899. – № 762, 765, 768, 771, 773, 777, 789.

30. Божилов, И., Гюзелев, В. История на средновековна България, VII–XIV век / И. Божилов, В. Гюзелев. – София : Анубис, 1999. – Т. I. – 704 с. (на болг. яз.).

31. Бойс, М. Зороастрийцы : Верования и обычаи / М. Бойс. – СПб. : Азбука-классика : Петерб. востоковедение, 2003. – 342 с.

32. Большаков, О. Г. Уточнения к переводу «Записки» Ибн Фадлана / О. Г. Большаков // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. : Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева / Отв. ред. Т. М. Калинина. – М. : Вост. лит., 2000. – С. 54–63.

33. Бонгард-Левин, Г. М., Грантовский, Э. А. От Скифии до Индии / Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. – Изд. 2-е. – М. : Мысль, 1983. – 206 с.
34. Бубенок, О. Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.) / О. Б. Бубенок. – Киев : Истина, 2004. – 324 с.
35. Бубенок, О. Б. Страна Берсилия: миф или реальность? / О. Б. Бубенок // Восточная Европа в древности и средневековье : Мнимые реальности в античной и средневековой историографии : XIV чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто : материалы конф. (Москва, 17–19 апреля 2002 г.). – М. : Ин-т всеобщ. истории, 2002. – С. 29–34.
36. Булатов, А. Б. Восточные средневековые авторы о башкирах / А. Б. Булатов // АЭБ / Под ред. Р. Г. Кузеева, К. В. Сальникова. – Уфа : Изд-во БФАН СССР, 1971. – Т. IV. – С. 323–324.
37. Вайнберг, Б. И. Этнография Турана в древности (VII в. до н.э – VIII в. н.э.) / Б. И. Вайнберг. – М. : Вост. лит., 1999. – 359 с.
38. Валиди, Э.-З. Бөржән башкортлары арасында (بورجان باشقردلاري) (آراسنده) / Э.-З. Валиди // Шура. – № 20 (15 окт. 1913 г.). – С. 617–619 (на тюрки).
39. Владимирцов, Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Работы по истории и этнографии монгольских народов / Б. Я. Владимирцов. – М. : Вост. лит., 2002. – С. 295–488. – («Классики отечественного востоковедения»).
40. Войлошников, М. Вахан / М. Войлошников // Вокруг света. – 1992. – № 12. – URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/2248/> (дата обращения: 22.01.2013).
41. Волин, С. К истории древнего Хорезма / С. Волин // ВДИ. – 1941. – № 1. – С. 192–196.
42. Волкова, Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа / Н. Г. Волкова. – М. : Наука, 1973. – 206 с.
43. Волшебные сказки далеких стран и островов. – М. : Квадрат,

1994. – 378 с.

44. Габуев, Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников) / Т. А. Габуев. – Владикавказ : Ир, 1999. – 148 с.

45. Гаджиев, А. Г. Древнее население Дагестана / А. Г. Гаджиев. – М. : Наука, 1975. – 125 с.

46. Гадло, А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. / А. В. Гадло – Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. – 216 с.

47. Гадло, А. В. Этническая общность барсилы / А. В. Гадло // Историческая этнография : Традиции и современность.– Л. : Изд-во ЛГУ, 1983. – С. 79–91. – («Проблемы археологии и этнографии» ; вып. 2).

48. Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 ч. / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов – Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. – Ч. II. – С. 440–1328.

49. Гафуров, Б. Г. Таджики : Древнейшая, древняя и средневековая история : в 2 т. / Б. Г. Гафуров. – 2-е изд. – Душанбе : Ирфон, 1989. – Т. 2. – 384 с.

50. Геннинг, В. Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н. э. / В. Ф. Геннинг // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1961. – С. 329–336.

51. Гибб, Х. А. Р. Арабская литература : Классический период / Х. А. Р. Гибб. – М. : Вост. лит., 1960. – 185 с.

52. Гиршман Р. Иран и миграции индоариев и иранцев / Р. Гиршман // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.) = Ethnic Problem of the History of Central Asia in the Early Period (Second Millennium B. C.). – М. : Вост. лит., 1981. – С. 140–144.

53. Гмыря, Л. Б. Страна гуннов у Каспийских ворот : Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов / Л. Б. Гмыря. – Махачкала : Дагестан. кн. изд-во, 1995. – 228 с.

54. Гмыря, Л. Б. Хазары на Кавказе / Л. Б. Гмыря // История татар с древнейших времен: в 7 т. – Казань : Рухият, 2002– 2013. – Т. I : Народы степной Евразии в древности / Науч. ред. С. Г. Кляшторный. – 2002. – С. 277–295.
55. Гордеев, Ф. И. О поздних сарматских заимствованиях в восточно-финских языках / Ф. И. Гордеев // Вопросы финно-угроведения. – Йошкар-Ола, 1970. – Вып. V. – С. 8–14.
56. Грантовский, Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов : Основные проблемы. Вопросы хронологии / Э. А. Грантовский. – М. : Вост. лит., 1998. – 341 с.
57. Грантовский, Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии / Э. А. Грантовский. – Изд. 2-е. – М. : Вост. лит., 2007. – 510 с.
58. Греков, Б. Д., Калинин, Н. Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания / Б. Д. Греков, Н.Ф. Калинин // Материалы по истории Татарии : сб ст. – Казань : Татгосиздат, 1948. – Вып. I. – С. 97–184.
59. Гумилев, Л. Н. Древние тюрки / Л. Н. Гумилев. – М. : АСТ, 2004. – 575 с.
60. Даль, В. И. Жизнь Джингиз-хана : Татарская сказка / В. И. Даль ; пер. с тат. // Сын Отечества. – 1835. – Т. 47. – № 4. – С. 195–230.
61. Дандамаев, М. А., Луконин, В. Г. Культура и экономика древнего Ирана / М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин. – М. : Наука, 1980. – 415 с.
62. Державин, Н.С. История Болгарии / Н. С. Державин. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1945. – Т. 1. – 258 с.
63. Джавахишвили, И. А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи / И. А. Джавахишвили // ВДИ. – 1939. – № 4. – С. 30–48.
64. Димитров Д. И. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие / Д. И. Димитров. – Варна : Книгоиздателство «Георги Бакалов», 1987. – 303 с. (на болг. яз.).

65. Добрев, П. Стопанската култура на прабългарите / П. Добрев. – София : Издателство на Българската АН, 1986. – 167 с. (на болг. яз.).
66. Дьяконов, И. М. История Мидии / И. М. Дьяконов. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – 486 с.
67. Ельницкий, Л. А. Скифия евразийских степей : Историко-археологический очерк / Л. А. Ельницкий ; отв. ред. А. П. Окладников. – Новосибирск : Наука, 1977. – 254 с.
68. Еремян, С. Т. Экономика и социальный строй Албании III–VII вв. / С. Т. Еремян // Очерки истории СССР III–IX вв. : Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III–IX вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 303–309.
69. Зайцев И. В. Цари и падишахи // Родина. 2006. №12. – С. 56 – 57.
70. Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV – XVIII вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники / И.В. Зайцев; Институт востоковедения РАН. – М.: Восточная литература, 2009. – 304 с.
71. Засецкая, И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.) / И. П. Засецкая // Гумилев Л. Н. История народа хунну / Сост. и ред. А. И. Куркчи : в 2 кн. – М. : ДИ-ДИК, 1998. – Кн. 2. – С. 350–393. – («Мир Льва Гумилева» ; вып. 10).
72. Заходер, Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе : в 2 т. / Б. Н. Заходер. – М. : Вост. лит., 1962. – Т. I : Горган и Поволжье в IX–X вв. – 278 с.; Т. II : Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. – 212 с.
73. Зеймаль, Е. В. Кушанская хронология : материалы по проблеме / Е. В. Зеймаль // Междунар. конф. по истории, археологии и культуре Центр. Азии в кушанскую эпоху (Душанбе, 1968 г.). М. : Наука, 1968. – С. 5–164.
74. Златарски, В. Н. История на българската държава през средните векове / В. Н. Златарски. – София : Наука и изкуство, 1970. – Т. I. – Ч. I. – 631 с. (на болг. яз.).

75. Зуев, Ю. А. Ранние тюрки : Очерки истории и идеологии / Ю. А. Зуев. – Алматы : Дайк-Пресс, 2002. – 338 [12] с.
76. Иванов, В. А., Обыденнов, М. Ф. Археология города Уфы : Очерки древней и средневековой истории и культуры города / В. А. Иванов, М. Ф. Обыденнов. – Уфа : Юрика, 2001. – 183 с.
77. Иностранцев, К. А. Хунну и гунны / К. А. Иностранцев // Труды туркологического семинария.– Л. : Ленинград, 1926. – № 13. – 152 с.
78. Иречек, К. История болгар / К. Иречек ; пер. с нем. под ред. В. Я. Яковлева. – Вып. 1. – Варшава : Тип. М. Земкевича, 1877.– 200 с.
79. Ислам на Урале : Энциклопедический словарь / Сост. А. Н. Старостин, отв. ред. Д. З. Хайретдинов. – М.-Н. Новгород : Медина, 2009. – 479 с. – («Ислам в Российской Федерации» ; вып. 5).
80. Исхаков, Д. М. От средневековых татар к татарам Нового времени / Д. М. Исхаков. – Казань : Мастер Лайн, 1998. – 276 с.
81. Калинина, Т. М. Спорный этноним в астрономическом трактате ал-Фергани // Древнейшие государства на территории СССР : материалы и исследования, 1987. – М. : Наука, 1989. – С. 237–242.
82. Карасик, А. Древнейшая Болгарская летопись / А. Карасик // ВИ. – 1950. – № 5. – С. 114–118.
83. Кииков, Ф. Башкорт тарихы вә ирәкте нәсәбе / Ф. Кииков. – Өфө, 2011. – 111 б. (на баш. яз.).
84. Кляшторный С. Г. Терхинская надпись / С. Г. Кляшторный // СТ. – 1980. – № 3. – С. 82–95.
85. Кляшторный, С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии / С. Г. Кляшторный. – М. : Наука, 1964. – 214 с.
86. Кляшторный, С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма / С. Г. Кляшторный. – СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2003. – 560 с.
87. Кляшторный, С. Г. Кангюйская этно-топонимика в орхонских

текстах / С. Г. Кляшторный // СЭ. – 1951 – № 3. – С. 54–63.

88. Кляшторный, С. Г. Степные империи : Рождение, триумф, гибель / С. Г. Кляшторный // Кляшторный, С. Г., Савинов, Д. Г. Степные империи древней Евразии. – СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2005. – С. 7–180.

89. Кляшторный, С. Г. Тэсинская стела / С. Г. Кляшторный // СТ. – 1983. – № 6. – С. 76–90.

90. Ковалевская, В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) / В. Б. Ковалевская. – Пушкино : ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. – 398 с.

91. Ковалевская, В. Б. Кавказ и аланы : Века и народы / В. Б. Ковалевская; послесл. Д. С. Раевского. – М. : Наука, 1984. – 192 с.

92. Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн Фадлана / А. П. Ковалевский. – Чебоксары : Чувашгосиздат, 1954. – 64 с.

93. Козубовский, Е. И. История города Дербента / Е. И. Козубовский. – Темир-Хан-Шура : «Русская типография» В. М. Сорокина, 1906. – 489 с.

94. Колесников, А. И. Иран в начале VII века / А. И. Колесников // Палестинский сборник. – Вып. 22 (85). – Л. : Наука, 1970. – 143 с.

95. Коновалова, И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси / И. Г. Коновалова. – М. : Вост. лит., 1999. – 253 с.

96. Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней / Под ред. Г. Г. Литаврина. – М. : Наука, 1987. – 558 с.

97. Крачковский, И. Ю. Арабская географическая литература / И. Ю. Крачковский. – М. : Вост. лит., 2004. – 919 с. – (Классики отечественного востоковедения).

98. Крюкова, В. Ю. Зороастризм / В. Ю. Крюкова. – СПб. : Азбука-классика : Петерб. востоковедение, 2005. – 288 с.

99. Крюкова, В. Ю. Культ водных животных в зороастризме и центральноазиатские параллели / В. Ю. Крюкова // IX Конгресс этнографов и антропологов России (Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.) : тез. докл. – Петрозаводск : Карельский науч. центр РАН, 2011. – С. 158.

100. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа / Р. Г. Кузеев. – М. : Наука, 1974. – 576 с.
101. Кузнецов, В. А. Очерки истории алан / В. А. Кузнецов. – Владикавказ : Ир, 1992. – 392 с.
102. Кузьмина, Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоевропейцев / Е. Е. Кузьмина // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М. : Наука, 1976. – С. 52–65.
103. Лелеков Л. А. Йима / Л. А. Лелеков // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. Т. I / Под. ред. С. А. Токарева. – 2-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1987. – С. 599.
104. Лелеков, Л. А. Авеста в современной науке / Л. А. Лелеков. – М. : ГосНИИ реставрации, 1992. – 362 с.
105. Лелеков, Л. А. Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традициях / Л. А. Лелеков // Древняя Индия : Историко-культурные связи. – М. : Наука, 1982. – С. 148–164.
106. Лившиц, В. А. Иранские языки народов Средней Азии / В. А. Лившиц // Народы Средней Азии и Казахстана : в 2 т. Т. I / Под ред. С. П. Толстова и др. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – С. 131–158.
107. Литвинский, Б. А. Древние кочевники «крыши мира» / Б. А. Литвинский. – М. : Наука, 1972. – 272 с.
108. Литвинский, Б. А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии) / Б. А. Литвинский. – Душанбе : Дониш, 1968. – 120 с.
109. Литвинский, Б. А., Соловьев, В. С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине / Б. А. Литвинский, В. С. Соловьев. – М. : Наука, 1985. – 262 с.
110. Луконин, В. Г. Древний и раннесредневековый Иран / В. Г. Луконин. – М. : Наука, 1987. – 296 с.

111. Луконин, В. Г. Культура Сасанидского Ирана / В. Г. Луконин. – М. : Наука, 1969. – 244 с.
112. Магомедов, М. Г. Образование Хазарского каганата : по материалам археологических исследований и письменных данных / М. Г. Магомедов. – М. : Наука, 1983. – 224 с.
113. Мажитов, Н. А. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы / Н. А. Мажитов // БАС. – Уфа, 1959. – С. 114–142.
114. Мажитов, Н., Султанова, А. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века / Н. А. Мажитов, А. Н. Султанова. – Уфа : Китап. 1994. – 360 с.
115. Маковельский, А. О. Авеста / А. О. Маковельский. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1960. – 144 с.
116. Мамедова, Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании / Ф. Мамедова. – Баку : Элм, 1986. – 284 с.
117. Марджани, Ш. Китаб мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар / Ш. Марджани.– Казань: Тип. Б. Л. Домбровского, 1897. – Ч. 1. – 264 с. (на тюрки).
118. Мацулевич, Л. А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии / Л. А. Мацулевич // Советская этнография : сб. ст. – Вып. VI–VII. – М.-Л., 1947. – С. 125–147.
119. Меликсет-Бек, Л. М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского / Л. М. Меликсет-Бек // Исследования по истории культуры народов Востока : сб. в честь акад. И. А. Орбели. – М.-Л. : Изд-во АН СССР (Ленингр. отд-ние), 1960. – С. 112–118.
120. Микулчик, И. Средновековни градови и тврдини во Македонија / И. Микулчик. – Скопје : Македонска цивилизација, 1996. – 382 с.
121. Микульский, Д. В. Арабский Геродот / Д. В. Микульский. – М. : Алетей, 1998. – 229 с.
122. Минорский, В. Ф. История Ширвана и Дербенда / В. Ф. Минорский ; пер. С. Г. Микаэляна. – М. : Вост. лит., 1963. – 534 с.

123. Мифы народов мира : Энциклопедия : в 2 т. Т. II / Под. ред. С. А. Токарева. – 2-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1988. – 719 с.
124. Муратов, Б. А. Телеские предки башкир в китайской хронике «Суй-шу» / Б. А. Муратов // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 3 (34). – С. 250–252.
125. Мюллер, А. История ислама : От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов : в 2 т. / А. Мюллер. – М. : Астрель : АСТ, 2004. – 327 с. – («Классическая мысль»).
126. Наглер, А. О., Чипирова, Л. А. К вопросу о хозяйственных типах в древних обществах / А. О. Наглер, Л. А. Чипирова // Античность и варварский мир. – Орджоникидзе : Изд-во СОГУ, 1985. – С. 87–91.
127. Неаполитанский, С. Ведические предания Древней Индии : Бхагават-пурана / С. Неаполитанский. – М. : Амрита-Русь, 2011. – 518 с.
128. Небольсин, П. И. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край / П. И. Небольсин // Вестник РГО. – Ч. IV. – Кн. 1. – СПб., 1852. – С. 1–34.
129. Новиков, В. А. Сборник материалов по истории уфимского дворянства / В. А. Новиков. – Уфа : Печатня Н. Блохина, 1879. – 265 с.
130. Новосельцев, А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А. П. Новосельцев. – М. : Наука, 1990. – 264 с.
131. Новосельцев, А. П., Пашуто, В. Т., Черепнин, Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика) / А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1972. – 338 с.
132. Ньюли Г. Название алан в Сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу противостояния Ирана внешнего и Ирана внутреннего / Г. Ньюли ; пер. П. Оньибене, Г. Чочиева. – Владикавказ : Ир, 2002. – 43 с.
133. Патканьян, К. Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями / К. Патканьян. – СПб. : Тип. Импер. Акад. наук, 1863. – XXIV, 96 с.

134. Персидско-русский словарь / Под. ред. Ю. А. Рубинчика. – Т. I. – М. : Сов. энцикл., 1970. – 784 с.
135. Петров, К. И. Тюркские корни сармат / К. И. Петров // АЭБ / Под ред. Р. Г. Кузеева, К. В. Сальникова. – Уфа : Изд-во БФАН СССР, 1971. – Т. IV. – Уфа, 1971. – С. 333–335.
136. Пехлевийско-персидско-армяно-русско-английский словарь / Сост. Р. Абрамян. – Ереван : Митк, 1965. – 337 с.
137. Полосин, В. В. Этноним «булгары» в арабских источниках / В. В. Полосин // VII научная сессия ЛО ИВ АН СССР : кр. сообщения. – Л., 1971. – С. 26–9.
138. Поппе, Н. Н. О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков / Н. Н. Поппе. – Чебоксары : Чуваш. обл. изд-во, 1925. – 31 с.
139. Прозоров, С. М. Арабская историческая литература в Ираке, Иране и Средней Азии в VII – середине X в. (шиитская историография) / С. М. Прозоров. – М. : Наука, 1980. – 247 с.
140. Пьянков, И. В. Массажеты Геродота / И. В. Пьянков // ВДИ. – 1975 – № 2. – С. 46–70.
141. Раев, Б. А., Яценко, С. А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе / Б. А. Раев, С. А. Яценко // Скифия и Боспор : материалы конф. памяти акад. М. И. Ростовцева. – Новочеркасск : Музей истории донского казачества, 1993. – С. 117–119.
142. Раевский, Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен / Д. С. Раевский // Мир скифской культуры. – М. : Языки слав. культур, 2006. – С. 17–262. – («Studia historica»).
143. Рамзи М. Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вакаи' Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар / М. Рамзи.– Оренбург : Матба'а аль-Каримийа валь-Хусайниййа, 1908. – Т. I. – 716 с. (на араб. яз.)
144. Раппопорт, Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах / Ю. А. Раппопорт // Средняя Азия в древности и средневековье :

История и культура / Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. – М. : Наука, 1977. – С. 58–71.

145. Расторгуева, В. С. Среднеперсидский язык / В. С. Расторгуева. – М. : Наука, 1966. – 160 с.

146. Рашев, Р. Българската езическа култура VII–IX век / Р. Рашев. – София: Класика и стил, 2008. – 598 с. (на болг. яз.).

147. Рашев, Р. Прабългарите през V–VII век / Р. Рашев. – Изд. 3-е – София: Орбел, 2005. – 348 с. (на болг. яз.).

148. Рыбаков, Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переплут / Б. А. Рыбаков // СА. – 1967. – № 2. – С. 91–116.

149. Рыбаков, Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. / Б. А. Рыбаков // КСИИМК. – Вып. 43. – М., 1952. – С. 3 – 44.

150. Салмин, А. К. Краткая история болгар / А. К. Салмин // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2015. – № 395. – С. 166–122.

151. Салмин, А. К. Краткая история савиров / А. К. Салмин // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2014. – № 382. – С. 119–125.

152. Сиротенко, В. Т. Письменные свидетельства о болгарях IV–VII вв. в свете современных им событий / В. Т. Сиротенко // Славяно-балканские исследования : Историография и источниковедение : сб. ст. и мат. – М. : Наука, 1972. – С. 195–218.

153. Смирнов, А. П. Волжские болгары / А. П. Смирнов // Труды ГИМ. – Вып. XIX. – М., 1951. – 275 с.

154. Смирнов, А. П. Железный век Башкирии / А. П. Смирнов // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири : материалы и исследования по археологии. – Вып. 58. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – С. 5–113.

155. Смирнов, А. П. Очерки по истории древних болгар / А. П. Смирнов // Труды ГИМ. – Вып. XI. – М., 1940. – С. 55–136.

156. Смирнов, К. Ф. Археологические исследования в Дагестане в 1948–1950 годах / К. Ф. Смирнов // КСИИМК. – Вып. XLV. – М.-Л., 1952. – С. 83–96.
157. Смирнов, К. Ф. Савроматы и сарматы / К. Ф. Смирнов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М. : Наука, 1977. – С. 129–138.
158. Смирнов, К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии / К. Ф. Смирнов. – М. : Наука, 1984. – 184 с.
159. Станчев, С. Р. Новый памятник древней болгарской культуры / С. Р. Станчев // Советская археология : сб. ст. – Вып. XXVII. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – С. 107–132.
160. Стариков, А. А. Фирдоуси и его поэма «Шахнаме» / А. А. Стариков // Фирдоуси. Шахнаме : в 6 т. Т. I : От начала поэмы до сказания о Сохрабе / Пер. с фарси Ц. Б. Бану-Лахути, коммент. А. А. Старикова. – М. : Наука, 1957. – С. 459–592.
161. Старостин, С. А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы / С. А. Старостин // Древний Восток : Этнокультурные связи. – М. : Наука, 1988. – С. 112–163.
162. Стеблева, И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы / И. В. Стеблева // Тюркологический сборник / под ред. С. Г. Кляшторного. – 1971. – М. : Наука, 1972. – С. 213–226.
163. Степанянц, М. Т. Восточная философия / М. Т. Степанянц. – М.: Вост. лит., 2001. – 511 с.
164. Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии / В. В. Струве. – Л. : Наука, 1968. – 353 с.
165. Сунгатов, Ф. А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н. э.) / Ф. А. Сунгатов. – Уфа : Гилем, 1998. – 169 с.
166. Татищев, В. Н. История Российская с самых древнейших времен / В. Н. Татищев. – Кн. I. – Ч. II. – М. : Моск. Импер. ун-т, 1769. – С. 225–600.

167. Тилак, Б. Г. Арктическая родина в Ведах / Б. Г. Тилак. – М. : Фаир-Пресс, 2002. – 528 с.
168. Толстов, С. П. Древний Хорезм : Опыт историко-археологического исследования / С. П. Толстов. – М. : МГУ, 1948. – 352 с. [87 таб.]
169. Толстов, С. П. Из предыстории Руси : Палеоэтнографические этюды / С. П. Толстов // Советская этнография : сб. ст. – Вып. VI–VII. – М.-Л., 1947. – С. 39–59.
170. Толстов, С. П. Огузы, печенеги, море Даукара / С. П. Толстов // СЭ. – 1950. – № 4. – С. 49–55.
171. Толстов, С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации / С. П. Толстов. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 328 с.
172. Толстова, Л. С. Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпаков / Л. С. Толстова // СЭ. – 1971. – № 2. – С. 25–37.
173. Тревер, К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н. э. – VII в. н. э.) / К. В. Тревер. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1959. – 389 с.
174. Тревер, К. В. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица / К. В. Тревер. – Л. : Гос. Эрмитаж, 1937. – 74 с.
175. Тревер, К. В., Якубовский, А. Ю., Воронец, М. Э. История народов Узбекистана : в 2 т. Т. I / К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец. – Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1950. – 473 с.
176. Туаллагов, А. А. К вопросу о происхождении ранних алан / А. А. Туаллагов // Stratum + Петербургский археологический вестник. – СПб.-Кишинев, 1997. – С. 67–82.
177. Туаллагов, А. А. Сведения «Ашхарацуиц» об аланах / А. А. Туаллагов // Известия СОИГСИ. – 2010. – № 4 (43). – С. 24–36.
178. Уметбаев, М.-С. Ядкар / М.-С. Уметбаев. – Казань : Тип. Б. Л. Домбровского, 1897. – 122 с. (на тюрки).

179. Усманов, М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. / М. А. Усманов. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1972. – 222 с.
180. Фасмер, Р. Р. О монетах волжских болгар X в. / Р. Р. Фасмер // ИОАИЭ. – Т. XXXIII. – Вып. I. – Казань, 1926. – С. 29–60.
181. Фахреддинев, Р. Болгар вә Казан төрекләре / Р. Фахреддинев. – Казань, 1993. – 287 б. (на тат. яз.).
182. Федоров, А. Я., Федоров, Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе / А. Я. Федоров, Г. С. Федоров. – М. : Изд-во МГУ, 1978. – 296 с.
183. Фрай, Р. Наследие Ирана : Культура народов Востока : мат. и исслед. / Р. Фрай ; пер. В. А. Лившиц, Е. В. Зеймаль. – Изд. 2-е. – М. : Вост. лит., 2002. – 463 с.
184. Фролова, О. Б. Об этническом названии «бурджан» у арабских географов / О. Б. Фролова // Ученые записки ЛГУ. – 1977. – № 395. – С. 195–196. – (Серия востоковед. наук ; вып. 20).
185. Хабичев, М. А. Об этнонимах *alan*, *byzynyly*, *malkarly*, *karaçajly*, *tegejli* / М. А. Хабичев // СТ. – 1971. – № 2. – С. 126–129.
186. Хазанов, А. М., Шкурко, А. И. Социальные и религиозные основы скифского искусства / А. М. Хазанов, А. И. Шкурко // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М. : Наука, 1976. – С. 40–51.
187. Халиков, А. Х. О столице домонгольской Булгарии / А. Х. Халиков // СА. – 1973. – № 3. – С. 83–99.
188. Халиков, А. Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских болгар в археологических материалах / А. Х. Халиков // Из истории ранних болгар. – Казань : Таткнигоиздат, 1981. – С. 5–20.
189. Халиков, А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья / А. Х. Халиков. – Казань : Таткнигоиздат, 1978. – 160 с.
190. Хамидуллин, С. И. «Царство гуннов» и княжество Бурджан на Северном Кавказе / С. И. Хамидуллин // ВИ. – 2011. – № 3. – С. 159–164.

191. Хамидуллин, С. И. Башкирская мифология и этногенез башкир / С. И. Хамидуллин // Проблемы региональной культуры : материалы VI Всерос. науч.-практ. конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посв. 90-летию создания Чувашской Республики (г. Чебоксары, 25–26 марта 2010 г.). – Чебоксары, 2010. – С.108–113.
192. Хамидуллин, С. И. Булгаро-бурджанская проблема в свете арабо-персидских, армянских и византийских источников / С. И. Хамидуллин // Научное наследие А.-З. Валиди Тогана и современные проблемы федерализма в России : межрегион. науч.-практ. конференция, посв. 115-летию А.-З. Валиди Тогана : V Валидовские чтения (Уфа, 20–21 декабря 2005 г.). – Уфа, 2005. – С. 241–244.
193. Хамидуллин, С. И. Бурджаны в истории Евразии / С. И. Хамидуллин // «Восток (Oriens)». – 2011. – № 5. – С. 22–33.
194. Хамидуллин, С. И. Исторические гунны и их потомки / С. И. Хамидуллин // Ватандаш. – 2011. – № 10. – С. 3–12.
195. Хамидуллин, С. И. Прабашкиры / С. И. Хамидуллин // Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа : материалы Всерос. науч.-практ. конференции, посв. 70-летию С. Н. Шитовой (Уфа, 22 декабря 2006 г.). – Уфа : Гилем, 2006. – С. 74 – 78.
196. Хамидуллин, С. И. Тюркское Небо / С. И. Хамидуллин // Вестник Бирской государственной социально-педагогической академии.– Вып. 7. – Бирск, 2006. – С.11–128. – («Социально-гуманитарные науки»).
197. Цуциев, А. А. Аланы и события в Центральной Азии в первой половине I н. э. / А. А. Цуциев // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии : материалы Всерос. науч. конференции с международным участием (г. Карачаевск, 24–26 июня 2010 г.) . – Карачаевск, 2010. – С. 242–250.
198. Чеснов, Я. В. О социальной мотивированности древних этнонимов / Я. В. Чеснов // Этнонимы / Отв. ред. В. А. Никонов. – М. : Наука, 1970. – С. 46–50.

199. Членова, Н. Л. Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II – начале I тысячелетия до н. э. / Н. Л. Членова // СА. – 1989. – № 2. – С. 225–240.
200. Чунакова, О. М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов / О. М. Чунакова. – М. : Вост. лит., 2004. – 286 с.
201. Шагинян, А. К. Армянско-албанская церковная миссия в великом княжестве Гуннском в 682–685 гг. / А. К. Шагинян // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – СПб., 2013. – № 2. – С. 3–13.
202. Шафарик, П. Й. Славянские древности : в 2 т. / П. Й. Шафарик ; пер. с чеш. О. Бодянского. – 2-е изд. – М. : Университетская тип., 1847. – Т. 1, Кн. 1.– 442 с.; Т. 2, Кн. 1. – 454 с.
203. Шпилевский, С. М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии / С. М. Шпилевский. – Казань : Университетская тип., 1877. – 610 с.
204. Щербак, А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках / А. М. Щербак // Историческое развитие лексики тюркских языков. М. : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 82–172.
205. Элиаде, М. История веры и религиозных идей : в 3 т. Т. I : От каменного века до элевскинских мистерий / М. Элиаде ; пер. Н. Н. Кулакова. – М. : Критерион, 2002. – 464 с.
206. Юридические документы и письма (Согдийские документы с горы Муг, вып. 2) / Чтение, пер. и коммент. В. А. Лившица. – М. : Вост. лит., 1962. – 222 с.
207. Юсупов, Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику / Г. В. Юсупов. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 160 с.
208. Юсупов, Ю. М. История Башкортостана XV–XVI вв. / Ю. М. Юсупов. – Уфа : Гилем, 2009. – 192 с.
209. Янина, С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. / С. А. Янина // МИА. – № 111. – М., 1962. – С. 179–204.

210. Яценко, С. А. «Хазары» и «басилы» III–V вв. в Северо-Западном Прикаспии по армянским источникам / С. А. Яценко // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа : XIX «Крупновские чтения» (Москва, апрель 1996 г.) : тез. докл. – М. : Ин-т археологии РАН, 1996. – С. 86–94.
211. Яценко, С. А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н. э. / С. А. Яценко // Петерб. археол. вестник. – № 3. – СПб. : Ойум : Фарн, 1993. – С. 60–72.
212. Яценко, С. А. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV вв. н. э. : Локализация и политическая история / С. А. Яценко // Петерб. археол. вестник. – № 6. – СПб. : Ойум : Фарн, 1993. – С. 83–88.
213. Bailey, H. W. Arya II / H. W. Bailey // BSOAS. – Vol. 23, № 1 – 1960. – P. 13–39.
214. Bailey, H. W. Dictionary of Khotan Saka / H. W. Bailey. – Cambridge, 1979. – XVII, 559 p.
215. Bailey, H. W. Hārahūṇa / H. W. Bailey // Asiatica / Ed. J. Schubert and U. Schneider Festschrift Friedrich Weller. – Leipzig, 1954. – P. 12–21.
216. Bailey, H. W. Saka studies: the ancient kingdom of Khotan / H. W. Bailey // «Iran» (Journal of the British Institute of Persian Studies). – Vol. VIII. – L., 1970. – P. 65–72.
217. Bartholomae, Ch. Altiranisches Wörterbuch / Ch. Bartholomae. – Strassburg : Trübner, 1904. – XXXII, 2000 cols.
218. Bocharti, S. Geographia Sacra. Pars prior / S. Bocharti. – Francofurti ad Moenum, 1674. – 360 s.
219. Boyce, M. A history of Zoroastrianism / M. Boyce // Handbuch der Orientalistik. – Vol. I. – Leiden-Köln : E. J. Brill, 1975. – XVI, 347 p.
220. Boyce, M. Some reflections on Zurvanism / M. Boyce // BSOAS. – Vol. 19. – 1957. – № 2. – P. 304–316.
221. Christensen, A. Die Iranier / A. Christensen // Kulturgeschichte des Alten Orients (Handbuch der Altertumswissenschaft III, 1.3). – München, 1933. – S. 203–309.

222. Christensen, A. *L'Empire des Sassanides: le peuple, l'état, la cour* / A. Christensen. – København : Bianco Lunos Bogtrykkeri, 1907. – 117 p.
223. Christensen, A. *Sassanid Persia* / A. Christensen // *The Cambridge Ancient History*. – Vol. XII. – Cambridge, 1939. – P. 109–137.
224. Cumont, F. *The mysteries of Mithra* / F. Cumont ; Trans. by T. J. McCormack. – Chicago : The open court publishing company, 1903. – XIV, 239 p.
225. De Blois, F. *Dahae* / F. de Blois // *Encyclopaedia Iranica*. – Vol. 6. – Costa Mesa, 1993. – P. 581–582.
226. Geiger, W. *Civilization of the Eastern Iranians in the ancient time* / W. Geiger. – Vol. I. – L. : Henry Frowde, 1885. – 229 p.
227. Geiger, W., Windischmann, F. *Zarathushtra in the Gathas and in the Greek and Roman classics* / W. Geiger, F. Windischmann. – Leipzig : Otto Harrassowitz, 1897. – 256 p.
228. Golden P. B. *Sakaliba* / P. B. Golden // *Encyclopaedia of Islam*. New edition / Ed. by C. E. Bosworth [et al.]. – Vol. VIII. – Leiden : Brill, 1995. – P. 872–878.
229. Golden, P. B. *Khazar Studies: A Historic-philological Inquiry into the Origins of the Khazares* / P. B. Golden. – Vol. I. – Budapest, 1980. – 252 p.
230. Hamilton, J. R. *Les Ouïghours à l'époque des Cinq dynasties d'après les documents chinois* / J. R. Hamilton. – P., 1955. – XI, 201 s.
231. Harmatta, J. *Studies in the History and Language of the Sarmatians* / J. Harmatta // *Acta Universitatis de Attila József Nominatae. Acta antiquae et archaeologica*. – T. XIII. – Szeged, 1970. – 131 p.
232. Haussig, H. W. *Theophilakts Exkurs über die skythischen Völker* / H. W. Haussig // *Byzantion*. – T. XXIII. – Bruxelles, 1953. – P. 275–462.
233. Herzfeld, E. *Iran in the ancient East* / E. Herzfeld. – L.-N. Y. : Oxford university press, 1941. – 353 p.
234. Humbach, H., Skjærvø, P.O. *The Sassanian Inscription of Paikuli* / H. Humbach, P. O. Skjærvø. – Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1983. – 55 p.
235. Huyse, Ph. *Die dreisprachige Inschrift Šābuhrs I an der Ka'ba-i*

Žardušt (ŠKZ) / Ph. Huysse // *Corpus Inscriptionum Iranicarum*. – Part III. – Vol. I, Text I. – L. : SOAS, 1999. – 262 p.

236. Kak, S. Vedic Elements in the Ancient Iranian Religion of Zarathushtra / S. Kak // *The Adyar Library Bulletin*. – Vol. 67. – Madras, 2003. – P. 47–63.

237. Kent, R. Old Persian : Grammar, Texts, Lexicon / R. Kent. – New Haven : American oriental society, 1950. – XIII, 216 c.

238. Klaproth, J. H. Tableaux historiques de l'Asie / J. H. Klaproth. – P., 1826. – XXX, 289 p.

239. Konow, St. Vedic dasyu, toxri dahä / St. Konow // *Festschrift für Vilhelm Thomsen*. – Leipzig, 1912. – S. 96–97.

240. Lewicki, T. Zrodla arabskie do dziejow slowianszczyzny / T. Lewicki. T. I. – Wroclaw-Warszawa-Krakow, 1956. – 383, XIV s.

241. Maenchen-Helfen, J. O. The world of the huns / J. O. Maenchen-Helfen. – Berkeley-Los Angeles-L. : University of California Press, 1973. – XXIX, 602 p.

242. Mallory, J. P. In search of the Indo-Europeans : Language, Archaeology and Myth / J. P. Mallory. – L. : Thames and Hudson, 1991. – 288 p.

243. Marquart, J. Die altbulgarische Ausdrücke in der Inschrift von Čatalar und der altbulgarischen Fürstenliste / J. Marquart // *Известия русского археологического института в Константинополе*. – Т. XV. – София : Държавна печатница, 1911. – С. 1–30.

244. Marquart, J. Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci / J. Marquart. – Berlin : Wiedmannsche Buchhandlung, 1901. – 385 s.

245. Marquart, J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge / J. Marquart. – Leipzig : Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, T. Weicher, 1903. – L, 557 s.

246. Mc Govern, W. The Early Empires of Central Asia: a study of the Scythians and the Huns and the part they played in world history, with special

reference to the Chinese sources / W. Mc Govern. – L. : The University of North Carolina Press, 1939. – 529 p.

247. Minorsky, V. A new book on the Khazars / V. Minorsky // *Oriens*. – Vol. XI, № 1–2. – Leiden, 1958. – P. 122–145.

248. Moravcik, Gy. Zur Geschichte der Onoguren / Gy. Moravcik // *Ungarische Jahrbücher*. – Bd. X. – Berlin, 1930. – S. 53 – 90.

249. Nöldeke, Th. Geschichte des Artasīr-i Pāpākan / Th. Nöldeke // *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*. – Bd. 4. – Göttingen, 1878. – S. 22–69.

250. Parpola, A. The Nasatyas, the Chariot and Proto–Aryan Religion / A. Parpola // *Journal of Indological Studies*. – Nos.16 & 17. – Kyoto, 2004–2005. – P. 1–63.

251. Quatremère, M. Histoire des mongols de la Perse écrite en persan par Rashid-eldin / M. Quatremère. – P. : Imprimerie royale, 1836. – 450 p.

252. Skjaervø P. O. Aždahā : in Old and Middle Iranian / P. O. Skjaervø // *Encyclopaedia Iranica*. – Vol. 3. – N. Y. : Routledge & Kegan Paul, 1989. – P. 191–199.

253. Togan, Z. V. Başkurtların Tarihi / Z. V. Togan // *Türksoy Yayınları*. – № 18. – Ankara, 2003. – 523 s.

254. Vasmer, M. Die Slaven in Griechenland / M. Vasmer. – Leipzig : Zentral Antiquariat der Deutschen Demokratischen Republik, 1970. – 350 s.

255. Witzel, M. On the localization of Vedic Texts and Schools / M. Witzel // *India and the Ancient World : History, Trade and Culture before A.D. 650* : P. H. L. Eggermont Jubilee Volume / Ed. by G. Pollet. – Leuven, 1987. – P. 174–213.

256. Witzel, M. The Home of the Aryans / M. Witzel // *Anusantatyī : Festschrift für Johanna Narten zum 70 Geburtstag* / Ed. A. Hinze and E. Tichy. – Dettelbach, 2000. – S. 283–338.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АЭБ – Археология и этнография Башкирии (Уфа)

БАС – Башкирский археологический сборник (Уфа)

ВДИ – Вопросы древней истории (М.)

ВИ – Вопросы истории (М.)

ГИМ – Государственный исторический музей (М.)

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения (М.)

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете (Казань)

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (М.-Л.)

ЛО ИВ АН СССР – Ленинградское отделение Института Востоковедения АН СССР (Л.)

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (М.)

СА – Советская археология (М.)

СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований (Владикавказ)

СТ – Советская тюркология (М.)

ЧМОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (М.)

BGA – Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Lugduni Batavorum (Leiden).

BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies (L.)

SOAS – School of Oriental and African Studies (L.)

Рис. 2. Бурджаны (берзилы) и царство Маскут (III–V вв.)

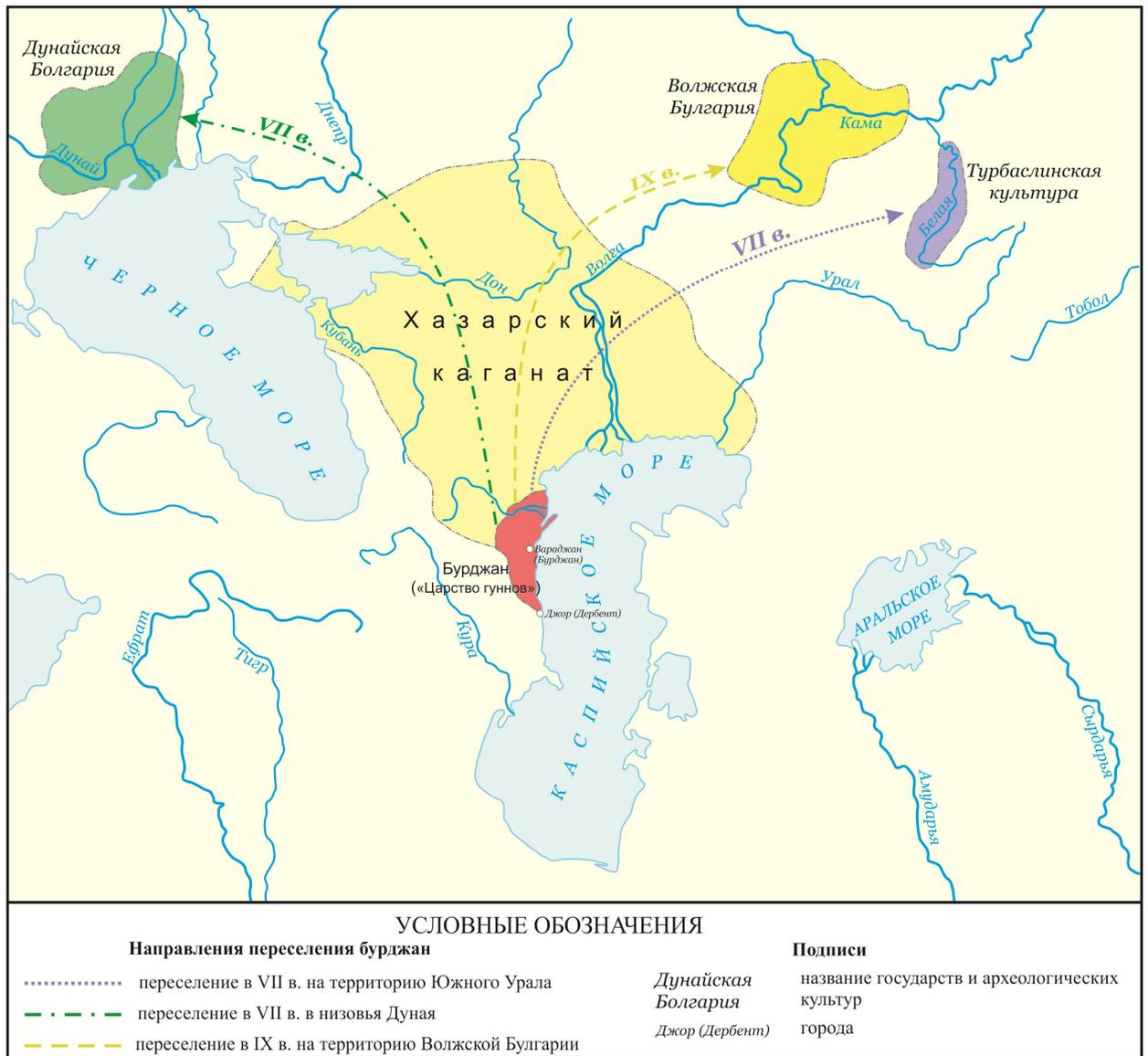

Рис. 3. Миграции бурджан (берзилов) в VI–X вв.

Рис. 4. Бурцеланд на карте Трансильвании Себастьяна Мюнстера, 1588 г.

